

BULLETIN

Igud Yotzei Sin

БЮЛЛЕТЕНЬ

Игуд Иоцей Син

ВЫПИСКА
ИЗ УСТАВА
АССОЦИАЦИИ
"Задачей Ассоциации
является организация
выходцев с Дальнего
Востока в целях
взаимной помощи и
сотрудничества"

Association of Former Residents of China • Ассоциация выходцев из Китая в Израиле

September 2021 • 68th Year of Issue • No. 420 • Сентябрь 2021 • 68-й год издания • No. 420

Mosaic Map of the Jewish
Communities in China on the
Wall of the Cultural Hall in the
Synagogue in Memory of the
Communities in Tel Aviv

Карта еврейских общин в
Китае. Мозаика находится в
Синагоге памяти еврейских
общин Китая в Тель-Авиве

Reception held by the Association of former Residents of China and the Israel China Friendship Society for the Ambassador of China Mr. Cai Run at the Synagogue in memory of Jewish Communities in China

**Первая встреча представителей ИИС и ОДИК
с новым послом КНР в Израиле Цай Руном**

CONTENTS

Contents.....	3	List of Scholarships.....	30-31
Leadership.....	4	Protected Persons - The Baghdad Jewish Diaspora.....	32-42
Holiday Greetings	5-15	Russian Chinese and Japanese Perceptions of Harbin Jewry	43-48
70th Anniversary Igud Yotzei Sin.....	16-21	My Family's Journey from Berlin	49-50
Shanghai: Safe Haven during the Holocaust	21	The English Teacher and Maintaining Memory: Stories	51-56
Aims of IYS and Readers Letter	22	Donations.....	57-58
General Meetings 2020-2021	23	Minyuan Grounds	59-60
I am a TCK – Third Culture Individual	24-25	In Memoriam – Abraham Fradkin	61
Jewish Museum Vienna Exhibit	26-28	Obituaries	62-66
The New Harbin Museum	29		

THE IYS BULLETIN has been continuously published in English,
Russian & Hebrew since 1954, and covers all aspects of the Jewish Communities of
China, with historical memoirs, book reviews, archival information, and current stories of
former residents of China living in Israel and around the world.
“The aim of the Association is to organize former residents from China for the purpose of
mutual assistance and cooperation.”

LEADERSHIP OF IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL IYS HONORARY REPRESENTATIVES IN THE DIASPORA

IGUD YOTZEI SIN

IYS Chairmen

Leo Piastunovich (1951 – 1952)

Boris Kotz (1953 – 1971)

Teddy Kaufman (1972 – 2012)

IYS Management

Yossi Klein – Chairman

Jacob Matlin – Vice-chairman

Alex Nachumson - Vice-Chairman

Avi Podolsky

Mili Makov

Judith Sandel

Secretary General

Inna Baksheev

Control Commission

Moshe Lichomanov – Chairman

Ariel Eldor – member

Honorary Legal Advisor

Daniel Friedmann – Attorney

IYS Hon. Representatives:

Esther Wandel -

Haifa & the North

Avi Podolsky -

Jerusalem & the South

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives

Jesse and Naomi Tracton

2 Oaks Place

North Bondi 2006, Australia

Tel. 61-2-91302575

AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY, New York, USA

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President

Rose Britanisky-Peiser – Treasurer

Leona Shluger-Forman –

Secretary

Sally Berman

Lilly Langotsky

Odette Rector-Petersen

Address:

The American Far Eastern Society, Inc.

Lilly Langotsky

160 West 66th Str. # 55B

New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser

7400 SW 170, Terrace

Miami, Florida 33157, USA

e-mail: rpeiser@aol.com

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL

Association of the former residents of China

31 Habarzel Str., Ramat Hahayal

Tel Aviv, 6971045, ISRAEL

Tel.: 972-3-5171997 e-mail: igud.y.sin@gmail.com

Fax: 972-3-5161631 www.jewsofchina.org

Editor-in-Chief: Yossi Klein

Assistant Editors: Flori Cohen, Cecilia Lyubman, Inna Baksheev

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN
SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS
TO THE BOARD OF DIRECTORS OF THE
AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY IN NEW YORK
AND WISHES MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY TO ALL ITS MEMBERS
AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN THE UNITED STATES OF AMERICA

The BOARD of DIRECTORS and the ENTIRE MEMBERSHIP
of the NEW YORK AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY
EXTEND BEST WISHES FOR THE HOLIDAY
TO ALL OF OUR FRIENDS

Holiday Greetings

6

**BEST WISHES
FOR A HAPPY AND HEALTHY ROSH HASHANA
TO RELATIVES AND FRIENDS**

ANGELICA KLEBANOFF

Palm Beach, USA

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

Holiday Greetings

WISHING A HAPPY HOLIDAY TO FAMILY AND FRIENDS

ROSE and NORMAN PEISER

SUSAN and MARK BRITANISKY

New York, USA

TANIA MATERMAN

and SON AVRAHAM YAACOV

EXTEND BEST WISHES FOR A HAPPY HOLIDAY TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

New York, USA

TO HONOR OUR PARENTS

MAX and MOLLY SAMSON

AND

BEN and VERA BERG

DELORES and ROGER BERG

Los Angeles, USA

Holiday Greetings

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO RELATIVES AND FRIENDS

MIRA and PHIL MATERMAN

Torrance, CA, USA

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES

TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

NADIA and JACK OGNISTOFF and ELEONORE TREMBLAY

Burnaby, Canada

HOLIDAY GREETINGS TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

DAVID and FREDERIQUE FAMILIANT

Monte-Carlo, Monaco

Holiday Greetings

GREETINGS TO MY RELATIVES AND FRIENDS

CLARA LEEF

Laguna Woods, CA, USA

A HAPPY AND HEALTHY HOLIDAY

**Sanford (Sanya) WAINER, Jerry EVELYN and Josh ROTHMAN,
Andrew GALL and Allison WAINER,
Kenny, Brett, Ellie and Jenna ROSENBERG
Tamarac, USA**

JOE MRANTZ

**WISHES ALL HIS FRIENDS AND FAMILY A HAPPY HOLIDAY
Kula, Hawaii, USA**

Dear Flori, Happy 90th Birthday!
Congratulations on reaching this amazing milestone.
We wish you many more years of health and happiness.

IYS Bulletin Editorial Board

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN

**SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO THE IYS HONORARY REPRESENTATIVES**

JESSE and NAOMI TRACTON

AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN AUSTRALIA

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

**JESSE and NAOMI TRACTON,
IAN, RIM, MICHELLE, AVI and FAMILY**

Sydney, Australia

INNA MOUSTAFINE

Ms. MARA MOUSTAFINE and

Mr. ANDREW JAKUBOWICZ

Sydney, Australia

Holiday Greetings

Mary SAMSON
Sydney, Australia

Mrs. VERA KARLIKOFF and family
Sydney, Australia

Mr. & Mrs. Renee TSUKASOFF
and Mark
Sydney, Australia

Mrs. J. VINSON and family
Toorak, Vic., Australia

Mrs. Lika KAGANER
and family
Sydney, Australia

Ruth and Morris ESKIN
and family
Sydney, Australia

George VORON
and sons
Sydney, Australia

IGUD YOTZEI SIN
SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS
TO ALL THE FORMER RESIDENTS OF CHINA ABROAD
AND WISHES THEM MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY

Holiday Greetings

YOSSI KLEIN and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Hasharon, Israel

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES

TO ALL THE MEMBERS OF THE IGUD YOTZEI SIN

JACOB (YAKI) MATLIN

Shoham, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

ALEX NACHUMSON and FAMILY

Pardesiya, Israel

NATALIA and SEVA PODOLSKY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO RELATIVES AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD

Jerusalem, Israel

Holiday Greetings

RASHA KAUFMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO ALL HER FAMILY AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Gan, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

MIRIAM and DANIEL FRIEDMANN

Netanya, Israel

ESTHER WANDEL

SENDS GREETINGS

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Kiryat Motzkin , Israel

ELI ALGOR (GROHOVSKY) and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO THEIR FRIENDS AND RELATIVES

Tel Aviv, Israel

Holiday Greetings

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

**ILANA and GIORA LESK,
CARMELA MADPIS and FAMILIES**

Raanana, Israel

FLORA FREIMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Tel Aviv, Israel

SAM MULLER

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

Kfar Shmaryahu, Israel

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO

ILANA and GIORA LESK

Holiday Greetings

HAPPY NEW YEAR TO THE WHOLE OF OUR IGUD FAMILY!

**MAY WE ALL BE BLESSED WITH AN INSPIRING,
REWARDING AND SUCCESSFUL YEAR.**

SHANA TOVA UMETUKA

DINA KEDAR, MILI MAKOV and FAMILIES

Amikam, Israel

ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY

**WISHES A HAPPY HOLIDAY, HEALTH AND HAPPINESS
TO ALL THE MEMBERS OF THE I.C.F.S, THE MEMBERS OF
THE ASSOCIATION OF FORMER RESIDENTS OF CHINA
AND ALL OF OUR FRIENDS AND THEIR FAMILIES**

Tel Aviv, Israel

YOSSI KLEIN

**WISHES A HAPPY HOLIDAY
TO THE STAFF OF IGUD YOTZEI SIN AND THE "BULLETIN":
INNA BAKSHEEV, CECILIA LYUBMAN,
AND TO THE VOLUNTEERS: FLORI COHEN, JUDITH SANDEL**

Tel Aviv, Israel

70th Anniversary Igud Yotzei Sin

Association of Former Residents of China in Israel (1951-2021)

The wave of emigration of Jews from China to Israel, from 1949 to 1952, occurred during the period of the largest influx of emigrants from all over the world to the newly created state. Jews left China in the final stages of the civil war in that country, when the Chinese economy was going through a period of galloping inflation. As a result, many "Chinese" emigrants, went to Israel without financial means or professions suitable for the new country.

One route from China to Israel was a train ride to Tianjin, a boat to Hong Kong, and a plane to Israel. Another route was a long sea voyage by ship to Haifa with a stopover in Italy to board Israeli steamers. Most of the arrivals went through the Shaar haAliya reception camp near Haifa, and were then assigned to various immigration camps by the Jewish Agency, the "Sokhnut". Later on, they were settled in different cities and towns of Israel, or founded an agricultural settlement, a "moshav", such as Amikam. One group of immigrants from Shanghai began building a residential area in the immediate vicinity of Tel Aviv, which was first called Shikun Shanghai and is now known as the Ramat HaHayal district.

At the initiative of Leo Piastunovich, former chairman of the Tianjin Jewish community, a compatriot association, Igud

Olei Sin, was created to provide assistance and support for the former Jewish residents of China. The historic meeting took place at the Palatine Café in Tel Aviv on November 4, 1951. A year later, on October 27, 1952, in the Shikun Shanghai area near Tel Aviv, a Special All-Israel meeting was held, in which 14 members of the Provisional Committee and 22 delegates of our countrymen participated. The meeting elected the Interim Central Committee of the Association of Immigrants from China, Igud Olei Sin, which was later renamed Igud Yotzei Sin (IYS). Questions were raised about attracting as many countrymen as possible to the organization to help those in need of finding jobs, to provide financial assistance, cultural activities, learning Hebrew, etc. A small office was rented on Rothschild Boulevard as the IYS headquarters.

During the first ten years, from 1951 to 1961, funds for social aid, constructive assistance, etc. were created. Over time, contacts were established with immigrants from China who lived in other countries who had already organized their own compatriot associations in San Francisco, Sydney, Los Angeles, etc. They offered assistance to the association in Israel, sending donations for the active work of the IYS and for small loans to those in need. Gradually, this

activity developed and took on a much wider scale.

Leadership of Igud Yotzei Sin

The first chairman of the IYS was Leo Piastunovich (1951-1952), followed by Boris Kotz (1953-1971) and Teddy Kaufman (1972-2012). The leadership was carried out by elected bodies - the Central Committee of the IYS and the Presidium of the Central Committee which annually approved the budget of the IYS. The Presidium met regularly eight times a year, and the Central Committee - four times a year. Permanent or temporary assistance was offered to those in need, interest-free loans were provided, and elderly and sick fellow countrymen were given financial assistance.

IYS conferences

In just 70 years of the existence of the IYS, 15 conferences were held (once every 4 years), at which delegates heard a report on the activities of the organization and discussed plans for the future. In addition, two more meetings were held: a Special All-Israel Meeting of Representatives on October 27, 1952 and an Extraordinary Conference chaired by T. Kaufman on October 2, 1971.

On December 8-9, 1999, the 50th anniversary of the mass wave of emigration of Jews from China to Israel, the 14th IYS Conference was held. The summary report of the IYS

Central Committee contained the following sections: Social Aid Fund; Scholarship Fund; Gifts to soldiers; Synagogue in memory of the Jewish communities in China; Monuments on the graves of friends; Beit Ponve; IYS Presidium and Central Committee; IYS archive; IYS Bulletin; IYS branches: Jerusalem, Tel Aviv-Jaffa, Haifa; Section of Immigrants from the Sephardic Community of Shanghai; Jewish Refugees in Hongkew Section; Charity of our countrymen abroad and in Israel.

The 15th and last IYS conference took place on February 14-15, 2004 in Tel Aviv, at Beit Ponve. No further IYS conferences have been held.

Branches of Igud Yotzei Sin

In Jerusalem, the IYS branch committee organized meetings 3-4 times a year. The committee in Haifa, in addition to meetings twice a year, organized visits to the sick and lonely living in Haifa and its suburbs. In Tel Aviv, Sunday lunch meetings were held regularly.

IYS members took an active part in the work of the Central Committee, the Presidium, the Economic Commission and the Commission for Culture. Donations received from Israel and abroad were transferred to the Eleonora Piastunovich and Bella Volskaya Scholarship Fund, as well as to the IYS Social Aid Fund.

Section of immigrants from the Sephardic community of Shanghai

In 1996, a group of people from the Shanghai Sephardic community (about 120 people) joined Igud Yotzei Sin and

became an integral part of the Association. The Sephardic committee was headed by Yaakov Guri. The section held meetings twice a year at Beit Ponve. The planting of a forest in memory of Sir Ellis Kadoorie near Kfar Tavor was organized. The section within the IYS Bulletin published an English-language insertion in the IYS Bulletin called "New Israel Messenger" edited by Sassoon Jacoby.

Section of Jewish Refugees in Hongkew

This section of the IYS (about 130 people) consisted of Jewish refugees who arrived in Shanghai from Germany and Austria in 1939-1940. It was organized in 1990 under the leadership of Kurt Maiman, who edited the "Chusan Road Chatter" in the English supplement of the Bulletin, and its members met regularly 2-3 times a year at Beit Ponve.

Igud Yotzei Sin Activities

Social Aid. The first and main task throughout the years of the IYS existence was social assistance, caring for those in their declining years, or in poor health, were unable to work and had little income. This was especially true of those who did not have any relatives or friends. Those in need received a monthly cash benefit from the Social Aid Fund. Over the years, their numbers gradually decreased. In the 1990s, when new immigrants from the former USSR, who were born or previously lived in China, arrived in Israel, they needed material and moral support which was provided by Igud Yotzei Sin.

IYS Bulletin. In 1954, the first issue of the Bulletin magazine was published in Russian. Its

pages covered the economic, political and cultural life of the country and the daily life of new immigrants in the young state. The magazine then began to appear with supplements in English and Hebrew. By the 50th anniversary of the IYS, the Bulletin was published in three languages five times a year with a circulation of 1100 copies, 550 readers in Israel and 600 abroad, distributed in 24 countries. After the restoration of diplomatic relations between Israel and China in 1992 and the formation of the Israel-China Friendship Society (ICFS), an English-language supplement "The Voice of Israel-China Friendship" was also released. The Bulletin's mission is still relevant today: to maintain constant communication between the former residents of China in the diaspora with their compatriots in Israel, to strengthen their ties with Israel, to report on the areas of IYS activity, and to restore and publish materials on the rich history and culture of Jews in China.

Synagogue and Cultural Center.

When the local authorities in Shanghai in 1954 demolished the Ashkenazi synagogue in accordance with the plan for the development of the area, the Chinese government transferred to Israel a sum of money that was considered equal to the value of the demolished synagogue, on condition that the money be used only for the construction of a synagogue in Israel. The Tel Aviv Municipality donated a land plot on HaGolan Street in the Ramat HaHayal district. Construction of the synagogue began in 1959 and on September 6, 1961, the Synagogue in memory of the

Jewish communities of China and the Cultural Center were inaugurated.

The synagogue is owned by Igud Yotzei Sin and is supported by donations to the Synagogue Fund. The Torah scrolls from the Harbin Main Synagogue are kept here. There are memorial plaques on the wall in memory of community leaders and former residents of China in Israel and around the world who donated money for the construction. Celebrating the 40th anniversary of the synagogue in 2001, Teddy Kaufman emphasized that "our synagogue is not only a monument to our past in China, it is also a constant concern for the preservation of the memory of many of our fellow countrymen, whose names are immortalized on the walls of the Synagogue, and all those for whom prayers are performed every Saturday on the Yartzeit (Memorial Day). Caring for the Synagogue at 31, HaGolan St. in Tel Aviv is an integral part of our work".

Monuments on the graves of friends. Igud Yotzei Sin keeps watch over the monuments on the graves of many of our countrymen who have no relatives in Israel. When someone does not leave any family or funds after death, a monument is erected to him at the expense of the IYS.

Scholarships for students. In 1956, the Ladies' Committee of the American Far Eastern Society in New York established a scholarship fund for university students who are children of former Chinese residents in Israel. Today, their grandchildren and great-grandchildren still receive scholarship awards from the IYS. After the opening of Beit Ponve

on 13 Gruzenberg Street in Tel Aviv, the tradition of awarding scholarships to students on Hanukkah were held annually. Anyone could send a donation to one or two scholarships in memory of someone close.

Gifts for soldiers. On the eve of Rosh Hashanah and Israel's Independence Day Israel Defense Forces servicemen, grandchildren and great-grandchildren of former residents of China, receive congratulations from the IYS with a monetary gift. This builds a bridge between the generations of the former Far Easterners, and ensures that the descendants of China Jewry will know about their roots.

Beit Ponve. Until 1972, the Tel Aviv office of Igud Yotzei Sin moved from place to place several times to rented premises. Thanks to the response of donors especially the generous donation of the Ponve (Ponevezhsky) family, two neighboring apartments were purchased at 13 Gruzenberg Street in Tel Aviv. The apartments were connected together to form a meeting and reception hall, as well to provide office space.

Beit Ponve has served as a center for the life and work of Igud Yotzei Sin for over 40 years. The IYS office and the editorial office of the Bulletin, an archive, a library, and the office of the Israel-China Friendship Society, established in the spring of 1992, were located here. The traditional Sunday meetings, reception of foreign guests, and birthday celebrations were held there. The Sunday meetings hosted by the Tel Aviv Ladies' Committee were very popular and were usually attended by 25-30 people. A light

meal was served, after which it was time for communication, conversations and mahjong playing in the meeting hall. When guests came from abroad, many rushed to meet with them, and then up to 50-60 people gathered. Conferences, lectures and even concerts were also held in the Beit Ponve meeting hall.

Archive of IYS. The IYS preserves the personal archives of Dr. Abraham Kaufman and of Mikhail Klyaver, complete sets of magazines "Yevreyskaya zhizn" ("Jewish Life"), "Gadegel", "Tagar", "Unzen Leben", sixteen volumes of the "Jewish Encyclopedia" by Brockhaus and Efron until 1915, seven volumes of the "Concise Jewish Encyclopedia", published under the editorship of Yitzhak Oren, many documents concerning the history of the Jewish communities of China, and a large number of albums with photographs. To preserve these archives, compile a catalog and prepare materials for future studies by specialists, an archival commission was created under the general leadership of Professor Boris Bresler. The archives of the Tianjin Jewish community and the archives of Rabbi A.M. Kiselev were transferred to the Archives of the Jewish People in Jerusalem. In the 1990s, historians from China, the USA, Japan, Russia, Great Britain, France, Israel came to work with the archives of Igud Yotzei Sin. In 2004, at a conference on the history of the Jews of Harbin held in Harbin, participants from different countries made presentations. Israel-China Friendship Society (ICFS). In 1992, following the establishment of diplomatic relations between Israel and

China and on the initiative of the IYS, the Israel-China Friendship Society was created, which began to hold various public events and receive delegations from China. Over the years, a supplement to the IYS Bulletin was published in English, "The Voice of Israel-China Friendship", which was a report on the activities of ICFS and was distributed among our friends in China and contributed to the strengthening of friendship with the Chinese people. A group from IYS led by T. Kaufman visited Harbin in 1992 and 1994. The purpose of the visits was to visit places associated with the Jewish past and the cemetery, which was transferred by the Harbin Jewish community in 1957-1958 outside the city. For a number of years, on the Passover holiday, familiarization walks were held around the country organized by the Friendship Society for the officials of the Chinese embassy, led by the Ambassador of China to Israel in which representatives of our countrymen from the IYS took part. In turn, the Chinese ambassador arranged a meeting with members of the ICFS and representatives of the IYS at his residence.

Jewish cemetery in Harbin. The maintenance of China's only surviving Jewish cemetery was constantly on the agenda of the IYS. Thanks to the contacts of the leadership of Igud Yotzei Sin and the Israel-China Friendship Society with the Chinese side in Harbin, this cemetery was put in order. In IYS office there is a plan of the cemetery, indicating the burial places, drawn up after the visits to Harbin by our delegations in 1992 and 1994. Since then, the former residents of the city

who come to Harbin in search of their roots can visit it and find the graves of their ancestors. IYS and ICFS took part in the creation of the Museum of the History of Jewry in Harbin in the building of the former New Synagogue (Diagonalnaya St., Artilleriyskaya corner). Many documents, artifacts and photographs have been donated to this museum.

All-Israel Hanukkah meetings. The traditional All-Israel Hanukkah meetings at which scholarships are awarded to students - children, grandchildren and great-grandchildren of former residents of China – are held in rented halls where refreshments were offered to everyone. Representatives of the Chinese Embassy headed by the Ambassador of China to Israel also come to the Hanukkah meetings as guests of honor who take their places in the podium on the stage. After the welcoming speech of the IYS chairman and the ceremony of lighting Hanukkah candles, a musical program is offered to the public. Then Israeli students and Chinese students receive their scholarship awards from Presidium members, the Chinese Ambassador to Israel, members of the IYS board and the founders of registered funds and their good wishes for success in their studies.

Financial resources

The various activities mentioned above have always required significant funds. This money was received from generous donations made by members of associations of immigrants from China abroad and in Israel, which are regularly reported in the Bulletin in the "Donations" section. Strong

financial support is received by the Social Aid Fund and the Scholarship Fund, as well as the IYS Bulletin magazine, which fosters a sense of community among IYS members and with its sister organizations abroad.

Donations are also sent to the IYS "In Lieu of Flowers" fund instead of sending traditional New Year and Passover holiday bouquets to friends. Two of the most generous donors to the IYS were Asya Kogan in Tokyo and Izador and Ira Magid in Melbourne. For all the years of its existence, Igud Yotzei Sin has not received a single shekel either from the Israeli government, or from the Jewish Agency, or from municipalities or party organizations. IYS has always been active thanks to donations from former Chinese residents in Israel and around the world.

The cost of publishing the IYS Bulletin is covered mainly by subscription and various announcements, as well as from the IYS budget. The purpose of the IYS Bulletin magazine is to maintain constant communication between the former residents of China in the diaspora with their compatriots in Israel, to strengthen their ties with the State of Israel, to inform readers about the activities of Igud Yotzei Sin, and to restore and preserve the rich history and culture of the former Jewish residents of China and their memories.

Igud Yotzei Sin, both then and now, is registered with the Ministry of Justice as a non-profit organization. Its financial activities are monitored by an auditor in accordance with the law. The peak of activity of Igud

Yotzei Sin came in the late 1990s - early 2000s, when the association celebrated its 50th anniversary. Over the next decade, the financial situation of Igud Yotzei Sin began to deteriorate. One after another, many members of the Tel Aviv Committee and regular participants in traditional Sunday meetings, our fellow countrymen in Israel and in other countries, died, including such major sponsors as Izador Magid in 2004, Alexander and June Maisin, who for many years supported IYS. Moreover, since 2011 donations from Asya Kogan have practically ceased to flow, which has seriously affected the financial situation of the Association. The question then arose about the expediency of maintaining the Beit Ponve premises.

On December 27, 2011, the All-Israel Hanukkah meeting dedicated to the 60th anniversary was held at the Einav Hall in Tel Aviv. In his article dedicated to the 60th anniversary Teddy Kaufman wrote that "Igud Yotzei Sin will exist as long as our countrymen in Israel and the Diaspora will help us morally and financially. As long as our organization is needed, it will exist".

It was the last meeting chaired by Teddy Kaufman. Six months later, on July 15, 2012, he passed away at the age of 87, after having given 60 of them to Igud Yotzei Sin.

After the death of Teddy Kaufman, Yossi Klein took over the leadership of the Association, and Ran Veinerman and Teddy Piastunovich became his deputies. The activities of the IYS continued in spite of a sharp decrease in the volume of donations, but the

management of IYS was forced to make a decision to sell the two apartments in Tel Aviv so that the Igud Yotzei Sin could continue its activities. On the advice of lawyers, over the next three years, the management of IYS persistently sought recognition of Igud Yotzei Sin as a non-profit organization existing solely on donations, which gave the right to exemption from the payment of tax on the sale of real estate. When permission was obtained, the Beit Ponve premises were sold and a modest office space was rented in 2016 in Tel Aviv's Ramat HaHayal district on 31 HaBarzel St., not far from the Synagogue in memory of the Jewish communities of China.

The Kaufman and Klyaver archives, sets of "Yevreyskaya zhizn" (JewishLife), all the issues of the IYS Bulletin, other magazines and important documents were transported to the new IYS office, and other archival material was deposited in the Cultural Center at the Synagogue. IYS activity in the new location continues as before. Needy countrymen receive monthly financial aid and support. On Saturdays, services and commemorations are held at the Synagogue in memory of the Jewish communities of China.

The IYS Bulletin continues to be published once a year on Rosh Hashanah. prepared by the editorial staff consisting of Yossi Klein, Judith Sandel, Flori Cohen, Cecilia Lyubman and Inna Baksheeva. The issues are gradually being digitized and made available on the Association's website. At present, work is underway to compile a bibliography of all journal articles in two languages - Russian

and English, representing the complete set of the IYS Bulletin from the first issue in 1954. A bibliography of the issues of the IYS Bulletin in Hebrew is also being planned.

From December 2012 to early 2020, prior to the COVID-19 pandemic, the long tradition of the All-Israel Hanukkah meeting of former residents of China and the indispensable student scholarship ceremony continued to be held as usual. The meetings are annually held in the Bnei Zion auditorium of the Beit HaTfutsot Diaspora Museum (Tel Aviv University campus), attended by distinguished guests from the Chinese Embassy, and often led by the Chinese Ambassador to Israel or his first deputy, as well as Israeli and Chinese students.

Recently, the donations of our countrymen to the Scholarship Fund have been reduced to a minimum, and the nominal funds have practically disappeared. The IYS management is forced to constantly seek funds to replenish the Igud Yotzei Sin Scholarship Fund which serves as a bridge between the older and younger generations of immigrants from China. Through the Israel-China Friendship Society, the Scholarship Fund has been replenished with a donation from the Chinese Embassy.

In 2017, the Chinese Cultural Center was opened in Tel Aviv, Ramat HaHayal. The Center cooperates with the IYS and ICFS. The former residents of China have the opportunity to attend all kinds of events: concerts, exhibitions, various courses. At the IYS office lectures and meetings are held, as well as classes for studying the Chinese

language.

Before the onset of the pandemic, the Israel-China Friendship Society traditionally organized annual trips around the country for representatives of the Chinese embassy, led by the Ambassador of the People's Republic of China to Israel, with the participation of representatives of the IYS. In turn, a friendly meeting was held annually for representatives of the IYS and ICFS at the residence of the Chinese ambassador.

All this changed in 2020 with the outbreak of the COVID-19 pandemic. Under the conditions of quarantine, the premises of the IYS office were temporarily closed, but the activities of the IYS and the office continued remotely, "from home". It was in such conditions, remotely, in the

summer of 2020, that the editorial board of the Bulletin prepared for publication and published the issue of the Bulletin No. 419 for Rosh Hashanah.

Under quarantine conditions, the traditional Hanukkah meeting in December 2020 could not take place, although the students received their scholarships. The meeting of the students with the leadership of Igud Yotzei Sin took place on February 21, 2021, in accordance with the requirements of the Ministry of Health, through ZOOM. Sitting at home in front of their computer screens, the students expressed their gratitude and said that despite the unfamiliar environment, they are very pleased to feel that they belong to the Association of former residents of China. The

Chinese language study group also continued to study through ZOOM during quarantine.

The main task of Igud Yotzei Sin is still to provide material assistance to those in need in spite of the pandemic and the difficult financial situation. Today our Association is 70 years old. Many of our countrymen who helped voluntarily and supported the IYS financially both in Israel and in other countries are no longer with us. Time is relentless. Nevertheless, there are people who are interested in continuing the work begun 70 years ago by their predecessors and in passing on to their descendants the history of the Jews who once lived in China.

Prepared by Cecilia Lyubman
Updated Version

Shanghai: Safe Haven during the Holocaust

Shanghai: Safe Haven during the Holocaust sheds light on a lesser-known moment in Holocaust history. European Jews who had been shut out of their country while trying to escape Nazi persecution found a beacon of hope in an unlikely place: Shanghai, China.

In 1946, American photojournalist Arthur Rothstein began a project documenting the lives of Jewish refugees who now called Shanghai's Hongkew District "home."

Also featured are the stories and heirlooms of Chicago-area residents who once lived in the

Chinese neighborhood, reports the Associated Press (AP).

The exhibition, which highlights Rothstein's photographs and features artifacts from local Holocaust Survivors is a tribute to human endurance, capturing both the enormous hardship and fierce perseverance of refugees and their families as they managed to not only survive but thrive while living in the Shanghai Ghetto.

Also featured are the stories and heirlooms of the 20,000 Jewish refugees who fled to the Chinese city during WWII.

If you can't get to Illinois during the next year, you can still enjoy

the fine, solid write-up by Nora McGreevy – complete with pictures – from the Smithsonian Magazine detailing the Holocaust Museum's exhibit scheduled through September 2022. Many thanks to Irene Shaland for the link: <https://bit.ly/2TpGbbf>.

Exhibition: July 15, 2021 - September 5, 2022

ILLINOIS HOLOCAUST MUSEUM
9603 Woods Drive, Skokie, IL 60077
info@ilhmec.org
847.967.4800

Courtesy of Beverly Friend
July 20 1921

THE AIMS OF IGUD YOTZEI SIN

1. To encourage a feeling of partnership among former residents of the Jewish communities of China.
2. To establish a communication channel between former residents of China in Israel and those in the Diaspora.
3. To assist in the preservation and publication of historical documents connected with the former Jewish communities of China.
4. To assist the Igud in fulfilling its aims, especially those connected with social assistance and educational scholarships for descendants of former residents of China in Israel.

Association of Former Residents of China

Igud Yotzei Sin

Dear Friends,

This year marks the end of seven decades since the establishment of Igud Yotzei Sin.

The "Igud Olei Sin" organization was formed in Israel in June 1951, but the name was changed later on to Igud Yotzei Sin.

Between the years 1949-1952, immigrants from the Jewish communities in China, who had lived there for a period of two generations arrived in the young State of Israel. A reading of the article 70th Anniversary Igud Yotzei Sin Association of Former Residents of China in Israel (1951-2021), provides a comprehensive account of the history of the IYS organization, of its development and activities for the past seventy years.

The activities of our organization in Israel are modeled on the principles practiced in the Jewish communities in China – Zionist and cultural activities, the preservation of Jewish identity, and mutual assistance among all community members. Today the Igud focuses its aim on encouraging the generation born in Israel, the descendants of China Jewry, to take part in helping and preserving the continued existence of Igud Yotzei Sin.

We take this opportunity to wish you and your families a Happy and Sweet New Year! A year in which we will enjoy mutual commitment and unity, and especially hope we will be granted a year of good health and glad tidings.

In the name of the Managing Committee of Igud Yotzei Sin, I invited you to become active partners in strengthening and preserving the heritage of China Jewry. Let us lift the flag and continue the task that your fathers and grandfathers took upon themselves, and join the continued activities of the Igud in the coming years.

"Igud Yotzei Sin" is a non-profit organization with the main aim of preserving the splendid heritage of the Jews of China.

Thank you and a Happy New Year

With my very best wishes

Yossi Klein - Chairman & Treasurer

Igud Yotzei Sin

GENERAL MEETINGS 2020-2021

These organizations have been meeting over the past year through Zoom.

On 20.12.2020 a meeting was held on the China-Israel Friendship Society for the year 2020.

On 23.12.2020 a meeting was held on Igud Yotzei Sin for 2020.

On 26.07.2021 a meeting was held on Igud Yotzei Sin for 2021.

At these meetings reports were submitted concerning the activities of the organizations as well as financial reports in accordance with NGO laws.

The financial reports were presented and explained by Gil Greenberg, CPA of the organizations.

Due to a few members of the management committee having passed away, Mrs. Mili Makov was chosen **on 23.12.20** as a member of the Igud Yotzei Sin Management Committee, and Mr. Alex, Nachumson, a Management Committee member, was appointed to the post of Vice Chairman.

The Chinese Language Study Group continued meeting during the pandemic period through Zoom.

The Chinese language course for the children of organization members, which is held at the Hebrew University of Jerusalem, also continue with its activities in accordance with the guidelines of the Ministry of Health.

Lectures given in Zoom

On 10.12.2020 a lecture was delivered by Dr. Eyal Propper who served for seven years in the

Chinese Embassy in Beijing and today is a senior researcher and heads the research on China at the Institute for National Security Research. In his lecture, Dr. Propper reviewed the relations between the USA and China from a historical and contemporary perspective. He also discussed the tension between China and the USA and its implications for Israel.

On 22.3.2021 a lecture was delivered by Mr. Rom Amir, a member of the China-Israel Friendship Society. The lecturer has lived for several years in China, and today serves as manager of activities in the FORTER Company in Asia-Pacific and in China. In his lecture, a review was presented of the main differences between the Internet in China and the Internet in the West and in Israel, of the electronic trade in China, trends in the Chinese Internet, and prospects for the future.

Representatives of the Chinese Embassy, Yaakov Matlin, Deputy Chairman of the Igud, Yossi Klein, Chairman of the Igud, His Excellency Cai Run, Chinese Ambassador to Israel, Gal Forer, Deputy Chairman of the China-Israel Friendship Society, Alex Nahumson, Vice Chairman of the Igud, Eliezer Shibak, Treasurer (gabbay) of the synagogue. Behind them: Haggai Golan, a member of the China-Israel Friendship Society.

Meeting with the new Chinese Ambassador

On 20.5.2021 representatives of Igud Yotzei Sin and of the China-Israel Friendship Society held their first meeting with new Chinese Ambassador in Israel, Mr. Cai Run, at the synagogue for the memory of Jewish communities in China. During the meeting, a tour was conducted in the synagogue accompanied by a description of the history of the communities and the establishment of Igud Yotzei Sin, as well as the later establishment of the China-Israel Friendship Society. Matters concerning cooperation between the Chinese Embassy in Israel and these organizations were raised at the meeting as well as the promotion of Chinese language studies and the familiarization of Chinese students with the State of Israel and the Jewish people. Participants at the meeting were photographed for a souvenir photo.

I am a TCK - Third Culture Individual

A Personal Story

By Mifa Gortstein

TCK's are individuals who are (or were as children) raised in a culture other than their parents' or the culture of their country of nationality, and also live in a different environment during a significant part of their child development years.

It took roughly **50 years** to figure out my identity. I often envied my kids (a son and daughter) who were born and bred in Israel, where my husband and I live today. So does my daughter and her family. My son on the other hand lives in Arequipa, Peru with his family. My kids are called "Sabras" a name used to describe Israelis, who are compared to fruit grown in Israel, i.e. prickly on the outside but sweet in the inside. And more important, they know **exactly** who they are.

Background:

I am part of the worldwide phenomena called the "Wandering Jew". My paternal grandparents originated in Siberia, Russia and moved to Shanghai, China following the 1917 Bolshevik Revolution. My maternal grandmother originated in Azerbaijan Russia and her family moved to Harbin, China. My maternal grandfather originated in Austria but somehow also reached China after WW1. The Jewish community in China during the 1900's lived a vibrant

and exciting life and most significantly there was no anti-Semitism.

This was the backdrop of my parents and grandparents until they came to Israel in 1951. It was a difficult economy wise at the time, my father could not find employment and/or business opportunities so he eventually joined his business partner in Tokyo, Japan. I was born in Tien Tsin China in December 1950 whereas my brother was born in Israel in 1952 following which my mother, brother and I accompanied my father to the "Land of the Rising Sun" where we lived in Tokyo for about 4 years.

We moved to Kobe in 1956 joining an international community residing in a historic district called Kitano Cho. Memories of our life in Kitano Cho are sweet. Sita, a close friend (who currently lives either in Mumbai India or Washington, USA) and I used to roam the streets of Kitano cho as in those days (the 60's it was an ideal place to grow up as it was so safe), go to the Kobe Club in the summer, mostly to swim in the pool and eat French Fries! Winters we would go ice skating at a skating rink in a nearby city. We would get there by train, passing by many bars which would be closing at 10 am (the Japanese were heavy drinkers). Although

the residents of Kitano cho were families of businessmen, bankers and diplomats, there were many Jewish families and subsequently a very active Jewish community (the synagogue is still there). Up to this very day Kitano Cho is preserved, similar to a World Heritage Site, featuring homes of the foreign residents (including our home on 65 Kitano Cho) which looks exactly as it did so many years ago, reflecting the interesting foreign lifestyle we left behind.

The private school we attended (starting from kindergarten all the way to High School) was called Canadian Academy (still there to date but has moved premises) comprised of children from all over the world studying a variety of required subjects in English but also studying additional languages as we did back then, including Japanese and French. (I personally loved the language courses and my dream was to become a translator in the United Nations!).

The Impact of Multicultural Experience

Growing up in Japan, speaking Russian at home, Japanese on the street, English at school, attending Hebrew lessons on the weekends, was the start of a multicultural experience.

As a child, I did not appreciate

the benefits of our lifestyle and clearly remember complaining a lot, about the school, the weekend language lessons, being “stuck” in Japan, etc. etc. Being obviously a foreigner, my family and friends were always observed by the Japanese people as being “foreigners” or labeled “gaijin” the appropriate word in Japanese. I was strongly drawn to the American culture of my peers in school (many of them were from missionary families). Whereas my Israeli best friend Dity, who came to Kobe at the age of 10, was a strong influence, telling me stories of Israel for many years up until our graduation, ultimately resulted in my travelling and settling in Israel in 1969.

It took me many years to adapt to life in Israel, to the language, to the culture. Joining the Air Force in 1971 was a great help, as the army is a melting pot of different cultures. In my particular case, I was part of a Teachers’ Group from Poland who all joined the army at age 20 instead of age 18 which is the usual age of induction. I recall

one experience at that time. When going to sleep in our tent after a rigorous day of training, the girls told me that I used to talk out loud when dreaming, in Japanese!!!

Who Am I?

As I stated above, it took me years to feel “comfortable in my skin”. I do love this country but cannot identify myself as being 100% Israeli. When I speak to Israelis who I am not familiar with, they immediately ask me where I am from due to my slight accent when I speak Hebrew.

A very wise girlfriend of mine, Chris Brannen, helped me define myself last year when my classmates and I met for our 50 year Class Reunion in Kobe Japan. When I expressed my thoughts to her regarding my identity, my brilliant friend Chris simply said “Mifa, we are all individuals, but we will always remain outsiders”. Accept it. Chris herself, an American who grew up in Japan, speaks fluent Japanese and is an expert in her field. She teaches businessmen, giving courses on how to do business with the

Japanese. And I felt so comfortable with all my classmates who no doubt had similar experiences when returning to their home countries and adjusting, just like I did.

So what was the point of all the above? The visit in Japan was actually a turning point for me, yes, at the age of 69! I used to worry and agonize as a child, and later as an adult, about being so different, in feelings, in all aspects of lifestyle and work ethics, and the list is endless. The clouds cleared last October when I met my peers and classmates, and everything somehow fell into place; the visit to my old neighborhood and home, the visit to Kobe Club, the visit to our school. What a bonus it was to re-visit the house I grew up in which is currently a Wedding Boutique where couples register to get married.

G-d works in mysterious ways. I am definitely in the right country, a multicultural hotspot, and most important, I have found my niche. It is never too late to find your inner peace.

Jewish Museum Vienna Exhibit on Austrian Jewish refugees in Shanghai

Steve Hochstadt

I first encountered Shanghai refugees in my grandparents' homes on a hospital grounds in small-town New Jersey. Shanghai was not a conversational topic in their home or mine, although evidences of Shanghai were everywhere. Prominently displayed in their house were a view of Shanghai on the living room wall and countless figurines of wood, ceramic, and jade. In my own home, I particularly liked a laughing, seated wooden Buddha in our dining room.

I knew only the outlines of Josef and Amalia Hochstädt's stories, told in their Viennese accents as a short series of facts about their previous lives, or gleaned from photographs proudly displayed. Josef served as a young medical officer in the Kaiser's army. Later his gynecological practice in Vienna supported a luxurious and cultured life. Amalia played piano, her brother Egon Peretz played violin, and some members of the Vienna Philharmonic came over to join them. When the Nazis took over and latent Viennese antisemitism exploded, they were unusually successful in rescuing their family. My father, Ernst Hochstädt, who had become Ernest Hochstadt by the time I arrived much later, left before Kristallnacht through Italy to Portugal, and sailed to the US.

Amalia and Josef managed to get their 13-year-old daughter on the Kindertransport to England, and then they sailed to Shanghai on one of Lloyd Triestino's ships, which was run by the family of Amalia's good friend.

I only heard scraps of stories about their life in Shanghai, but I was surrounded by clues, especially at their house. Not only my grandmother's recipes, but also the furniture, the dishes, the sculptures, and the silver had come around the world from Vienna, along with fine Chinese art objects. As a Jewish child, I knew that my family's escape from the Holocaust had been remarkably smooth. I sensed early that their modest life in New Jersey, where my 60-year-old grandfather had managed to find a position as a gynecologist at a tuberculosis and mental health clinic, represented severe social decline. I thought the small colony of Viennese doctors there was a remarkable coincidence.

Under normal circumstances, I would have learned a lot about my grandparents and the whole Hochstädt-Peretz family in my own home. But there are no normal circumstances in refugees' families. In my case, the sad circumstance was my father's relationship with his parents. It was always clear to me that he

was gleeful at age 18 to land in America, far from his own family. A few days after he arrived in 1938 with virtually nothing, he visited the very distant relative of Amalia who had supplied the financial sponsorship for my father's visa. There he thanked the man and encountered his 16-year-old tomboy niece, who played with her cousin there all the time. My mother Lenore. By the time my father could visit his parents in Shanghai in 1946, they had been married for 4 years. Despite that, my grandparents expressed to my father their concern that his marriage to a girl of the lower middle class was preventing him from pursuing further education, so he could be a doctor. My aunt, who had been brought to Shanghai from England after my grandparents settled in, was decidedly snooty to my mother, a characteristic demeanor that she maintained her whole life.

Those slights to my mother were fateful, but they fit into an amusing refugee story. At some point, my mother's parents, both employed in New York's clothing industry, said something like, "What? You're going to marry that penniless refugee?" The social derogation suffered by nearly all refugees leads inevitably to difficult social situations. The amusing part is that they didn't really care at all and

heartily accepted my father into their family.

So my father did not regale me with Hochstädt family history. He was a dutiful son, taking our family to see his parents in New Jersey regularly from Long Island where we lived, later flying the whole family out to Santa Monica in southern California after they moved there, and eventually moving with my mother to within miles of their apartment.

My father represents to me one typical refugee reaction to uprooting: he became American. Unlike virtually every other German-speaking refugee I have met, he spoke English with no accent. He learned to love baseball and he spoke to his parents in English.

My serious study of the Shanghai refugees began informally with Amalia after Josef had died, not yet an historical project, but a family history project, in the early 1980s. She talked happily in front of my tape recorder and told stories which amazed me. I interviewed her again in 1987.

As I learned how much fun it was to talk with people about Shanghai and their whole lives of survival, I found out by chance that a group of former Shanghai Jews, some refugees, some not, were going to have a Seder reunion in Shanghai in 1989. That spring was a fateful year for China and for me, as I decided to make the Shanghai refugees a personal project. I saw the early stages of the protests that led eventually to the Tiananmen Square massacre and met people who changed the direction of my historical career.

Over the next ten years, I interviewed 100 former Shanghai Jews, nearly all German-speaking

refugees, who lived in Vienna, Berlin, Israel, and the US. I wrote two books based on those interviews, one German, one English, and many smaller pieces. I met the other scholars across the world who shared my passion. But I never wrote about my grandparents.

My initial impression that becoming a refugee in China was easier on my grandparents than on others became the realization that Amalia and Josef did not share any of the characteristic experiences of other refugees: being made penniless by Nazi bureaucracy; giving up their last possessions in order to leave; scrounging for survival in Shanghai; being forced into the Designated Area in 1943; desperately trying to find a way out of China after 1945. Instead they brought my grandfather's office and their dining room furniture with them to Shanghai, lived in an 8-room apartment in the International Settlement, had a cook who learned to prepare Viennese dishes, and were inscribed on a list of mostly doctors who got Japanese permission to avoid the Designated Area. In my efforts to establish a rapport with the former refugees with whom I talked, I did not discuss the very different and relatively privileged life of my grandparents.

Amalia and Josef Hochstadt in Shanghai

Amalia and Josef employed resources well beyond what most Jews could expend. They got their children and themselves onto the best lists. The US Holocaust Memorial Museum says, "By 1938, you could expect to wait for at least two years for a visa," yet they managed to procure one for my father. The Kindertransport was designed to rescue especially impoverished children or those with a parent in a camp, but they found a place for their daughter. Only about 1% of refugees were officially allowed by the Japanese to remain outside of the Designated Area.

Their resources included determination. While they were allowed to remain in central Shanghai, they had to give up their apartment to a Korean man working with the Japanese. An Indian gentleman, who must have been a patient of my grandfather, allowed them to move into his compound, which included an office so my grandfather could continue his practice. When the War was over, Amalia went to see the Korean and told him they wanted their apartment back. He initially refused, but Amalia said that her son, my father, in the US Army was coming soon and would deal with him forcefully. He left and they moved back into their comfortable lives. They stayed until 1949, in no hurry to get out of decolonizing Shanghai until the Red Army approached. That's what my grandmother told me. My aunt told me that the story was not true, that her mother didn't have the bravery for such a negotiation. Again the difficult internal dynamics of my family got in the way of fully understanding their refugee experiences.

I was nearly 40 years old when I interviewed Amalia. Reading the transcript is embarrassing now. I knew much too little about the Shanghai refugees to ask good questions. I had not yet learned to jot down names and places that might be confusing later. I interrupted too much. My grandparents seemed to have led a charmed life at every stage.

When I first became aware of my grandparents' personalities, my grandfather was already 70, was not very talkative, and expressed opinions as facts. I was not prepared for story after story of how people with important connections made things happen for my grandparents in Vienna and Shanghai, including the Japanese man who got them on the short list to remain in central Shanghai. Not everything, however, turned out as they wanted. While Jews in Vienna after the Anschluss desperately sought escape routes, Amalia arranged for a very distant relation in New York to vouch for my father and for a job for Ernst in Washington with a well-connected lawyer. Instead of following his fortune, my father followed his heart, married my mother, got a job in the clothing industry, and earned a scathing letter from Josef. Amalia and Josef were remarkably successful refugees, but not such good parents.

They represent a second type of refugee, like many who became refugees as adults. They retained many of the attitudes they had developed in Vienna. Wherever they lived, they sought out other Viennese Jews. They saved as much as they could from their former lives. But much was lost forever. There was a piano in my

grandparents' homes, but I never saw my grandmother play it.

As this exhibit at the Jewish Museum shows, it is still possible to hear new stories from Shanghai refugees. I believe there is no more important Shanghai document than an interview transcript. Taken together, interviews with former refugees will write the history of their unique experiences. There are limitations, however. The great majority of the first-hand narratives in memoirs and interviews have been given by people whose childhoods in Europe ended suddenly with their trip to Shanghai. Even the few older interview partners tend to begin their stories with their departure from a life in Europe which appears rosy in comparison with what came after.

My own family's story suffers from that disruption. My grandfather's sister, Rosa Hochstädt, a dentist in Graz, did not go to Shanghai. She was arrested and sent to Theresienstadt in 1942 and to Auschwitz in 1944, where she was murdered. My grandparents never talked about her. Why? Why didn't she go to Shanghai, too? Did she also suffer from the discordant Hochstädt family dynamics? Was there guilt about her death?

Most survivors keep the most difficult parts of their Holocaust stories to themselves. Former Shanghai refugees are no exception. In my interviews, they talked easily about hygienic deficiencies of Shanghai, the prevalence of disease, the abuses of the Japanese, and the insufficiency of food. Although few of them had ever been formally interviewed, those stories had been rehearsed before. The immense family tragedies that form the foundation

of every refugee's life and may have never been told might erupt unexpectedly with bursts of emotion, revealing hidden personal truths. More likely, they don't surface in interviews at all. My grandmother may have explained why Rosa was never mentioned, when she said, "But you forget about, you, you don't want to remember this kind of things."

Now everyone who can answer those questions is dead. Interviews and this exhibit can recover a great deal about the Jewish experience of surviving the Holocaust. But some people were lost completely and their stories will never be told.

Steve Hochstadt taught history at Bates College for 27 years and Illinois College for 10 years before retiring. He wrote weekly op-eds for the Jacksonville Journal-Courier, many of which are collected in his new book, *Freedom of the Press in Small-Town America: My Opinions*. For more on Steve, see his books listed on Amazon and his entry in Wikipedia at https://en.wikipedia.org/wiki/Steve_Hochstadt

Note by Beverly Friend: Recently, when I announced the Jewish Museum Vienna's Exhibit on Austrian Jewish refugees in Shanghai. <http://www.jmw.at/en/exhibitions/little-vienna-shanghai>, I learned that Steve Hochstadt's grandparents would be there and that Steve had edited the official text. Of course, I requested this wonderfully personal article to share with you, and here it is, headed by a brief introduction to his scholarship,

Courtesy of Beverly Friend 2021

The New Harbin Museum of Jewish Music Opened to the Public

After two years of research and collection of items for display, the Museum of Jewish Music in Harbin opened this week.

The museum contains Judaica items, historical photographs of Jewish musicians and Jewish orchestras in Harbin, collections of recordings of songs in Yiddish, English and Hebrew, as well as cantorial chants, some of them 100 years old, videos, lyrics, melodies and musical notes. A proposal to erect a garden of sculptures depicting biblical musical instruments on the great lawn between the museum's branches is now being considered by the authorities.

The Museum of Jewish Music in Harbin is located in a special wing inside the Harbin Music Museum, which occupies the entire first floor of the city's new opera building located in the northern bank of the Songhua River (in Russian - Sungari).

Adjacent to the Museum of Jewish Music, a extensive place was allocated for the offices of the Association of Jewish Culture in Harbin, the China-Israel Research Center, founded in 2002 at the University of Heilongjiang by Prof. Dan Ben-Canaan, and to its large archive of Jewish history of Harbin and China.

The Association of Jewish Culture in Harbin was founded in 2014 by Ms. Liang Yisha,

Dan's wife, with the aim of disseminating information and publishing books about Harbin Jewish history. The Association of Jewish Culture in Harbin is being supported and budgeted by the Harbin government. Among the books supported by the Association are "Jewish Footprints in Harbin: Concise Historical Notes" published in 2018 by China Education Press, and an Overview of the goals and actions of the China-Israel Center for Historical Research. The book "Echoes of Harbin: Reflections on the Space and Time of a Vanished Community in Manchuria" will be published in 2022. The book, the fruit of a study that has lasted

for more than 15 years, reveals new details on the history of the Jewish community in Harbin. The book's last two chapters present the Chinese Perception of the Jewish People and the Chinese Government's Policy towards Judaism. The book, which has more than 1,000 pages, will be published in English and Chinese in 2022. Another book to be published deals with Jewish and Israeli education and will be published in Chinese for readers in China.

The exhibits in the new Harbin Museum of Jewish Music were donated by Prof. Dan Ben-Canaan from his large archive.

LIST OF SCHOLARSHIPS

February 22, 2021

Scholarship in memory of Jewish Community in China from Igud Yotzei Sin Fund

BEN ALTABET Erez	Ben-Gurion University of the Negev	Mechanical Engineering
BOOTON Naomi	The Open University	Law Studies
BOOTON Ruth	Bar- Ilan University	Psychology
BRAGIN Shahr	Tel Aviv University	Psychology
BROSH Maya	The Open University	Humanities and Social Sciences
CASPI Ofek	The Hebrew University of Jerusalem	Medicine
COHEN Gal	Bar- Ilan University	Information Science & Comparative Literature
COHEN Stav	The Afeka Tel Aviv Academic College of Engineering	Industrial Engineering & Management
EPSHTEIN Oscar	Ben-Gurion University of the Negev	Software & Information Engineering
FALK Ariel	Ben-Gurion University of the Negev	Physics
FINE Orel	The Open University	Economics
GABAY Noa	Bar- Ilan University	Social Sciences
GILAD Bar	The Hebrew University of Jerusalem	Media & Journalism / Islam & the Middle East
GOLDINER Gal	The Academic Center of Law and Science	Law Studies
GRINBERG Tomer	Technion - Israel Institute of Technology	Industrial Engineering & Management
GRUDSKY Natali	Tel Aviv University	Psychology & Humanities
HAZAN Rachel	Ruppin Academic Center	Sea Sciences
HIMLICH Alon	Ruppin Academic Center	Electrical Engineering
HIMLICH Shir	Hadassah Academic College Jerusalem R.A	Management of Service Organizations
JAFFE HERMAN Shiri	The Hebrew University of Jerusalem	Biomedicine

Scholarship Grants from ETHEL DUNN FOUNDATION

KALFUS Daniel	Bar- Ilan University	Jewish Art
KALFUS Ori	Ono Academic College	Law Studies
KALFUS Oriya	Lev Academic Center	Nursing
KALFUS Talya	Lev Academic Center	Nursing
KALFUS Yarden	Hadassah Academic College Jerusalem R.A	Inclusive Industrial Design
KATZ LERMAN Noa	Tel Aviv University	Business Management
KAYKOV Reut	Emek Yezrael College	Human Services
KLEIN Raz	Ben-Gurion University of the Negev	Information System Engineering
LEV ARI HARITAN Naama	Ariel University	Architecture
LEV-ARI Ori	Ariel University	Electrical Engineering
LICHOMANOV Ariel	Netanya Academic College	Business Management
MAKOV Ofri	Sapir Academic College	Communication Studies
MEIR Hagar	Ben-Gurion University of the Negev	Physics & Mathematics
MILLER Shahak	Technion - Israel Institute of Technology	Biomedical Engineering
MIRZOEFF Abigail	The Hebrew University of Jerusalem	Humanities
NAHUMSON Shlomi	Bar- Ilan University	Social Science
ORENSHTEIN Avishag	Ben-Gurion University of the Negev	Economics & Management
RA`AM Ta`eer	Ben-Gurion University of the Negev	Brain and Cognitive Science and Psychology
REISS Lael	The NB Haifa School of Design	Photography, Media & Non Fiction Film
SCHWARTZ Toar	Technion - Israel Institute of Technology	Architecture & Town Planning

Scholarship in memory of ELLA and SHLOMO LESK donated by Ilana and Giora Lesk

SHAHAF Tom	The Hebrew University of Jerusalem	Physics
SHIFRIN Dana	Tel Aviv University	Biomedical Engineering
SHPILBERG Alon	The Academic College of Tel-Aviv – Yaffo	Information Systems
SHPILBERG Dan	Tel Aviv University	Psychology
SOPRAVSKI Tomer	Ruppin Academic Center	Behavioral Sciences

Scholarship in memory of MUSSIA and DANNY BERKOVICH donated by Ilana and Giora Lesk

TASTAS Eden	Ben-Gurion University of the Negev	Economy
VAGNER Ziv	Haifa University	Computer Science
VARSANO Iris	The Open University	Computer Science & Education
WAGNER Nizan	The Open University	Economy

WINKELSTEIN Harel

Ort Singalovski College Tel Aviv

Industrial Engineering and Management

Scholarship in memory of TEDDY KAUFMAN from Igud Yotzei Sin Fund

WOLBRUM Lihi

The Open University

Computer Science

WOLBRUM Lotem

Ruppin Academic Center

Industrial Engineering and Management

YAACOBI Shelly

Givat Washington Academic College of Education

English & Special Needs Education

YANIR Niv

Tel Aviv University

Social Science

ZIV Chen

Technion - Israel Institute of Technology

Bioclinical Engineering

ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY Scholarship Fund

CAI YICHAO

The Hebrew University of Jerusalem

Applied Chemistry

DONG SHUO

Ben-Gurion University of the Negev

Viticulture & Enology

GUO WANGHUI

The Hebrew University of Jerusalem

General Literature

HUANG XIANGHUI

University of Haifa

German

LIU YI

University of Haifa

Health Studies

LUO LIYUN

The Hebrew University of Jerusalem

Jewish Studies

LUO YANG

The Hebrew University of Jerusalem

Hebrew Language

QI YANAN

The Hebrew University of Jerusalem

International Relations

SUN RUOHAN

Music Academy

Violin

TIAN RUOJIN

The Hebrew University of Jerusalem

Agriculture Botany

WU YILIN

The Hebrew University of Jerusalem

Statistics Studies

XU YINHAN

The Hebrew University of Jerusalem

Hebrew Studies

YANG ZHOU

The Hebrew University of Jerusalem

Islam & the Middle East

ZHANG CHENLI

The Hebrew University of Jerusalem

Agriculture

ZHANG ZHIDONG

The Hebrew University of Jerusalem

Islam & the Middle East

ZHAO CHANG

The Hebrew University of Jerusalem

Islam & the Middle East

ZHAO LINA

Ben-Gurion University of the Negev

Molecular Biology

ZHAO YUXUAN

Interdisciplinary Center Herzliya

Asian Business & Economics

ZHOU KUN

The Hebrew University of Jerusalem

Chinese & English

Chairman's comments to Students

During the past year most of us have been isolated and distanced from social interaction, eye contact, conversation, cooperation, opportunities to express ourselves in them and to enjoy the company of friends and relatives.

In spite of the coronavirus, it was important for Igud Yotzei Sin to continue preserving the tradition of holding the ceremony for awarding scholarships ... but this time "from a distance" in Zoom. The virtual get-together was held on February 22, 2021.

We were glad to notice the high level of participation in the meeting. It was moving to see students sitting together with a grandmother, grandfather

or parent facing the computer screen.

The meeting opened with the greetings of the Chairman of Igud Yotzei Sin, Mr. Yossi Klein, who told the students about the establishment of the Igud and its activities over the years, and also invited them to come and take part in some of these activities and to be active partners in strengthening and preserving the heritage of China Jewry.

A platform was then provided to the students to express themselves and to participate in the meeting. A specially emotional moment occurred when Gal Goldiner, a second-year law student, introduced herself and her family roots – the

Tendet family, and thanked the Igud for the scholarship awards she received in the past two years. One of the participants, Shahar, a granddaughter of the Bergin family and a fourth-year psychology student, turned to Gal and explained that they were related to each other.

Danny Miller attended the meeting together with his daughter who received a scholarship, and stirred everyone with his words of thanks to the Igud.

The meeting ended with wishes of success to the students and their families and with the hope to meet again face to face in the ceremony to be held next year.

Protected Persons: The Baghdadi Jewish Diaspora, the British State, and the Persistence of Empire

By Sarah Abrevaya Stein

More than the presence of some 100 Taoist monks and priests, the performance of Chinese orchestras, the exchange of mourning gifts, the burning of paper figures in celebration of the spirit of the deceased, the kowtowing of visitors before pictures of the family, the draping of the funereal garden in white silk, the arrival of more than 3,000 gifts and 5,000 mourners - more, even, than the astonishing facts of Silas Aaron Hardoon's fortune, prominence, or cosmopolitan history, it was the wax effigy of the dead man with chopsticks in hand at this ostensibly Jewish funeral that riveted the international press. When he died in the summer of 1931, Hardoon was called the richest foreigner in Shanghai, with an estate estimated at \$150 million. Like other young, entrepreneurial Baghdadi Jewish men of his generation, Hardoon had made his way to China by way of India in the late nineteenth century. In Calcutta he worked for the mercantile firm of David Sassoon and Company, a global operation owned by a Jewish family of Baghdadi origin that dealt in silk and cotton and monopolized the legal and highly lucrative transshipment of opium. In Shanghai Hardoon would live

sixty years, amass a real estate empire in the city's International Settlement, meet and marry Liza Hardoon (née Luosi Lirui and known by her Buddhist name, Luo Jialing) - a Eurasian Buddhist who may or may not have been the illegitimate daughter of a French Jewish father - adopt eleven children of diverse backgrounds, form deep ties with local Chinese politicians, merchants, and the educational elite, serve as life president of Beth-Aaron Synagogue, sit on the councils of the Shanghai Municipality, French Concession, and International Settlement, and, shortly before his death, will nearly the entirety of his fortune to his wife.

The eventful life of Silas Aaron Hardoon did not end with his death, in the wake of which there surfaced a series of claimants on the family estate: distant cousins - if they were cousins at all - carrying the Hardoon name and dwelling in Baghdad and across the Baghdadi Jewish diaspora, including Shanghai and Calcutta. The trials that followed, conducted in His Britannic Majesty's Supreme Court in Shanghai, pondered a complicated legal question: whether Hardoon's estate - and Hardoon himself, as a long-time resident of Shanghai, one-time

Ottoman subject, British Protected Person, Baghdadi émigré, and out-married Jew - was subject to Chinese, British, Jewish, Iraqi, or private international law.

What was so absorbing about Hardoon's death and the controversy unleashed by it? Beyond the sensational quality of his life, the legal debates that followed his death became a test case for questions that reverberated through the Baghdadi, Mediterranean, and Middle Eastern Jewish diasporas in the early twentieth century, particularly in the wake of the First World War and the dismantling of the Ottoman Empire. As the empire gave way to nation-states and mandates, how was the significant population of extraterritorial Jews in colonial and semi-colonial settings - émigré merchants and their families residing in entrepôts in India, Asia, the Middle East, and the Mediterranean Basin - to be legally defined by the state? What place, and what political allegiances, would they seek for themselves once their extraterritorial status came into conflict with evolving national and international legal norms? In the British Empire, specifically, what did it mean to acquire and lose the status of Protected

Person: how would this process affect individual Jews or their communities?

Roughly three decades of scholarship on the intersection of colonialism, post-colonialism, and legal cultures and on the related notion of legal pluralism has yielded crucial insights into the complexity, plurality, and significance of these interrelated phenomena to the shaping of the modern world...

Despite its increasingly embattled status, the category "British Protected Person" was a live and essential political class for many Baghdadi, Mediterranean, and Middle Eastern Jews of the nineteenth and early twentieth centuries. This title, roughly akin to "protégé," placed its holders outside the dyads of colonial subject or naturalized citizen, colonizer or colonized, Eastern or Western, European or Occidental, even Sephardi or Ashkenazi, rendering them intermediary figures of imperialism whose legal status shifted over time and from place to place. In this shifting, the story of Jewish Protected Persons is evocative of that of other liminal subjects of empire, including translators, missionaries, midwives, and native bureaucrats, whose histories significantly complicate our understanding of power relations in the colonial arena.

The testamentary battle over the Haroon fortune also points us toward the intersection of various environments of modern colonial encounter - Ottoman, Iraqi, Indian, as well as British and Chinese. At the moment the Haroon trial unfolded, in the early 1930s, the Ottoman Empire was no longer extant, but the

British Empire was in the midst of an expansionist moment, a time of active and multi-vectored extension in the Middle East and in East and Southeast Asia (as elsewhere). And yet, when it came to the malleable legal identity of the Baghdadi Jewish diaspora, these two empires (Ottoman and British) were live and mutually informing. Ironic as it might first appear, in the course of the legal struggle over the Haroon estate, representatives of British interests defended the enduring integrity of certain legal categories born of the Ottoman context - in particular, the notion that after his death, Haroon could be viewed as a British subject because, decades earlier, his father had been granted British protection while living in India as an Ottoman subject. This legal opinion, offered first by the Foreign Office and subsequently upheld by the court, went against the tide of British consular and foreign policy in East Asia, on the one hand, where, as of 1906, Baghdadi Jews were increasingly being denied or stripped of their protection; and in early interwar Iraq, on the other hand, where many Jews traumatized by the First World War and fearful of Iraq's postwar fate sought but were denied British naturalization.

In undermining these general trends, the Haroon trial proved three

Important things about Jews, British law, and informal imperialism in the interwar period. First, the status of a wealthy individual Jew - and the money he promised to deliver to the state in the form of an estate tax - could influence the rigidity or direction of British policy, or

indeed undermine it altogether. Class was a mottling factor that differentiated the state's treatment of individuals within and across discrete diasporic groups. Second, the spaces through which the Baghdadi Jewish diaspora moved in the nineteenth and twentieth centuries continued to inform its members' legal status as the twentieth century unfolded, even though growing numbers of this diasporic body had themselves never set foot in these spaces (in the case of Baghdad, the Ottoman Empire, Iraq, India, or Britain), or after certain of these spaces had ceased to exist (in the case of the Ottoman Empire). Third and finally, while by the interwar period the British Foreign Office sought to decouple the categories "British Protected Person" and "British subject," there remained occasions on which it was useful for both the state and the court to view these as coterminous entities. Thus, just as the British Empire continued to reinvent itself in the early decades of the twentieth century, so too did the essentially colonial category of British Protected Person persist into an era ostensibly marked by the global drift toward sovereignty and the associated nationalization of individuals.

Shanghai was a dynamic and divided city in the early decades of the twentieth century. A treaty port, administratively it was divided into three sectors - the Chinese Municipality of Greater Shanghai, the International Settlement, and the French Concession - each with its own government, laws, and authorities. Although the city was majority Chinese, a diverse European expatriate community (and especially the British) held

sway over its rule, with Baghdadi Jews, by and large an affluent population of real estate holders, tentatively accepted among them. At its height, the Baghdadi Jewish population of Shanghai likely numbered around 800. Scholars tend to refer to this population as “Sephardic,” though in fact they had no historic ties to the Iberian Peninsula (Sepharad in Hebrew) and spoke no Judeo-Spanish; nor, until the early twentieth century, did they consider themselves Sephardic. “Baghdadi” is also convenient shorthand. This term tends to be applied to any Jewish descendant of Ottoman Mesopotamia, even though a portion of this émigré population had roots in other regional trading entrepôts, especially Basra and Muscat. Moreover, like “Sephardi,” “Baghdadi” is a category that likely was not employed by Baghdadi Jews prior to the early twentieth century, when this diasporic population encountered poorer, Ashkenazi Jewish émigrés from the Russian Empire in places such as Shanghai. Until roughly the 1860s, the Baghdadi Jewish diaspora, though multilingual, relied principally on Judeo-Arabic as a language of commerce and quotidian culture and upon Hebrew as a language of rabbinic high culture; over the course of the next decades, as the number of “Baghdadi Jews” born in South, East, and Southeast Asia and across the British Empire increased, the business records, personal correspondence, and newspapers circulated by this diasporic community appear to have gradually reverted to or were first penned in English. As in other commercial hubs of the Baghdadi, Mediterranean, and

Middle Eastern Jewish diasporas, in Shanghai the Baghdadi Jewish population lived in political limbo in the late nineteenth and the earliest years of the twentieth century, having inherited what was essentially an early modern legal order. These Jews were admittedly Ottoman subjects by dint of birth. However, because the Ottoman Empire had no extraterritorial treaty with China that might ensure its subjects’ protection, here (as in port cities in North Africa and the Eastern Mediterranean) émigré Jewish merchants were entitled to French protection by virtue of capitulations dating to the sixteenth century. Some sort of foreign protection was crucial to this largely mercantile population. Serving as a protégé of the French, American, or Italian consulate, or as a British Protected Person, provided distinct advantages: relief from some taxes and tolls, paperwork that eased intra- and extra-regional travel, a measure of legal protection, and a rather more amorphous but clearly important sense of political security. Concrete benefits also existed for the government that extended such protection, for it could encourage mercantile relationships with the home country and result in considerable donations and duties to the state, particularly after the execution of a deceased merchant’s estate. In her study of the Baghdadi Jewish community of Shanghai, Maisie Meyer has suggested that British protection promised maximum social capital for this community, arguing that its members were allied with Britain aspirationally, politically, and linguistically. This claim may overstate the case. Baghdadi Jews were hardly

monogamous in their quest for official status, but instead shifted allegiances between foreign powers assuited, first and foremost, their interests, the prevailing political climate, the ebb and flow of markets, and the whim of individual bureaucrats who had the power to approve or deny their protection. Haroon himself rotated between the French and British in Shanghai, representing both, at one time or another, on local political councils. For this, the story of Haroon and of the Baghdadi Jewish diaspora more generally was closely tied to that of the British Empire, through whose territories this individual and population cycled. While French protection was accessible to Haroon and his peers as a result of centuries-old capitulations brokered with the Ottoman Empire, British protection was a rather younger institution. Created in the late nineteenth century, this category was availed by Royal Prerogative to people and places located outside the crown’s dominions that Britain had nonetheless promised to protect. It was accessible to Baghdadi Jewish émigrés such as Haroon because, in the late nineteenth century, Britain and France had agreed that Britain would extend protection to all Baghdadi Jews employed by David Sassoon and Company and other British firms operating in South, Southeast, and East Asia. With the passage of the British Protected Persons Order of 1934, this category would be reinvented again - this time to refer to persons who did not possess any other nationality but who belonged to British protectorates or to United Kingdom-mandated or trust

territories other than Palestine and Transjordan. By then, the class had functioned elastically for several generations. Once Jewish merchants (and in some cases their families) were labeled Protected Persons, British consular agents in South, Southeast, and East Asia could and often did take a further step, registering them in local consuls as British subjects of the United Kingdom, colonies, and dominions. This despite the fact that technically British Protected Persons were not British subjects; indeed, they would not be mentioned in British legislation concerning citizenship until the passage of the British Nationality Act of 1948, which labeled all British “subjects” of the United Kingdom or crown colonies “citizens,” formally excluding Protected Persons from this category. Prior to the delineation of these categories, casual interpretation of the notion of protection was not favored only by British officials in Asia, and nor were Jews the only beneficiaries. At least since the late nineteenth century, British authorities had voiced discomfort with the tendency of local consulates in the Ottoman dominions to “register as British subjects, persons who are not so by British law,” a strategy that some feared would “some day [cause] some serious trouble” for the state.

When it came to Shanghai’s Baghdadi Jews, an individual’s viability as a British subject or Protected Person could often be traced back to the colonial laboratory of India. Although precise statistics evade historical record, it appears that many, if not most, of the Baghdadi Jewish families living in Shanghai in the

early twentieth century had come to China by way of India; and it was in South Asia that family patriarchs tended to receive the naturalization or protected status that would be handed down to subsequent generations (at least temporarily, for reasons we will continue to explore). This trend dated to the early 1870s, when the still-young Baghdadi Jewish population of India began to lobby aggressively - and by and large successfully - to be considered by the British state as European, white, and loyalist. As Joan Roland has shown, this ambition had much to do with the Baghdadi Jewish population’s desire to be distinguished from the so-called “native” Jewish community of western India, the Bene Israel, whom immigrant Baghdadi Jews viewed as religiously impure and racially inferior; it also resonated with the ebb and flow of British imperial policy and the shifting ambitions of the Indian nationalist movement. These intra-Jewish communal struggles in India, and more specifically the British naturalizations they produced, echoed elsewhere in Asia decades later, as British authorities traced a Baghdadi Jew’s viability as a naturalized Briton or British Protected Person back to patriarchs’ registration in India a generation or more earlier. The case of the Ezra family is illustrative of this late-nineteenth and early-twentieth-century bureaucratic pattern. Three generations of men, women, and children in this Baghdadi Jewish family received permission from the British consulate in Shanghai to add their names to the passport of the family patriarch, Edward Ezra, who was naturalized as a British subject in

Poona (present-day Pune) in 1872 and was granted his first British passport in Shanghai in 1918. By the third generation, when the situation attracted the wary attention of the Foreign Office, officials were still registering Edward’s grandson Cecil Ezra as British, even though they acknowledged him to be “the Shanghai-born son of the equally Shanghai-born son of an Iraqi father.” The case of the Ezras demonstrates the importance of India as a nursery for Baghdadi Jews’ naturalizations across the British Empire. It also indicates that, at least for a time, the status of British Protected Person appears to have been interpreted both by British consular agents conducting such registrations in China and by the Jews who acquired it as potentially co-terminous with naturalization.

This “custom,” in the words of the British Foreign Office’s senior expert in Far Eastern affairs, F. A. Campbell, “has apparently, rightly or wrongly, existed for some time, [and] it was not thought necessary to disturb it.” Such officially sanctioned laxity, and the culture of extranationality it engendered, would become anachronistic as of 1906. This process reverberated in Britain’s overseas possessions and among the Mediterranean and Middle Eastern Jewish communities that had long hitched their stars to British rule.

Consular laxity was to turn strict beginning in 1906, when the Ezras and other Baghdadi Jewish families like them found the political hospitality of British authorities in Shanghai tested and the side door to citizenship all but closed. Only a year after anti-alien legislation was adopted in Britain

restricting migration, and perhaps in response to an accusation that American consuls in Shanghai, Canton, and Amoy had abused their juridical powers, the Foreign Office issued a China Order in Council that strictly instructed its consular agents overseas to cease renewing Baghdadi Jews' registration as British Protected Persons, particularly if they had inherited their status from a family patriarch without themselves having lived on British soil. This order was meant to close the loophole that had been available to consular agents and Jewish applicants - what one consular agent described as "a misapprehension as to the exact terms under which Ottoman subjects should in certain circumstances be given British Protection."

Whereas the registration papers of the Baghdadi Jewish community in Shanghai had once been renewed automatically, now each application was reviewed independently, and previous approvals were understood to offer no precedent.

The response was panicked and instantaneous. Beginning in 1906, intensifying during and after the First World War, and continuing for at least four decades, the British Foreign Office was peppered with letters from Baghdadi Jews residing in Shanghai who found themselves denied renewal of their registration papers, even, in some cases, after having received routine approval for decades or generations.

Children, wives, widows, and sisters proved particularly vulnerable to the contraction of administrative permissiveness, as their legal status rested on that

of fathers, husbands, sons, and brothers, on whose passports or paperwork their own legal status was often recorded.

With respect to the Ezra clan, the Foreign Office determined that earlier extensions of British protection had been made in error, and future de- terminations of protection or citizenship could not be based upon them. Three generations of the extended Ezra family (including not only male applicants but also their wives and children) were thus told that they could not piggyback on the Indian- based registration of the family patriarch. As one member of the British bureaucracy put it: "British nationality cannot be acquired by the mistake of any British Official, high or low."

Among those confronting the tightening of British law was D. Silman Somekh, who in 1906 appealed to the British consulate in Shanghai after his request for renewal of his registration was denied. Born in Baghdad in 1872, Somekh "was sent to Bombay for an English education" at age 17. After seven years in India in the employ of David Sassoon and Company, he followed the firm to Shanghai. "From the first time I came here I have been registered at the British Consul as a British subject," explained Somekh to the authorities. "For years past I have been a British Subject as my registration shows, [and] now to be told suddenly that I can be no longer is, to say the least, surprising."

The consulate viewed matters differently. Referring to Somekh baldly as "a Turkish subject," representatives of the crown concluded that he was "registered in error as a British subject." The

resulting verdict: no longer an employee of David Sassoon and Company, Somekh could no longer have British protection extended to him. Utilizing a strict interpretation of the legacy of Ottoman capitulations, the consulate determined that Somekh, "in common with other Ottoman subjects...should look to the French Consul-General for Protection."

It was true that applicants for British registration could turn to the French for the paperwork they required, but this belied the complexity of the relationship between the Baghdadi Jewish émigré community in Shanghai and the British state. Extended as it sometimes was for generations, the status of British Protected Person marked the Baghdadi population racially and economically, framing elite members of this community as white, European, and bourgeois - part of the power structure in a city intricately organized around the presence of state powers. The conceptual value of protected status transcended Shanghai, resonating with the circuitous histories of Baghdadi Jews themselves. One thinks of Somekh in this regard, and the striking fact that he had traveled from Baghdad to India to "receive an English education" - a decision, one suspects, made not of abstract Anglophilism nor merely on economic grounds, but out of the desire to cannily utilize an imperial order.

Somekh was not alone in voicing desperation to the British consulate. After the British authorities threatened to attenuate protection over Simon Abraham Levy and his infant son, Levy - a native of Cairo who for six

years had served David Sassoon and Company in Hong Kong - described himself as "surprised and pained," and protested that since my boyhood I have been associated with the British authorities and have lived in a British Colony for a number of years and am imbued with British ideas [and so] you can understand how hard it must be for me to be told that I can no longer enjoy the protection of HBM [His Britannic Majesty's] Government and that I have now to seek protection of another power when my sympathies are entirely British.

Nissim Jeremiah, a Baghdadi-born Jew who had "enjoyed the hospitality of His Britannic Majesty's kind protection" during thirty years' residence in Hong Kong, put things rather more tersely after his request for registration was denied by the British authorities in Shanghai: he felt himself, he wrote, to be "a lost man." These were strategic statements, to be sure. But the authenticity of their message notwithstanding, they hint at the urgency with which Baghdadi Jews confronted a shifting political landscape. To those whom it benefited, British protection remained a coveted category well into the twentieth century, quasi-legal though this category may have been.

The 1906 China Order in Council restricting Baghdadi Jews' access to British protection might have faded in importance over time, with Jewish applicants in search of paperwork and the consuls in charge of granting it finding ways to circumvent the rule. Instead, global politics intervened to calcify it. The First World War, the violence and deprivation

that accompanied it, and, in the wake of the war, the confusion and anxiety that attended the dismemberment of the Ottoman Empire pushed many Jews in and from the region (and especially in Iraq) to seek British protection and naturalization: they, like other residents of the Middle East, were also keenly sensitive to the elevated importance of passports and official paperwork in the interwar world. Although this story is too expansive to do justice to here, one example is striking: in May of 1919, more than fifty prominent Baghdadi Jews, including the president of the Jewish Law Committee and the acting chief rabbi and president of the Religious Council, submitted a request for naturalization to Edwin S. Montagu, secretary of state for India. Bemoaning what they saw as the total "lack of unpreparedness" in Iraq for self-administration and fearing the creation of a government in Iraq led by Arabic-speaking Sunnis, the co-signers requested that they be "taken under the shield of the British Government and considered true subjects of His Majesty, holding themselves prepared to accept all obligations and rights of true British citizens," adding that they were "confident that their [Jewish] brethren in all Iraq will formulate the same desire." The applicants' request was swiftly denied. Had it been approved, legal precedent would have been established, permitting a broad swath of Jewish applicants - including, of course, those in Palestine - to follow suit, a situation that the British hardly wished to invite.

With the number of requests for protection or naturalization by

Baghdadi Jews in and outside of Iraq soaring, the British authorities in London intensified their scrutiny of applications by Baghdadi Jews in Shanghai and East Asia more generally, bringing to them a skepticism born of both administrative confusion and anti-alien sentiment. Thus, for example, some in the Foreign Office falsely assumed that the Aliens Act of 1914 mandated that the children of British subjects naturalized in India could not inherit their father's or grandfather's legal status, rendering earlier instances of naturalization (as one representative put it) merely "of local effect"; a few years later, the Foreign Office advised its representatives in the region that "no Ottoman subject engaged by a British firm in China should be accorded British protection unless he has a claim to such treatment on some other ground," a thinly veiled reference to Baghdadi Jewish employees of the offices of David Sassoon and Company. Similarly, while beginning in 1925 it seemed possible that Iraqi Jewish émigrés could ground their requests for paperwork in a treaty signed by Britain and the five-year-old state of Iraq that promised Iraqis (as defined by Article 8 of the Iraqi Nationality Law) British consular and diplomatic protection, this possibility was undercut by a subsequent Order in Council that called for more strenuous review of applications for the necessary paperwork...

Despite the hardening of legal and consular standards, British representatives could be swayed in favor of particular applicants or their families, with class and social status proving to be crucial credentials for would-be Protected

Persons or naturalized Britons. Such was the case with the Elias family. Baghdadi-born brothers Reuben Bey Elias and Joseph Rahmin Elias moved to Bombay (in 1872) and Shanghai (in 1881) with their father, an employee of David Sassoon and Company. The Elias brothers registered at times with the French consulate (in 1881 and again from 1885 to 1905) and at times with the British (in 1882 and from 1905 to 1908). This pattern seemed to cause offense to neither consulate - indeed, each granted papers to the brothers with the permission of the other - until 1908, when pressure was being placed upon British consular agents to view such situations as irregular. And yet the British consul general in Shanghai, Pelham Warren, hesitated before denying the brothers' request. "It appears to be my duty [to refuse] their application," he wrote his superiors. Warren's hesitation may have been based on his knowledge of the Eliases' special place in the fabric of Jewish Shanghai. Joseph Rahmin (known to the Baghdadi Jewish community as Yosef Rahamim) was, after all, a pivotal member of Shanghai's Baghdadi Jewish community, the only mohel and shohet trained in Baghdad according to Baghdadi (or "Sephardic," as they were imprecisely known) rites. Perhaps it was for this reason that Warren viewed the Eliases' history sympathetically even though, on the face of it, it was technically no less controversial than Nissim Jeremiah's. Concluded Warren: "there are sufficient grounds to justify me . . . again renewing their certificates as British Protected Persons."

Not surprisingly, class also

mattered. Along with his brother Elias Aaron and sister Sophie Aaron, Silas Aaron Hardoon had been registered as a British Protected Person since 1896, because their father had been naturalized in India some years earlier, as an employee of David Sassoon and Company. By 1907, the Foreign Office concluded that the Hardoon siblings "are not British Subjects and ought not in the first instance to have been registered as such [sic]." Aware that a revocation of a legal relationship with the crown would be damaging to the family, the Foreign Office agreed to recognize the siblings as British subjects despite their previous error "as an act of grace and favour." This was no selfless act of generosity: the British authorities were interested in ensuring that the British state would administer Silas Aaron's estate after his death, for should Hardoon cease to be classified as a British subject or Protected Person, "the loss to the treasury . . . would be very considerable." (Indeed, oversight of Hardoon's fortune eventually yielded the British Exchequer the sum of £500,000 in duties.) Strikingly, if money could buy protection for some, poverty could forestall it for others. When reflecting on the growing number of requests for registration by Baghdadi Jews, one British consul general mused with relief (and, possibly, scarcely concealed contempt) that the state was under little pressure to extend English law to the "considerable body of Sikhs" employed by the Municipal Police Force in China, "owing to the fact that they are not possessed of any great means, [and therefore] personal cases affecting them do not often come

before the Court. The estates of those who die without relatives in China are remitted to India to be dealt with." To put it another way, the British Foreign Office was highly self-interested in its consideration of registration requests.

Class could throw a wrench into the administrative cogs or grease the necessary wheels because individual consuls exercised great power in determining (and sometimes even writing or rewriting) British protection and naturalization laws on the ground, case by case, and according to their own understandings and predilections. More specifically, class could interrupt the general trend to deny Baghdadi Jews' subjecthood - an arrangement that aided some Jewish applicants in Shanghai and other colonial hubs across Asia and the Mediterranean. This built a great deal of fungibility into the system, for what privileges a consul could grant he could also take away, not only in an applicant's lifetime but even after the applicant's death.

Indeed, death did not necessarily conclude the story of an émigré Baghdadi Jew's legal status. One could, after all, be stripped of nationality postmortem if and when one's status was deemed retroactively illegitimate, or if and when one's child, grandchild, widow, or sister was told that he or she could no longer "inherit" this status. In part, the trials that surrounded the Hardoon estate were sensational for this very reason: because in weighing the proper means by which to disperse the estate, they evaluated the legal status of Baghdadi Jews in Shanghai - and, to a lesser extent, of Baghdadi, Mediterranean, and

Middle Eastern Jews across the crown's colonies - in court, and before an international audience. In September of 1931, seven members of the Baghdadi branch of the Hardoon family, represented by one who resided in Shanghai, submitted an Arabic-language petition to the Iraqi minister of foreign affairs. The document...[alleged that Silas Aaron Hardoon's will had been falsely made].

In June of 1932, the trial spawned by the Hardoons' petition began in Shanghai, in His Britannic Majesty's Supreme Court for China. It would last nearly nine months, drawing upon a battalion of witnesses and international legal talent, captivating and polarizing observers locally and beyond.

The counsel for the plaintiffs, who were joined at the last minute by a Bombay-based claimant on the estate, argued that according to Iraqi law, Liza Hardoon was entitled to either none or but a small fraction of her late husband's estate, and that in the absence of biological children, the remainder ought to be divided among Silas Aaron Hardoon's (ostensible) kin in Iraq. They justified this determination by submitting that Hardoon was beholden to the law of his domicile of origin: he was, they advanced, initially an Ottoman, and hence an Iraqi citizen for the duration of his life and at the time of his death. His British naturalization, they maintained, had violated both British and international law... Having never dwelt on British soil, the plaintiffs maintained, Hardoon was never entitled to the naturalization he circuitously acquired; indeed, the granting

of this naturalization impinged both on the laws of Iraq and on certain forms of international law...Given, furthermore, that the National Chinese Government had ruled in 1918 that when faced with a conflict of laws, the principle of nationality governed, the estate ought to be distributed according to Iraqi law - entitling Liza Hardoon to but a quarter of the inheritance and Silas Aaron Hardoon's next of kin to the remainder...

The arguments offered by the counsel for the plaintiff and the Iraqi minister of foreign affairs were, on one level, self-serving: all stood to gain financially should the Hardoon estate be granted to the appellants and thus be distributed in and taxed by the Iraqi state. And yet more than greed was at stake. All of these parties were also engaging a complex and delicate question that animated the Iraqi public sphere (and the region more generally) in the years after the First World War and the establishment of the British mandate, and, increasingly, as "independence" from the mandate neared: of who, precisely, was or ought to be an Iraqi, and how national identity should be understood to align with or diverge from religious and sectarian identities. These debates were far from abstract: they would determine who would be allowed to return to and remain in Iraq, who would be exiled from it, and where its boundaries should be drawn. Iraqi Jews were animatedly involved in this conversation; and for this community, as for so many others, this question was inflected by varied historical relationships to the Ottoman, British, and Iraqi authorities. Suffice it to say that at

the moment the future plaintiffs in the Hardoon trial solicited the support of the Iraqi minister of foreign affairs (in September of 1931), Iraqi Jews were expressing widespread enthusiasm for the new, British-backed Iraqi regime - envisioning and (at least for the moment) successfully framing themselves as "Arab Jews" and full-fledged Iraqis. These sentiments inflected the demands of the Hardoon family, seeking as they were to bring an émigré back into the legal fold of the Iraqi and Iraqi Jewish body politic. It is all the more striking, then, that the Hardoon cousins' 1931 petition to the Iraqi government was balanced by comparable appeals by the same parties to the British high commissioner for Iraq. ...

At the same time, both the government and the defense argued vigorously that [Hardoon] "must be regarded as a person to whom jurisdiction of His Britannic Majesty's Court extends." Curiously, the fact that Hardoon's father had been naturalized in India did not prove the backbone of the defense. Instead, they based their claim on the Foreign Office's previously cited 1907 dispatch registering Hardoon as a British subject "as an act of grace and favour," and on the 1925 China Order in Council, which declared the category of British subject to include Protected Persons. What is more, they elaborated that Ottoman subjects who had been born in Iraq but were not habitually resident in Iraq were, in the wake of the Iraqi Nationality Act, obliged either to formally request that nationality or to forsake it; thus, by not pursuing Iraqi citizenship, Hardoon was announcing himself as British.

Finally, the defense argued that British Protected Subjects residing in China “with knowledge and tacit consent of Chinese authorities would fall under British Courts’ jurisdiction by sufferance.”

The plaintiffs’ accusations reached further into the legality of the Hardoons’ marriage, probing the relevance of the pair’s Jewishness - or lack thereof - to their national affiliation. Maintaining that there was no evidence that Liza Hardoon had converted to Judaism, the plaintiffs charged that a Jewish marriage between the pair could not legally have taken place - an argument substantiated by the lack of a ketuba (Jewish marriage contract). Given, further, that the Hardoons had registered their marriage with the British civil authorities only in August of 1928, the plaintiffs insisted that the pair were not legally joined, and that therefore Liza Hardoon had no claim upon Silas Aaron’s estate.

The defense countered that the Hardoons’ marriage had taken place when Shanghai’s Jewish community was still young and when records were not maintained. In any case, they argued, Liza and Silas Aaron had long been accepted as a married couple by the community, the synagogue, authorities, and even the Jewish journal of Shanghai, *Israel’s Messenger*, which had long referred to the pair as husband and wife. (This fact did not inhibit the journal from siding against Liza Hardoon as the trial progressed.) Continued Liza Hardoon’s counsel: the Hardoons had provided philanthropic support to Shanghai’s Baghdadi synagogue, they had brought their adopted children up as

Jews, and (the controversy about the use of Buddhist rituals during the observances notwithstanding) Silas Aaron Hardoon’s funeral had been overseen by the *Hevra Kadisha* (Jewish Burial Society). Finally, Liza Hardoon’s counsel argued that the Hardoons’ long history of cohabitation, and the associated “presumption of marriage which arises under English common law,” was evidence of their union.

That the British court appeared to be deliberating on the extent of the Hardoons’ individual and joint credibility as Jews caused what one observer called “intense indignation” on the part of a faction of Shanghai’s Jewish community. The editor of *Israel’s Messenger*, N. E. B. Ezra, proved a particularly vocal and biting critic of the court’s apparent foray into Jewish law. “Marriage by reputation is an unknown thing among Jewish and Muslim communities,” he wrote. “Jewish opinion is not divided on this point.” While technically Ezra was correct that Jewish and Muslim law did not sanction “marriage by reputation” (as British law did in certain circumstances), other observers were more invested in the production of new norms rather than the reassertion of traditional ones. Thus the Jewish Communal Organization of Shanghai, which the British authorities deemed “in a position to speak for Jews of British nationality,” insisted that in all matters of personal law (including those pertaining to marriage, dissolution of marriage, inheritance, and wills), it was their preference to have the law of England extended to them...

One would expect plaintiff and defense to differ. And yet the range

of opinions was breathtaking. ... Far from merely weighing the legality of his marriage or religious status, then, the trial that followed the magnate’s death raised questions of broad concern. When it came to personal law, at what point did the authority of the Jewish community cease and that of the modern state begin? With respect to Mediterranean and Middle Eastern Jews specifically, was the state’s respect for the legal authority of Jewish communities over matters deemed internal - long a hallmark of state policy in the Ottoman terrains - imperiled by the rising power of national legal systems (Iraqi as well as British) and the international codes that guided them? What or who had the authority to affirm the legality of identities - documents? individuals? the community? the state?

Judge Grain’s judgment, which found in favor of Liza Hardoon, rested on three arguments. First, he opined that regardless of whether Hardoon was by birth Iraqi, he had chosen China as his permanent home... Hardoon had lived in China for fifty-seven years, leaving only once to vacation in Japan; he had purchased property in China, had been buried there, and had “had no intention of returning to Baghdad and in fact never went back, even for a visit, after he left it when a boy.” Second, citing legal precedents that spanned the reach of the British Empire, Grain maintained that the sovereignty of China had granted Great Britain the right to administer its own law in its own courts, and more specifically that the testamentary estates of British subjects domiciled in China were to be governed and administered

by British law. Finally, he suggested that as a British Protected Subject, Hardoon was British from the perspective of the law. ...On the basis of these arguments, Grain determined Hardoon's will to be "good and valid," and found in favor of the defendant, with costs. Although Judge Grain's verdict settled a round of claims on Silas Aaron Hardoon's fortune, in the long run it resolved neither the fate of the family estate nor the national status of Baghdadi Jewish émigrés in China. The British Foreign Office continued to field challenges to the distribution of Hardoon's fortune for some time, a fact that caused a British bureaucrat based in Baghdad to despair that there was "no evidence to show that [Hardoon's] relatives have not given up hope . . . in this contentious and somewhat sordid case." Most subsequent challenges to the estate came to naught...

Grain's judgment...seems to have had little effect beyond the Hardoon estate when it came to how the Foreign Office treated Shanghai's Baghdadi Jews who sought registration papers. As late as 1948, the national status of members of the Hardoon family, of Silas Aaron Hardoon himself, and of British Protected Persons in China of Ottoman descent more generally was still perplexing the British Foreign Office, prompting one British official to muse that "the whole question of BPPs [British Protected Persons] in China should be gone into. It is of considerable practical importance for the Consular Office in Shanghai and elsewhere in China and the present position seems alarmingly vague." Many officials in the British Foreign Office hoped that

the notion of the British Protected Person would be rendered legally more precise; others maintained that the state required a whole new way to classify this body of individuals. One bureaucrat offered, "[British Protected Persons] are really protégés in the true meaning of the French term. I have found no term that satisfies me, but I suggest 'a person enjoying British protection.' I think this is a term which could be put on a passport." Although the United Kingdom had given up its rights to extraterritoriality for non-diplomatic persons in China five years before these notes were penned, the vexing liminality of the Baghdadi Jewish diaspora lingered on for the state, evading terse, legal, and even what some felt to be duly British categorization.

Baghdadi Jews were hardly the only protégés who acquired, lost, or negotiated for the status of British Protected Person in China (or elsewhere). Nonetheless, as the twentieth century unfolded, Baghdadi Jewish applicants for protection or naturalization, who once might have been afforded more latitude, seemed to stick with increasing persistence in the craw of British officials, particularly those in London. Why this should be so is difficult to say with precision; studying this group comparatively (relative to Armenians, say, or the aforementioned Sikhs employed in Shanghai's Municipal Police who were the butt of a consul general's humor) might yield more definitive conclusions in this regard. But a number of preliminary theories arise. Perhaps the relatively small number of Baghdadi Jewish émigrés made

them a visible target of increasingly punctilious bureaucrats. Perhaps because many of these Jews were wealthy, they (and, more pointedly, whatever estates they might generate) were less easy to dismiss than other Protected Persons dwelling in China with whom they could be compared. Perhaps because their émigré path stretched through India, their legal status, which reflected multiple colonial histories, was particularly difficult to parse. Or perhaps when the First World War came to its bloody end and the Arab provinces of the Ottoman Empire were carved into mandates, émigré Baghdadi Jews seeking protection from the British state threatened, from the perspective of the officials who held the power to grant or deny their requests, to set a dangerous legal precedent that reached far beyond the boundaries of Shanghai or East Asia, into mandatory Iraq, Palestine, and beyond.

Whatever the causes of their vexatious stature, Baghdadi Jewish émigrés in East Asia were caught in an extended multigenerational struggle for legal clarity with the British state. All of this played out in court and before an international audience in the various testamentary battles that followed the death of Silas Aaron Hardoon.

Twice in the 1930s, the British Supreme Court in Shanghai determined that Silas Aaron Hardoon was a Briton. And yet the conditions of his post facto naturalization at the hands of the court were nothing if not colonially conditioned. Hardoon was, after all, the son of a father born in Baghdad and naturalized

in India, himself Ottoman-born, a British Protected Person (a status extended in violation of British law), a sixty-year extraterritorial resident of a treaty port city, and not even a one-time traveler to Britain. The British Supreme Court did not misread Hardoon's history. Rather, the judgment emanating from this authority provided evidence of the enduring and extraordinarily fungible nature of British Protected Person as an ambiguous but nonetheless significant legal category of the early twentieth century. This category has been neglected by scholars of Jewish, British, colonial, and legal studies heretofore, but understanding how it was extended, revoked, petitioned for, and transformed promises to deepen - and, no less, to intertwine - our historical understanding of modern Jews, evolving norms of international and national law, and the reshaping of European imperialism in the wake of the First World War. While Hardoon is as idiosyncratic a historical character as one could imagine, the principal question that arose in the aftermath of

his death was salient for Britain and Iraq, for international legal observers, and for extraterritorial Baghdadi, Mediterranean, and Middle Eastern Jews living in Aleppo, Java, Shanghai, Tripoli, and beyond. Could an ambiguous legal category of identity inherited from the colonial era survive a time of ostensible global nation-building? What the Hardoon testamentary trials indicated was that well into the interwar period, the status of British Protected Person, rather like European imperialism itself, could be selectively renamed and recast, serving at one and the same time as a stepping-stone to citizenship for certain holders of wealth and connections and a mark of dispossession for others. Perhaps it does not strain the limits of interpretation to say that in this regard, these phenomena were not so very different from the effigy of Silas Aaron Hardoon that so captivated the international press in the wake of this man's extraordinary funeral. Then, as now, there was something compelling and complex about a substance (wax), status (protégé),

and political project (imperialism) that was eminently malleable, capable of being reconstituted and remolded, assuming ever new faces and hybrid cultural forms, shifting its shape without ever altogether melting away.

Sarah Abrevaya Stein is Professor of History, the Director of the Alan D. Leve Center for Jewish Studies, as well as the Viterbi Family Chair in Mediterranean Jewish Studies at UCLA. Her publications include *Extraterritorial Dreams: European Citizenship, Sephardi Jews, and the Ottoman Twentieth Century* (University of Chicago Press, 2016) and *Plumes: Ostrich Feathers, Jews, and a Lost World of Global Commerce* (Yale University Press, 2008). Her most recent book is *Family Papers: a Sephardic Journey Through the Twentieth Century* (Farrar, Straus, and Giroux, 2019). She may be reached at sstein@history.ucla.edu.

Excerpted from the American Historical Review, February 2011

**Courtesy of Anson Laytner
Points East - 2021**

**Your donations
are greatly appreciated
Many Thanks**

Russian, Chinese and Japanese Perceptions of Harbin Jewish Community, 1898 – 1945

By Zvia Bowman

Why did the Jews migrate to Harbin? Did they blend in with the Russians or were they assimilated by the Chinese, like the Jews in Kaifeng? How were they perceived by the Russians and the Chinese? After the Japanese occupation of Manchuria in 1931-32, how were they perceived by the Japanese and how did they fare under the occupation?

Jews migrated to Manchuria to escape repression and violent pogroms that they suffered in Tsarist Russia. Starting with just a few Jews in 1898, by the 1920's the community numbered more than 13,000 people. They built synagogues, Jewish schools, a Jewish hospital, and a home for the aged and established many charitable organisations. It was a vibrant community that helped its own, staged plays and concerts and published its own newspapers. They were a minority among a larger Russian community, which numbered 124,000 by 1921. The Russians themselves were a minority among a large Chinese community, which numbered more than 300,000 by 1921. All three co-existed in Harbin - a town that was built by Russians and looked Russian, yet was established in the wilderness of northeast China - Manchuria.

History of Jewish Settlement

The first Jewish settlers arrived in Manchuria in the wake of the building of the Chinese Eastern Railway (CER) in 1898-99. While no Jews were allowed to be employees of the railway, they supplied the Russian engineers with building materials for the railroad, goods and food. In 1903 their numbers grew to five hundred. The Jews decided that the time was ripe to establish an official Harbin Jewish community. They invited their first Rabbi, Shevel Levin, who served as Rabbi of Omsk and Chita in Russia, to head it.

The community called itself the "Jewish Prayer House" and its aim was to satisfy the religious needs of the Jewish population. The Rabbi had to officiate at births, marriages and deaths and to supervise the ritual slaughter of cattle and chicken. A prayer house and the secretariat of the community were established on no.6 Artilleriskaya Street, which was bought with an adjoining plot of land by the community. The burial society, or "Chevra Kadisha", was established in the same year and from then on all Jewish burials were conducted in an orderly fashion in the Jewish cemetery.

While the community was established in 1903, the general

manager of the CER, General Dmitrii Horvath, approved its communal regulations only in 1909. It was considered a spiritual community without any judicial rights.

While the committee that was set up during the war terminated its activities in 1908, the Jewish Ladies' Charitable Society became a prominent institution, which existed for many years.

In 1906 – 1908 there were more than three thousand Jews in Harbin. Not all of them came from Siberia – many came from Southern Russian cities like Odessa and Kiev and the Pale of Settlement.

What attracted those Jews to distant Manchuria and the frontier town of Harbin? Why did they undertake the long and perilous journey across Russia and Siberia in order to settle down in Harbin? Many left their parents, brothers and sisters, friends and neighbours behind in order to settle down in a wild country full of an alien Chinese population.

Most of them were attracted by the freedom and unlimited opportunities that Harbin offered them. Their position in Manchuria was indeed better than that of most Jews in Russia.

The situation of the Russian Jews is vividly described by Mary Schaeffer Conroy:

The majority of Jews, amounting to about 6 million or about 5 percent of the population in the early twentieth century, lived in the western border regions of the empire. This area, commonly called the Pale of Settlement, had been brought into the Empire in the late 18th century through Catherine the Great's partitions of Poland-Lithuania.

Jews in early 20th century Russia were subject to various limitations: a decree of 1882 had forbidden them to live outside towns or larger villages and cancelled the right of Jewish soldiers to remain outside the pale after their military service was finished, as they had done from 1867. In 1891 large numbers of Jewish merchants and artisans were expelled from Moscow. Jewish merchants of the First Guild - the organisation of wealthiest merchants - were allowed to settle outside the Pale, but a law of 1899 required them to obtain individual consent from the Minister of Internal Affairs. In 1891, Jews were also barred from participating in municipal self-government.

Jews were further restricted in their choice of occupation. A decree of 1882 limited the number of Jewish doctors or orderlies in the medical corps to 5 percent and a decree of 1899 required all Jews - wishing admittance to the Bar to receive permission from the Minister of Justice; permission was not always given. Civilian Jewish physicians had difficulty practising and Jewish attendance at secondary schools and university was limited. A decree of 1897 established a quota for Jews of 3 percent for schools in St. Petersburg and Moscow, 5 percent for schools in other cities

outside the Pale, and 10 percent for schools within the Pale.

Perhaps more reprehensible than these quotas, which at least were commensurate with the proportion of Jews in Russian society, were the periodical pogroms, often supported by local officials or ignored by them. Peter Stolypin, Russian Minister of Internal Affairs and Chairman of Tsar Nicholas II's Council of Ministers from 1906 to 1911 - when Stolypin was assassinated - introduced a reform bill in 1906. It offered a meagre increase of Jewish rights, but they were still confined in residence largely to the Pale and were forbidden to buy land within the Pale...

While in Russia Jews were considered second-class citizens, in Manchuria they were equal to Russians. When the Russian Finance Minister, Sergei Iulievich Witte, who strongly supported the building of CER, visited Manchuria in 1902, he was very disappointed both by the small number of the Russian settlers in Manchuria and by their poor quality. The settlers came from the poorest classes; many lost their way on the journey or became very sick. There was also a large criminal element among them. Witte became convinced that they had to be concentrated in the more important settlements and that no government aid should be given to them, in order that "only the best would come". The plans to settle colonies of Cossacks and dissenting religious sects like the Dukhobors, Mennonites and Old Believers in Manchuria had all failed. Conscious of the fact that the minorities like the Jews, Poles, Armenians, Tartars and Georgians

were all discriminated against in Russia proper and looking for better life elsewhere, the authorities did not discourage them from settling in Manchuria. Witte and the Prince Vladimir Kokovtsov, who was the Finance Minister after Witte from 1904 to 1914, encouraged them to settle in Manchuria in order to speed up its development.

When attacked by some high-ranking Tsarist officials in St. Petersburg and in Manchuria for his philo-Semitic policies, Kokovtsov replied in the following letter from 1911:

On the other hand whatever your opinion from a governmental point of view of the Jewish element, it is necessary in all fairness to recognize the enormous significance of the Jews for Manchuria, where their energetic commercial activity in the course of these last years has solidly established grain exports and guaranteed their (the exports) future.

In conclusion, Kokovtsov expressed his deep conviction that any curtailment of Jewish rights in the CER zone would have a very unfavourable effect on the Russian position in Manchuria.

Khorvat also regarded Jewish settlement in Manchuria in a positive light. Moreover, 2/3 of the Jews who settled in Manchuria, came from Russified backgrounds and spoke Russian at home. Hence, it was easier for them to settle in Manchuria, which was free from official anti-Semitic policies but was permeated with Russian culture.

The Jewish community also had the most balanced male - female ratio among Harbin's ethnic minorities. In 1913 there were

91.5 women for every 100 men, signifying the trend for the Jewish men to bring their families with them.

Since 1898 the CER appropriated huge areas along the line in Kirin and Heilongjiang. When the Chinese government opposed this, an agreement signed in 1907 reduced the quantity of the lands to about 500 square miles. As soon as it was signed, the Russian CER authorities launched a comprehensive program to create municipalities around various population centres and stations of the line. Already in 1906, foundations had been laid for the principal cities along the railway line, to supplement the general administration in the railway zone by the CER.

Jews played an important part on the Harbin Stock Exchange, which was founded in 1907, and the municipal assembly elected in 1908. According to David Woolf:

Seven of the thirty-two original members of the exchange who were still involved in 1910 (22 percent) and ten of the forty men who were elected as representatives by the 1,696 voters in February 1908 (25 percent) were clearly Jewish. A few weeks later, these forty men selected four of their number to serve on the municipal council, an executive organ. Two of the four were Jewish.

They were Evsei Isaevich Dobisov and Isaac Solomonovich Fride.

In 1909, Stolypin raised the quota of Jewish students allowed in state secondary schools to 5 percent in the capital, to 15 percent in the Pale of Settlement, and to 10 percent elsewhere. These restrictions were extended

to private schools. In Harbin, the picture was different. 15 percent of pupils in the commercial high schools founded and funded by the CER in Harbin were Jewish. The percentage of Jews in private schools was 25 percent. In other words, all Jewish youngsters who qualified could pursue a secondary education in Harbin. We must not think that Harbin Jews encountered no anti-Semitism whatsoever. After Russia's shame-ful defeat in the Russo-Japanese War of 1904-05, Jews were singled out as scapegoats and a wave of pogroms swept Russia. Many Jews were killed, Jewish houses and businesses were looted and burnt down. Some Russian officers in Harbin wanted to instigate pogroms against the Jews there as well, but, fortunately, the Rear Commander Nadarov prevented them from happening.

From its foundation in 1898 until the Bolshevik Revolution of 1917, no pogroms took place in Harbin. The Jewish population flourished under the tolerant administration of Khorvat.

Before 1917 there were 5,000 Jews, 40,000 Russians and 170,000 Chinese in Harbin. During the years of the Russian Civil War (1918-1924) the White Russian population tripled to 124,000. By 1921, the Jewish population grew to 13,000 - 15,000 and the Chinese population increased to over 315,000.

On an individual level, Jews did make Russian friends and there was some intermarriage between Jews and Russians in Harbin.

What did the Jews feel towards the Chinese population and how did they interact with it?

From reading the memoirs of ex-Harbin Jewish residents and in conversations with them, it is clear that there was no real interaction between the Jews and the Chinese. Except for a few words or phrases, the Jews did not bother learning any Chinese, nor did they venture into the Chinese quarters of Harbin. The Chinese were often "invisible" and the only ones to come in contact with foreigners were servants, cooks, employees or rickshaw pullers. Many household servants spoke some Russian and some even knew a few Yiddish phrases. Schoolchildren had Russian or foreign classmates and were not likely to have Chinese ones. Some wealthier families sent their children to British or French high schools.

Until 1917, Harbin and the land all along the CER line were under Russian administration. After the 1917 Revolution extraterritorial rights were renounced for all Russians by the new Soviet regime. The Russians and the Jews came under Chinese administration and had to adapt to the new situation. However, culturally they continued to speak, read and educate their children in Russian. Intermarriage between Jews and Chinese was virtually unheard of.

Most Chinese could not distinguish between Russians and Jews - all foreigners were labelled "**dabizi waiguo guizi**" - "big nosed foreign devils". However, the Jews did not encounter any targeted anti-Semitism from the Chinese.

Many Chinese intellectuals, who came into contact with Western ideas from the middle of the 19th century onwards,

also encountered anti Semitic writings and arguments. These Chinese felt both curious and envious of the Jews. On the one hand, Jews were accused of killing Christ and dominating the world's financial markets; on the other hand, they were expelled from their own country and were perpetual wanderers. After reading Shakespeare's *Merchant of Venice*, many Chinese felt that Jews were greedy usurers. Thus the wealthy Shanghai Baghdadi Jew, Silas Hardoon (1851 - 1931) was depicted in many Chinese novels as a parsimonious Jew, very sly and mean. His Eurasian wife was also portrayed as a money-grasping woman. There is latent anti-Semitism in his portrayal despite the fact that Hardoon endowed Chinese schools and gave money to Chinese charities. These stories and novels about Hardoon continued to be written long after his death, which shows that Chinese prejudices against him carried on unchanged under the Communist regime.

The prominent anthropologist, Wu Zelin, who has studied Kaifeng Jews, felt for many years that the Jews were despicable, pitiable, admirable and enviable at the same time. His views were shared by many other intellectuals in the 1920s and 1930s.

Chinese intellectuals also asked themselves: Why should the Jews, not the Chinese, be the dominant culture of the world? Why should Judaism, not Confucianism, have been widely accepted as the guiding moral principle of human society?

Some intellectuals, like Jiang Guanyun, who translated a German book which claimed that "the Mosaic law was not the oldest

law code in the world and the Hebrew culture was not the most superior one in the world." Others attempted to prove that Chinese culture was still superior to the Jewish one. Thus for the historian Wang Tao "the assimilation of the Jewish community (of Kaifeng) in China was a powerful proof that Chinese culture was far superior to Jewish culture; therefore, it was still more superior to Western culture. Thus, opening the door to the West would not destroy the superior Chinese culture"

The reformer and writer Liang Qi-chao considered the Jews the most powerful and influential group among the immigrants in America and admired their survival as a race. Therefore, the Chinese should learn from the Jews and in the future control the world economy and global politics. The founder of the Republic of China, Dr. Sun Yat-sen, thought that nationalism was the cause of the rise and fall of any race. He praised Zionism, because he thought that the nationalistic spirit of Zionism held the Jewish race together.

During the Japanese occupation of China in the 1930s, Jews were depicted not as a race but as victims of racial discrimination. Just as the Japanese were oppressing the Chinese, the Jews were also oppressed for centuries. All the oppressed peoples should unite and liberate the human race as a whole. However, it is doubtful if any of these books and articles expressing Chinese attitudes towards the Jews were read by the Chinese in Manchuria or by its virtual ruler, the warlord Zhang Zuo-lin.

The situation of the Jews in Harbin deteriorated rapidly

with the Japanese occupation of Manchuria in 1931. Units of the Kwantung Army entered Harbin on February 5th 1932 to a rousing welcome from the White Russian community.

The Chinese population was both fearful and resentful, while Dr Abraham Kaufman, the leader of the Jewish community in Harbin, extended a cautious welcome to the Japanese forces. Within a few short weeks, the whole population of Harbin started fearing the occupiers. The Japanese military regarded their posting in Manchuria as a good opportunity to enrich themselves. Local shop owners had to pay a huge amount in protection fees and the Japanese also set up gambling houses, opium dens and brothels in all the major cities. Factories were constructed all over Manchuria to produce morphine, cocaine, and heroin. The American reporter Edgar Snow visited Harbin in 1934 and wrote this report about it:

Harbin, once delightful, (is) today notorious as a place of living death, the worst governed city in Manchukuo.

Probably in no other city of the world is life so precarious. Harbin residents, including the 100,000 White and Red Russians, who here bend to the law of the yellow man, risk their lives if they go unarmed anywhere, even in daylight. Hold-ups, robberies, murders, kidnappings are common occurrences.

Some of the worst criminals are White Russians. Destitute, broken in spirit, unwilling to return to Russia under the Bolsheviks, unable to earn a living in China under the Japanese, they turn to crime, nourished on a diet of

drugs, which are sold openly in shops infesting the city...

In Harbin alone there are more than 2,000 licensed shops for the sale of opium, heroin and morphine.

Harbin was controlled by nine different law-enforcement agencies, among them the Tokumu Kikan (Special Services Agency); the military gendarmerie or Kempei, the Harbin Municipal Police and the Harbin Criminal Police. Members of all these agencies used their position to intimidate the local population and to enrich themselves. They hired White Russian, Chinese and Korean thugs to kidnap wealthy citizens for ransom. Some of the White Russians, motivated by their hatred of the "Red Bolsheviks and the zhidi (Yids)", formed the Russian Fascist Party in 1925 in Harbin. Modelling themselves on the Italian Fascists, these Russian Fascists wore a black uniform and an armband with a black swastika. Their leader, Konstantin Rodzaevsky, and his friends published their anti-Semitic and anti-Soviet views in a newspaper called Nash Put (Our Path).

They were behind the kidnapping and the grisly murder of a young [Jewish] pianist, Semion Kaspé, in 1933, which caused an international outcry. Even though Chinese judges passed a death sentence on his kidnapers, the Japanese had the Chinese judges arrested and set the kidnapers free. The atmosphere of fear and the economic difficulties caused the Jewish population of Harbin to drop to less than 5,000 by 1939.

Why did the Japanese threaten the Jews in such a fashion? Most Japanese had never met a

Jew in their lives and were not Christians.

Yet, to quote David Goodman: "By the 1940's, anti-Semitism had become an integral part of ultranationalist thought actively disseminated and promoted by Japan's major newspapers with the approval of the Japanese government. It reached every corner of the country."

Many Japanese believed that Japan and Germany were engaged in a single struggle against a common Jewish enemy and Japan must expel Jewish influence from Asia. The Japanese government was exploiting anti-Semitism at home to enforce ideological conformity. The Jews were mentioned in the same breath as the British and American enemies and all three had to be crushed by Japan. Some Japanese officers, who fought alongside the White Russian forces of General Kolchak in Siberia in 1919, were influenced by the anti-Semitism of the White Russians. They read **The Protocols of the Elders of Zion** – an anti-Semitic book that described a Jewish plot to dominate the world – and took it at its face value.

However, the Japanese official policy of wartime anti-Semitism was not used to persecute Jews. On December 6th 1938, the Five Ministers Conference (*Gosho kaigi*), consisting of the Prime Minister, foreign minister, and the ministers of the army, navy and treasury, adopted the following three principles towards the Jews:

1. Jews living in Japan, Manchuria, and China are to be treated fairly and in the same manner as other foreign nationals. No special effort to expel them is to be made.

2. Jews entering Japan, Manchuria, and China are to be dealt with on the basis of existing immigration policies pertaining to other foreigners.
3. No special effort to attract Jews to Japan, Manchuria, or China is to be made. However, exceptions may be made for businessmen and technicians for utility value for Japan.

This policy enabled 18,000 Jewish refugees to enter Shanghai and six thousand Jews passed through the Japanese port of Kobe on their way to China and other destinations. The Japanese population of Kobe treated these refugees well, and some even brought them presents.

The Japanese rulers of Manchuria (its Manchurian Emperor Pu-yi was appointed by the Japanese and a puppet in their hands) realised that Japan would need huge investments to develop the region. At first they tried to attract European and American investors. Europe was soon engulfed in the Second World War, while America was in the grip of the Great Depression and also strongly disapproved of the Japanese invasion of Manchuria. Nevertheless, the founder of Nissan Industries, Ayukawa Gisuke, wrote an article entitled "A Plan to Invite Fifty Thousand Jews to Manchukuo." He hoped that America would invest one hundred million dollars in the resettlement of these German Jews in Manchuria.

While his article was received with interest, his plan could not succeed if the Jews kept leaving Manchuria and taking their capital with them. In order to persuade them to stay on, Colonel

Yasue Norihiro was appointed as the chief liaison officer of the Japanese military forces in Manchuria. Colonel Yasue had been interested in the Jewish question for years and even toured Palestine in 1927. He had written many articles and books on the "Jewish problem" and all echo The Protocols, which he took for a genuine book.

He at once started calming the volatile atmosphere in Harbin by reining in the anti-Semitic activities of the Russian Nazis and by befriending the leaders of the Jewish community.

According to Dr. Kaufman's son, Teddy Kaufman, Colonel Yasue became a frequent guest at Dr. Kaufman's house. Speaking fluent Russian, he would often stay for supper and discuss for hours the fate of the Jewish people, the future of Palestine and the future of the Jews in China. It seems that a genuine friendship soon developed between these two men.

In 1934 the Far Eastern Jewish Council was established as the representative body of the Jews. It held the First Conference of Jewish Communities in the Far East in December 1937. Japan was winning its war against China at the time and seven hundred Harbin Jews as well as Jewish representatives from Tianjin, Kobe in Japan and other cities in China attended the conference. It was also attended by several wellplaced Japanese officials, the most senior being General Higuchi, Chief of the Special Service (Intelligence). The Jewish leaders pledged their loyalty to Japan and Manchukuo and publicly thanked Japan for treating the Jews equally while other

countries were persecuting them. The Jewish delegates concluded the conference with a resolution that they would cooperate with Japan and Manchukuo in building a new order in Asia. The Japanese obviously controlled and manipulated the Jewish leaders in Manchuria.

Soon after the conference finished, prominent Jews started writing articles in praise of the Japanese occupation of China in the Jewish newspaper *Evrejskaya Zizn* (Jewish Life). Encouraged by the success of the first conference, a second one took place in December 1938 and a third in December 1939. All three conferences were well attended by the Jewish representatives of Harbin and Japanese military personnel. Its resolutions were sent to every major Jewish organisation worldwide and were of great propaganda value to the Japanese.

A decision was reached after the first conference that all the Jewish communities in China would be combined into a single overall autonomous association. It would cover all religious problems, educational, cultural, social and economic activities and support orphanages and care for refugees from Central Europe and register all Jews and every Jewish organisation in the Far East.

In 1937 Dr. Kaufman was awarded a medal by the Manchukuo government for his public activities and in May 1939 he was invited to visit Japan for sightseeing and talks with senior officials. Dr. Kaufman held talks with General Higuchi at the Army Ministry and with officials from the Foreign Ministry.

Dr. Kaufman and other leaders

of the community continued collaborating with the Japanese until the latter surrendered to the Soviet Army in 1945. Dr. Kaufman and other prominent members of the community were arrested by the Soviets. They were all taken to the Soviet Union, charged with being Japanese collaborators and accused of spying against the Soviet Union. Many of them perished in the labour camps but Dr. Kaufman survived as a camp doctor. Released in 1956, he spent five years in internal exile before he was allowed to join his family in Israel.

Dr. Kaufman and other community leaders were unwilling collaborators with the Japanese. Most of them were stateless who could not blend in with either the Russian or Chinese communities. Most of them yearned to leave China for Palestine or the West once the war was over. Grateful for their safe harbour in China, the Jews of Manchuria nevertheless realised that China was another way station on their two thousand year migration in search of a place they could call a permanent home.

Until her retirement, Dr. Zvia Shickman Bowman was lecturer of Chinese at King's College, Modern Language Centre, University of London. She also taught Business Chinese at London Business School and Chinese language and literature at SOAS, University of London. She was born in Beijing and her family was the last Jewish family to leave China during the Cultural Revolution.

Her email is:

zvia.bowman@btinternet.com

**Courtesy of Points East
June 2021**

My Family's Journey from Berlin to Shanghai to Israel to the USA

Ellen Chaim Kracko

I was born in 1947 Shanghai... after the war... World War II. Many people are unfamiliar with this chapter of Jewish history.

I'll begin my story in Berlin, Germany, November 1938. My Jewish family, having lived in Germany going back generations, enjoyed a wonderful, upper-class life, but in November 1938, Kristallnacht happened, and everything changed. That was "The Night of Broken Glass." Actions against Jews began, as mob violence broke out. Shops and stores were ransacked, windows broken, inventory destroyed. Synagogues and their Torah scrolls were burned and desecrated. Homes were invaded and wrecked. Jews were beaten and murdered; thousands were sent to concentration camps. Nazi Germany had reared its ugly head, and my family finally saw the "writing on the wall." It was time to leave their homeland.

The German borders at that point were still open, and so the search for a place to emigrate was on. But, finding a place to emigrate was very difficult. The United States, England, France and most other countries had restrictions. In fact, almost all countries had shut their doors to the Jews. After several unsuccessful attempts to leave Berlin, my father and my mother's Tante Ella found themselves at a travel agent's office of The NORDDEUTSCHER LLOYD Ship-ping Line, trying to book passage to anywhere in the world, but nothing was available. As if the hand of G-d came down to touch

them, at that precise moment, the phone rang. The agent took the call, spoke a few seconds, hung up and said that he had just had a cancellation to... of all places... Shanghai, China. Sixteen tickets were available... round-trip, cash only... take it or leave it. No Visas were necessary, no quotas to meet, no sponsorships needed, no extra paperwork to fill out. In other words, no restrictions. Shanghai was an open port. After a quick family pow-wow, the decision was made to take the tickets. This was the only refuge available to them in 1938: Shanghai, China.

And so, the packing began. My Opa Marcus Ruben (my mother's father) purchased two Lifts, and they were able to pack up all of their furnishings and belongings. My parents, Ruth Ruben and Paul Chaim, were married on February 23, 1939, and four weeks later, on March 21, sixteen members of my family... parents, both sets of grandparents, Tante Herta (my father's sister) and Onkel Alfred, assorted cousins... left Nazi Germany, from the port of Bremen. They traveled on a German ocean liner, (that in itself is a creepy thought) "The Gneisenau"... a beautiful, luxurious cruise ship. It was, as my mother always said..." a one-way cruise."

This ten-week journey to the exotic Far East took them half way around the world, to live among the Chinese. Shanghai was supposed to have been a temporary haven (think a few years), till they could

get to America. But, now because of the war, because of restrictions... visas, quotas, paperwork... this temporary haven turned into a ten-year stay: ten long years that were difficult, to say the least. Shanghai was a strange and bewildering place... a completely different culture, a different language, a different climate with horrendous weather conditions. The war years were hard, and life was cruel. People died of diseases, medical supplies were minimal, dysentery was rampant, food was scarce. These refugees, a community of approximately 18,000 plus, from Germany and Austria mostly, survived under extremely harsh conditions, made even worse by the Japanese, who were the occupying forces and were allies with the Germans at the time. They forced everyone into the Shanghai Ghetto, Hongkew, which was an area of 1 square mile.

This Ghetto was formally known as "The Restricted Sector for Stateless Refugees." The Hongkew Ghetto was a cramped, dirty, bombed out area of dark lanes and tenement-type houses with little or no indoor plumbing, and tiny rooms which housed several families. Everyone helped each other as best they could. The doctor hung out his shingle, as did the dentist. School systems were set up; retail establishments, synagogues, fraternal organizations, sport clubs, newspapers, entertainment venues etc. In other words, they built up an infrastructure, modeled after

their former lives, to help them accommodate and survive their perilous situation in this very foreign environment and culture. It became "little Europe."

My mother worked in a small bakery/coffee shop, owned by a baker from Vienna. My father found work at a tie factory owned by the British. My Opa Marcus was a "Klempnermeister" (Master Plumber), in Berlin, owner of his own business, and, because he was able to bring some tools and small equipment with him, worked as a plumber/handyman. My father's sister, Tante Herta, was a seamstress, and because she was able to bring a small sewing machine, and materials with her, found work. Tante Ella had bought about 50 Leika cameras (the top camera in its day) back in Berlin, was able to smuggle them into one of the Lifts, and was able to sell them in Shanghai. My Opa was able to hide jewelry, silver and gold and cash in the lifts. And so, with this help, everyone settled into their "new lives."

1945: The war was finally over. But, getting out of Shanghai was not easy. I was born March 12, 1947. My family still could not get into the USA. That was always the goal. Tante Herta and Onkel Alfred were able to get visas and a sponsorship and were able to book passage to The US. Most everyone else was able to immigrate to the US, Canada, England, Australia. The Jewish Joint Distribution Committee (The Joint) came into Shanghai and offered to help us re-settle "somewhere." We were given three choices: (1) Go back to Germany; (2) Stay in Shanghai; (3) Go to Israel. Israel became a state in 1948, and took in all refugees. My birth certificate, under "Province of Origin" says... STATELESS. That's

what we were: Stateless Refugees. And so, in January 1949, after 10 long years, we set sail on the "SS Castelbianco Roma," an Italian ocean liner, for the brand new State of Israel. We were given housing in Raanana, which at that time, was all desert.

After almost 3 years, with help from cousins, our visas were finally approved to enter the USA. So once again, my family packed up their belongings, closed up a house, and off they went: first to London for six months to stay with family, and then finally, in 1952, to New York City. We flew on BOAC into Idlewilde Airport (now JFK). On June 18, 1959, we became citizens.

My father's father, Max Chaim, died in Shanghai in 1941 and is buried there. My mother's mother, Klara Peilte Ruben, died in Raanana, and is buried in the old cemetery.

In April of 2006, I traveled with my then 87-year-old mother to join more than 110 other former "Shanghailanders" for an unforgettable "Last Look at Shanghai" reunion. This time, my mother traveled with an American Passport! We were wined and dined by Chinese officials. We walked down the old streets, we were shown all the old buildings that once served as our former homes, our former synagogues, stores, cafes, retail establishments and the hospital where I was born (now an apartment house)... all of our old lives.

These Shanghailanders (including spouses, children and even some grandchildren) represented the Jewish people who lived out the war years, in a strange part of the world, in the city of Shanghai that served as a refuge of last resort for European Jews during WWII. There isn't a day that goes by that

I don't think about how fortunate my family was to have found a safe haven in Shanghai, China. They were the lucky ones.

My mother and I were interviewed and now are a part of the Shanghai Jewish Refugee Museum... prominently displayed on a wall entitled "Born in Shanghai." I returned in 2011 with my husband. Once again, I was interviewed. The Museum has greatly expanded and many things are now digitalized.

Yet, always in the upper part of my mind, is that I returned to the place where I was born in 1947. I feel a great pull and a great tug at my heart whenever Shanghai is mentioned. To the people of 1939 Shanghai, I say "Thank you." You opened your doors to a strange people, you let these refugees in, you let them live among you, and for that I am grateful. If you hadn't done all that, who knows what might have happened to my parents. I might not be here writing about it. I get goose bumps just thinking about it. My Mother passed away in 2010. Tante Herta passed away in 2011. They were the last remaining members of my family. I have cartons full of memorabilia, documents, photos of that time and place. My family saved everything. It's something that I cherish. My hope is that others do not forget either.

I married Elliot Kracko in 1972. We live in New Rochelle, NY. We have two children: Laurie married to Chaim Greenberg. And Rabbi Moshe married to Zahava. They have five children. Nechama, the oldest, just got married in May 2021. The others are: Simi, Yehuda, Chezky, and Yosef. They are the progeny of my grandparents Marcus and Klara Chaim from Berlin, Germany.

By Ellen Kracko July 2021

THE ENGLISH TEACHER

By Alex Auswaks

The most valuable attribute anyone in Tientsin could possess was to speak English and to speak it well.

Tientsin was split into foreign concessions, governed according to the laws and customs of the power occupying it. Everyone (except the French) wanted to live in the British concession. True, the streets did meander a little, as they do in most English towns, but they were always clean. True, the children couldn't play on the grass, but on the other hand, you couldn't bribe the municipal officials or the magistrate. Cafes were not allowed to clutter adjoining sidewalks with tables and chairs, even in the warmest weather, but a chief petty officer and two smartly uniformed marines patrolled the streets to ensure that nobody disgraced His Majesty's uniform in the vicinity of a lamp-post.

Ah, those days when Britain was great and Britons were the greatest!

Our family wasn't wealthy enough to live in the British concession. But every Sunday morning, as a special treat, my father and I crossed from the French concession to see the kilted Scottish pipers pipe the British regiment into church. I used to watch those huge men vanish into what, from the distance at which I stood, appeared a very small doorway. Every Sunday, as the bass drummer, with his splendid leopard skin, disappeared into the tiny doorway, I was convinced

that the English possessed magic powers, that they could shrink and disappear and then reappear from the same tiny doorway, and, as they marched past me, to resume their usual size. It must be their language. No wonder everyone I knew wanted to learn it. We all wanted to possess the magic.

When I went from kindergarten to school proper, all allied personnel had either left, or those who had not got away had been interned. Nevertheless, English language tuition still went on.

None of my English teachers at school were actually English. Mrs. Celia Baeff came from Russia. Mr. Spitzer was a newly-arrived refugee from Austria. Monsieur de Laberbis had been a French prisoner-of-war in Russia and stayed on to acquire a teaching certificate in Vladivostok, from whence he came to Tientsin. None of them had ever been to England. Perhaps that's why they were unable to pass the magic on.

One day a new English teacher arrived. Her name was Mrs. Yourieff, and she made us call her that, and not, as Russians do, by her first name and patronymic. Russian children call their teachers by their first name and patronymic, not as personal as being on first name terms, not as impersonal as surnames. Respectful and yet informal. The English had no such fine subtlety in their language.

"It is not enough to learn a

language," she used to say, "you must learn to use it the way its own speakers do. The English don't address anyone by their first name and patronymic, so when we speak English, you mustn't either."

Mrs. Yourieff was of medium height. Her hair was gathered in plaits pinned round her head in a crown. Her shoulders were slightly hunched. She wore dark old-fashioned clothes and laced-up boots. But she had bright pink cheeks and eyes that sparkled like black grapes in the sun. She always smiled.

Now Mrs. Yourieff possessed the magic. She had actually lived in England!

She taught us to say "Hi!" and "So long:" and roll together "How do you do," to sound "Howjadoo." We adored her.

She told us about Cambridge and how much better it was than Oxford. This quite put my mother's nose out of joint at first, as she had long since decided I should go to Oxford, a decision my father was constantly reminded of.

Mrs. Yourieff also told us all about Parliament and how much better the British system of government was than any other system in the world.

In retrospect, I don't think she actually taught us much English. That was tacitly left to Mr. Spitzer or M. de Laberbis. Everyone in Tientsin was a great authority on the British Empire. Whether it would survive or not was a perennial topic of conversation at

Kiesling's and the Victoria Cafe. But Mrs. Yourieff brought England home to us.

As regards her private life, she had a husband, but she never invited anyone home and never took him with her when she was invited to tea. Her past was a mystery, except for constant references to her period of residence as a student at Cambridge.

However, she and my mother gradually became friends, and so, little by little, she began to confide details of her past in the strictest confidence to my mother. Her father had been a well-to-do merchant in pre-revolutionary Russia. She had gone to Petersburg University and fallen in love with a brilliant law student. She went to university to study English and English literature. He was a great admirer of English law and the British political system. I now realize, in retrospect, that what she told us about England must have come from him, rather than from direct observation. When he graduated, he began to carve a career for himself as a liberal lawyer defending political prisoners

"You can imagine the effect on my parents," I remember her saying, "not only was their daughter living with a man, but one who was under observation by the political police. My father knew only one thing would tempt me away from my lover. He had business dealings with England. Would I accompany him on a short business trip to England? Merely to act as his interpreter. In London he found he had more time on his hands than he had anticipated and suggested a day in Cambridge. I fell in love with it. 'Why don't you stay here?'

he suggested. I am a rich man. You are my only daughter. Your happiness is all I seek.

"When one is young temporarily parting from a lover can be heart-breaking. It can also be a very little thing."

"The Great War began just after I arrived in England and I stayed on. My lover proved to be a disappointing letter-writer. I ascribed it to the fact that he must be very busy, but I kept on writing nevertheless even when he stopped. It was the least I could do. The news from Russia grew grimmer and grimmer. How shallow my doings, related in my constant letters, must have appeared. Cambridge is a paradise. Everyone there is so cultured, so cultured." There was a catch in her voice as if to indicate regret for a moment in her past she could neither bear to remember, nor put out of her mind. It isn't just the bad things of life one must put away from one's consciousness.

"Towards the end of the Great War mother wrote to say my father wasn't at all well. Father was one of those men who did everything himself and mother had never had any responsibility. Now she asked whether I could possibly come home to help." She sighed, "I hated leaving Cambridge the journey turned out to be a nightmare. I'd never had to cope with anything like that war-time journey. All the Russians I met along the way talked revolution. It dawned on me that my lover's aspirations were about to be fulfilled. When I neared Petrograd, as Petersburg had been renamed to make it sound Russian rather than Germanic, I was suddenly uplifted. How

selfish of me to be concerned with my own discomfort when Yourieff needed me by his side. Silly girl I began to visualize myself in the gallery of the Duma. "He rises to speak"....."

When I was a boy, overhearing her repeat the story over and over to my mother, I wondered why she felt obliged to tell it so often. I realise now she had never told it before. It had all been bottled up. Now it all came out. "Do you know," she would go on, taking her breath in, letting it out slowly, as if she still had to relax the tension of her past. was so overcome by this insight, that it was my lover I had to be with at such a moment, I...I... felt I had to go straight to him. For heaven's sake, mother had a house full of servants. I left everything at the station. No taxis. I set off on foot. In the midst of the chaos, I run into Tashka. She'd been mother's maid since both were little girls. She burst into tears when she saw me.

"Your mother sent us all home" she informed me. "Why, for heaven's sake?*"

"God rest your father's soul, your mother always said if he went first, she'd never cope with anything. Oh, Zinachka, you're not wearing anything black."

I went home instead. Poor darling mother, she didn't intend father to wait long for her. She'd walk and barely talk, but she had long since gone inside her, if you know what I mean."

"I do, I do!" mother used to answer. "That's how it was when my husband died."

I knew by now that she was referring to her first husband, but then, she didn't realise I either heard or understood.

"We laid her to rest beside father. At least they had each other. As for me, my lover was nowhere to be found. My fellow students had dispersed. I began to examine my father's affairs. By now they were in a terrible state. I needn't have bothered trying to put them in order. Revolution and civil war were to make such matters irrelevant.

"I watched the papers. Surely any day now I would see Yourieff's name. Somewhere, he must be directing affairs. All his life he had lived for this moment. But whenever I ran into anyone we had known, they'd draw their brows together, like this," (and she would draw her brows together "and say, 'yes, that's strange, whatever has happened to Yourieff? Such a brilliant advocate.'

"One day, as I was going through my father's papers, the thought struck me, if I was looking after my father's affairs what if Yourieff had to do the same for his. That's it! He was with his family. Something had happened to his father too, and his presence was required. I had no idea where his family was. He never talked about them, avoided any mention of them. Not surprising. None of us in that generation of students had much time for our parents. But where were his parents? I actually had to sit down and try to recall the minutest detail of every conversation we had had. It was no longer his ideals, his brilliant observations on law and our society, but did he come out with some trivial little detail that would reveal to me now where he might be. I got so desperate I used to shut all the doors and windows, draw the curtains and

hope his voice would come to me. And it did, it did. As you know, every Russian word ends differently, depending on whether it is masculine, feminine or neuter. Even action words, like verbs, have different endings. As for the names of things, what foreigner hasn't cursed the sheer multiplicity of their ending'. Well, he never got all of them quite right. When we came to live together, he'd get them right when he wrote his briefs, never quite right when he spoke. I used to sit in court, make notes and drill him afterwards. At the time he'd ascribed it to not being so well educated. 'You're so lucky, your father sent you to a good school!' he'd say to me time after time. Another thing, his pronunciation was slightly different to mine. In fact, that's how we met! He'd overheard me at a party, said how much he admired my diction! He jokingly asked me to help improve his diction, most important for an advocate.

He ascribed his accent to his lack of education. But he was highly educated! I began to remember some of the things I had heard in lectures. Perhaps I should return to the fountain-head.

I rushed off to the university. In the faculty of Slavic linguistics all was gloom and depression. Who wanted to study etymology these days? It wasn't where words came from that mattered any more, but where they made you go! The staff were delighted that someone still needed them.

I tried to remember how Yourieff spoke. One or two little intimations, and the old professor's tiny goatee trembled with delight. South West Siberia, without a doubt. Let me explain young

lady,' the goatee said, People in capital cities tend to regard their way of speaking as correct. In fact, as the great Lomonosov taught us, everyone should be allowed to speak their own way, not only as regards pronunciation, but also as regards grammar. It doesn't matter if your grammar is different from, say, the grammar of another part of Russia. As long as you have a grammar. There was nothing wrong with your .um. boyfriend's case-endings. They were just different from yours or mine.' I wanted to get away before he started lecturing me in his frustration at having no other students. But he had me transfixed, did language make man, or did man make language? In the meantime, 'Where in Western Siberia?' I asked."

"Somewhere, anywhere along the Trans-Siberian, I should think,' he said flippantly."

"Somewhere, anywhere along the Trans-Siberian Railway seemed as good as anywhere else to look. I didn't find him. He found me. You've been on it, and you know yourself, as you pull into every station you hear the cries of 'kipiatok: kipiatak!' Hot water for sale so the passengers can make their own tea. Foreign passengers often joked that every station along the Trans-Siberian is called 'kipiatok:' My lover was selling hot water. All I can remember of that moment I first saw him again was the wild look in his eye. "My dear, the situation in his home was horrific. His mother belonged to some foreign sect that had been making its way along the Trans-Siberian long before the revolution.

They had peculiar ideas and peculiar practices. All I got from

her was that my lover had gone down with a fever in Petersburg. She'd heard about it and brought him home. She knew everything about me and hated me. She denied my lover had ever received my letters, accused me first of seducing him, then neglecting him, while I had a good time abroad. She must have read every letter I wrote. My poor lover was sunk in spiritual torpor. Day and night as the Trans-Siberian thundered in either direction, he had to sell hot water for them to survive. They'd lost everything and his father was dead. The trouble was that she needed me. I had a little money, but it wasn't that. I don't know whether it's true or not, but I am told there is an inscription on Gogol's tombstone that reads, if it weren't so sad, it might be considered funny. So, it was between her and me. She had all those tracts left behind all those years ago by her sect and she couldn't read them. They were in English. Only I could read them. I was allowed to stay in a separate room, of course. Once a day, depending on the railway timetable, I had to read and translate those ghastly tracts. I shudder to this day as I think of them. Such superstitious nonsense. Whoever wrote them must have hated every advance man made in science, in medicine, in philosophy. Yourieff used to sit there, eyes straining wildly, and gradually some sort of calm came over him as I read and translated, and his mother took down what I said. Sometimes he even dosed off. Then off to catch a train.

It was the only time we were together, though we hardly had a chance to speak to each other.

People will even haggle over the price of a mug of boiling water. We were so miserable.

"Things got worse. His mother belonged to the hated middle class. The bourgeois Yourieff had been a liberal lawyer. I had been abroad. Besides, free love was all right in Moscow and Petersburg before the revolution. In a small provincial town, it wasn't acceptable. People weren't to know she locked me into my room at night, with not even a candle.

"One thing about the sect, they had their address on every leaflet, every pamphlet, every tract. A friendly foreign passenger bound for London posted a letter to them for me. They answered. They had got to the other end of Siberia and some of their missionaries had crossed the border into China. In the meantime, others from their headquarters had entered China by way of the Suez and operated under the protection of foreign powers. The sect told us to travel east. Thanks to them we crossed into China. we stopped in Harbin. "His mother didn't wish the sect to know we were not married. I was allowed to live with them. My lover's mother became part of the sect's drive amongst White Russians in Harbin, those who had fled from the revolution.

"Harbin was a little Russia. There had always been Russians there, railway workers, traders.... now their numbers were swelled by immigrants such as us. The local Russians wouldn't give Yourieff work of any kind, so he stayed home and ran meetings for the sect. He became a fanatic. I went out to work. Fortunately, there was a demand for English, not much, but some. Teaching English

brought back England to me I realized how I loved everything English. How civilised the English are in every respect, not merely cultured, but civilized.

"Yourieff's mother died. We got married, more to regularise the position we were in. He was so afraid of what the sect would say. "Then I began to hear about Tientsin. Unlike Harbin, it is a free port. It had people from all over the world. I heard there had been English people there, and still were, people who respect the English way of life...."

Her voice hung in the air as if she were saying, and now, here I am. I couldn't see my mother's face, but I could just imagine my mother purring to herself. After everything French, in my mother's hierarchy of couth and culture came England and the English. Cream teas and cucumber sandwiches were a way of life in our household. Having reconciled herself to the fact that I would never cope with French, she made me listen to the BBC and ape its plush accents, much to my father's annoyance. He preferred Americans.

Mrs. Yourieff was right. Tientsin is not Harbin. It is more international. There were more nationalities, more churches, more missionaries, much more trade and commerce. Yourieff did get a job of some description. He also held prayer meetings at home. Mrs. Yourieff was let off the leash a little. She no longer had to attend the meetings, though she often had to rush off to make the tea afterwards.

In the meantime, her popularity at school grew. The Second World War had ended and we were able to sit for Cambridge overseas

exams, when we got good passes, she invariably got the credit. She had an inexhaustable supply of stories about England and the English. The examiners in far off England were sure to think our essays most apposite. No wonder so many passed so well. Poor Mr. Spitzer with his harsh Austrian accent who slaved so hard to teach us English grammar never got a chance on our gratitude or affection.

Our earthly paradise came to an end with the approach of the communists. Just before Tientsin surrendered, the entire sect left in a body, the Yourieffs included. They had no passports, but the sect somehow arranged it all for them.

Our family, too, were able to leave Tientsin. When we eventually settled abroad, we found ourselves a few blocks away from the Yourieffs. Mother literally ran into her at the local supermarket.

Mrs. Yourieff had no job. It transpired she had never actually graduated from anywhere, had no recognisable teaching qualification. One or two local school heads looked at her long, dark dress, laced-up boots, listened to the curious Edwardian slang and shook their heads. However, the sect got Yourieff a job. He went to work in the kitchen of a posh girl's school.

It was a world of union enforced minimum wages, maximum hours and overtime payments. He was a conscientious employee. I was working as a tram conductor and saw him every morning. He looked as if a strong rough hand had dressed him. His tie was just not quite knotted correctly. The jacket not quite right on him.

Laces unevenly done up. Hair three quarters brushed.

He was allowed to bring food home from the kitchen. Mrs. Yourieff hated cooking. It offended her own image of herself as a professional woman. Now they ate and ate well. Yourieff's salary enabled them to raise a mortgage. A member of the sect helped, provided references, another did the legal work for nothing. Our family were still paying an exorbitant rent when they moved into their own house. It became a centre for the sect. There were a lot of refugees around.

Of course, Mrs. Yourieff visited us, we didn't visit her. She no longer looked as pink-cheeked. There was an air of melancholia about her, slavish melancholia, and it became more and more pronounced. Mother wanted her to see a doctor but she looked at my mother as if she were out of her mind.

Now she lived for the petty triumphs of her former student. She had always prided herself on being modern, cosmopolitan, free of the narrow restrictions of nationality and religion. Now she became the western caricature of a Jewish mother. Every university pass by a former student was magnified to the proportion of a Nobel Prize.

Early one morning, before any of us had left for work, her husband telephoned. It was a bad line and it took my mother some time to understand. When she put down the phone her head and shoulders were bowed very slightly. She passed one finger between eye and nose. Very slowly she pronounced the ritual formula, "Zinaida Mihaiiovna has commanded you should live

long." Now that she was dead, she was no longer Mrs. Yourieff, the representative of England in Tientsin, the woman who brought us the lords and the commons, Cambridge, pubs....she was another one of us and she had died in exile.

Then mother lifted the phone and began dialling.

Zinaida Mihaiiovna left everything to her husband in her will. It was a symbolic gesture. She had nothing to leave. She asked for her body to be cremated.

There was a token presence by the sect at the crematorium. Tientsin was well represented. There were a lot of us abroad by then. Yourieff looked as he did on the tram every morning. Same suit. tie slightly askew. Laces unevenly done up. White hair only partially brushed. Slightly mad eyes.

A member of the sect pronounced a few cliches. Dora Lortseva, one of Zinaida Mihailovna's former pupils from Tientsin, wept uncontrollably. Through her sobs we made out the words, "Murderers1. Murderers!" Yourieff half turned towards her and shook his head. Dora's husband led her out muttering, "Think what you say!"

They had a heated discussion out of ear-shot. We could hear that they were arguing, but not what they were saying, while the music played and the coffin proceeded majestically into the flames.

"I must see if Dora is all right." my mother said. Everyone else wanted to see if Dora was all right, too. She sat in her husband's car and sobbed and raged. Her husband tried to put his hand round her to comfort her but she threw it off. This was her big day. MI tell you he killed her!" she

said.
Dora has large pale blue eyes. She blinked tears through them, rubbing her eyes under the thick spectacle frames. "Dorachka! Dorachka!
"She had a heart attack. He came home from work and she was lying on the floor."
"It's all over Dorachka: Sssh! Don't upset yourself."
"She taught me to speak English," cried Dorachka. "There" police

force here. Proper police force. I'll use the language Zinaida Mihailovna taught me, I'll tell them."
"Dorachka, what are you saying!"
"He should have called for an ambulance! He should have called a doctor!"
"He's her husband. He did everything possible."
Dora sat up, heavy features quivering under glasses, "He did nothing! That stupid sect of his,

they don't believe in medicine. They don't believe in doctors. So, he didn't call for help. He did everything possible alright. Told me, he sat there, held her hand and prayed until she died."

Editor's Note:

This is a copy of the original article by Alex Auswak that was written on a typewriter, regarding the period of WWII when his family resided in Tientsin.

Maintaining Memory: Stories of the Holocaust

As the world prepares to com-memorate Yom HaShoah (Holocaust Remembrance Day), BJB is honored to welcome survivors of the Holocaust to share their stories of heroism, survival, and renewal. It is a privilege and a sacred duty to bear witness

Ralph Samuel.

Thanks to a combination of luck and ingenuity, Ralph Samuel's parents were able to leave Germany in the months after Kristallnacht and travel to Shanghai. They were the only family members to escape Germany. Ralph was born in Shanghai a few years later. Ralph shares his family's incredible story of luck, loss, and survival. Papers belonging to Ralph's mother, Hilda Samuel, are on view in Illinois Holocaust Museum's Karkomi Holocaust Exhibition.

Courtesy of Beverly Friend
April 18, 2021

Additional information located by the Editor

Oral history interview with Ralph Samuel

United States Holocaust Memorial Museum

Oral History | Accession Number: 1999.A.0122.529 | RG Number: RG-50.477.0529

Ralph Samuel describes his childhood in Dresden, Germany; the antisemitism he experienced; his mother's decision to send him away on Kindertransport in January 1939; the family he lived with in London; his reunion with his mother; his move to a foster home in Guildford later that year; his experiences there; his move with his mother to a separate house in 1943; his immigration to the United States in 1958; and his life in post-war America.

NOTE: To help reduce the risk of transmission of COVID-19 (coronavirus), the United States Holocaust Memorial Museum, including the Library and Archives Reading Room, is closed until further notice. Staff members are working remotely to answer reference requests to the extent feasible. Reference questions, including those regarding access to collections, may be directed to reference@ushmm.org. For questions about donating materials, please contact curator@ushmm.org. Please do not send any materials until the Museum reopens to the public. Thank you for your understanding.

DONATIONS

IYS SOCIAL AID FUND

USA

From Archie OSSIN in memory of his parents Sarah and Joseph OSSIN	US\$	500
" Esther WOLL in memory of her parents Sarah and Joseph OSSIN	"	200
" Joe MRANTZ toward the IYS Social Aid Fund for the coming HOLIDAYS	"	100

ISRAEL

From Rasha KAUFMAN in loving memory of TEDDY	NIS	1,000
--	-----	-------

IYS ACTIVITY FUND

CHINA

From The EMBASSY of the PEOPLE'S REPUBLIC of CHINA in ISRAEL for the Igud Yotzei Sin current activities	US\$	10,000
---	------	--------

GREAT BRITAIN

From Zvia BOWMAN for the Igud Yotzei Sin activities	GBP	30
---	-----	----

ISRAEL

From Giora and Ilana LESK in memory of Danny and Musia BERKOVITCH for Passover	NIS	20,000
" Giora and Ilana LESK in memory of Danny and Musia BERKOVITCH for Rosh ha-Shana	"	20,000
" ANONYMOUS	"	1,500
" Yossi KLEIN for the IYS Activities	"	1,000
" Rika HON for the IYS current activities	"	100
" ANONYMOUS	"	108
" Emmanuel INGERMAN for the IYS activities	"	300
" Sima REICHER in memory of her mother Leah BECKER	"	100

SYNAGOGUE FUND

MONACO

From David FAMILIANT in memory of his mother Raisa FAMILIANT	US\$	200
--	------	-----

ISRAEL

From Ita UDALEVICH in memory of Dvora and Yaakov GEISLER, beloved parents, grandparents and great grandparents	NIS	180
" Mifa GORTSTEIN in memory of Yana UDALEVICH, beloved father, grandfather and great grandfather	"	180
" Golda TOLEDO in memory of her father Gershon (Grisha) PESELNICK	"	100

From	Hezkeyahu DVIR in memory of his parents Ida and Henry DAVIDOVITCH	NIS	200
"	Amir VAYLER in memory of Alexandra (Shura) VAILER	"	36
"	Moshe LICHOMANOV in memory of Arie LICHOMANOV	"	200
"	Sima REICHER in memory of her mother Leah BECKER	"	100
"	Esther YARHO in memory of her parents Iza (14th Yahrzeit) and Aharon (23rd Yahrzeit) YARHO, and in memory of her grandparents Esther (80th Yahrzeit) and Avraham (63rd Yahrzeit) YARHO, and Enya (47th Yahrzeit) and Michael (56th Yahrzeit) KONDAKOF	"	600
"	Esther YARHO in memory of her uncle Shlomo (Monia) (52nd Yahrzeit) YARHO	"	100
"	Esther YARHO in memory of her aunt Luba (12th Yahrzeit) BRUNNER	"	100

**SCHOLARSHIP FUND
USA**

From	The ALEXANDER M. and JUNE L. MAISIN FOUNDATION of the JEWISH COMMUNITY FEDERATION and ENDOWMENT FUND for Igud Yotzei Sin in Israel, the Association of Former Residents of China, to provide the Scholarship Awards in Israel to the grandchildren and other descendants of former residents of China in Israel during 2019/20 (The Scholarship Fund in memory of Alexander and June MAISIN)	US\$	15,000
------	--	------	--------

**ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY FUND
CHINA**

From	The EMBASSY of the PEOPLE'S REPUBLIC of CHINA in ISRAEL for the Israel-China Friendship Society's Student Scholarships	US\$	10,000
------	--	------	--------

USA

From	Ryan WU for the Israel-China Friendship Society	NIS	2,253
------	---	-----	-------

To all dear friends of Igud Yotzei Sin
 from Israel and Overseas, your donations
 are greatly appreciated and assists us in
 our various activities and in caring for
 those in need. We look forward to your
 continued support and wish you all a

**Happy Rosh Hashanah in good health and
 blessings over the Fast.**

MINYUAN GROUNDS

ISRAEL KARNI

We returned to Tianjin in 1944. When I say we, I mean my father, mother and me. I was six at the time.

For the previous five years we lived in Shanghai. Under the Japanese occupation life in Shanghai was extremely difficult. The city was the largest port for the Japanese forces in China and was kept under very strict control.

The small European community in the city had to overcome the hardships imposed by the military government and food was scarce. My dad's parents lived in Tianjin, quite a large city, with a population of a few million. It was situated a few hours' drive from Beijing, and was not termed as an important strategic target by the Japanese. Tianjin's lack of significance in the Chinese socio/political scheme, and the great distance from Shanghai made life bearable for the Europeans living in the city.

The Japanese garrison in the city of Tianjin was much smaller compared to Shanghai. It was a military force not involved in the war machine, but was a force to keep law and order in the city. This did not mean that they were less cruel and demanding of the Chinese population. It meant that there was more food available and life seemed to flow in a more routine and orderly manner.

For quite a while my grandparents wrote letters to my dad trying to persuade him to move to Tianjin, where there was a better food supply and personal safety was

much better. They pointed out that this was very important for my safety and health.

So my parents and I moved to Tianjin in 1944. My parents packed their essential possessions and moved by train to Tianjin, to join my paternal grandparents. After a three-day train ride, we arrived at night to Tianjin. We were very lucky to find a rickshaw to carry our meager luggage, as there was a night time curfew for rickshaws.

We reached our destination, my grandparents' house, in the early hours of the morning and I will never forget the special smell of fresh bread being baked in the kitchen in honor of our arrival.

I felt that a new world had opened up before me. I met my grandparents. I was enrolled in the Tianjin Jewish School where I met new friends. We were living in a house in the English concession and not an apartment in the French concession. "The English seemed much nicer to me." All large cities in China were divided into concessions. This was the result of European countries invading China during the historical Boxer Revolution. Foreigners from different countries used to settle down in the concessions of their home countries. During Japan's occupation of China, the Japanese occupied all the concessions imprisoning all foreigners from enemy countries.

Slowly, I started to expand the geographical radius of my adventures from the house: The

Jewish School. The Empire Cinema building, Victoria Café, The Kunst Club and Minyuan Grounds.

The Minyuan Grounds were located some ten minutes walking distance from my home. It was a very large plot of land, larger than a few football fields, stuck in the middle of an urban area.

I used to go there to ride my bike, play, fly kites when there was a wind and sometimes just have a good time with some of my friends. During my visits there, I used to see Japanese soldiers training in the Grounds. The soldiers were from the garrison stationed close to the Grounds and used to have their physical training there. They held competition races and engaged in gymnastics, which I was intrigued to watch.

On a foreboding and more sinister level, at one of my visits to the Grounds, which were larger than a few football fields stuck in the middle of an urban area, little did I comprehend that these were the last years of the Second World War and that everyone felt the tension in the air that surrounded us. Food was becoming scarce, the Japanese became nervous and the Chinese became bolder. Japanese high ranking officers and civilian officials, started to search for ways to transfer to Japan, the riches they plundered from China. A year went by. I was advanced to a higher grade in school. This meant that in addition to the regular subjects, I was required to learn a number of languages as part of the curriculum: English,

Russian, Hebrew, Chinese and Japanese.

I studied English, because this was the language of the Europeans living in China. Russian, since my parents and most of the Jewish community came from Russia. Hebrew, since it was the language of our heritage. Chinese, because we were living in China and had to know the language of the land; and we were ordered to study Japanese by the Japanese Forces. This situation did not improve my linguistic capabilities and I sometimes reflect that I may not have mastered any language well due to trying to learn too many. Among all of my daily routines, I still enjoyed going to the Minyuan Grounds. On one occasion, it was in the afternoon, I decided to walk to the grounds. Walking along familiar streets towards the Grounds, I saw a lot of Chinese People running in the same direction. At first I thought that there must be some kind of an attraction on the Grounds or at least a parade.

Coming closer to the Grounds, I heard shouting, screams and the sound of shots being fired. I understood that something extraordinary was happening. My curiosity was aroused. I moved with the crowd, but tried to keep myself close to the walls and fences of the houses. Coming close to the Japanese garrison camp, I was shocked by the sight before me. Hundreds of Chinese were attacking the compound with their bare hands and were physically pummeling the Japanese soldiers with vengeance, dragging the bodies through the streets.

Frozen for a moment, I realized that I was witnessing a horrific

picture of humanity at war. Hate, distrust and revenge ruled the day. I understood that I was in mortal danger.

It was only after running away frightened from the Grounds and reaching home, that I was told that the War had ended and that the Japanese had capitulated. Two Atom bombs were dropped on Japan making them realize, that continuing the war was a futile effort. The Japanese lost control of China and the Japanese garrison was left to its fate.

It was after this terrible case of witnessing the revenge of the Chinese people on their Japanese oppressors that I stopped going to the Grounds.

China was going through a period of upheaval, turmoil and instability. The Japanese were gone. The American Forces came in. Communists started their march out of North China. Chiang Kai-Shek was trying to consolidate his power in the New China. World War II had ended but to everyone's dismay. China plunged into an internal war of revolution. Chiang Kai-Shek, backed by the Americans, fought against the Mao Zedong Communist forces, backed by Russia. The people of China were not given respite from one Great War to another and continued to suffer from this internal strife.

I continued my studies and improved my skills in Chinese and Hebrew. The Communists were pushing the forces of Chiang Kai-Shek out of North China. This relentless push reached Tianjin, culminating in the city being surrounded by the forces of Mao Zedong's Eight Army (Pa Loo).

The Kuomintang forces of Chiang Kai-Shek found themselves

surrounded and trapped in the city. This was the period where I used to watch large aircraft using parachutes, drop arms and ammunition into the Minyuan Grounds. On one occasion I ventured out and tried to reach the Grounds, but was stopped by the military, not before seeing the great amount of military equipment marked with U.S. markings being moved from the Grounds by trucks. It took less than a month for the city to fall into the Communists Eighth Army's hands. One year after the city fell into Communist hands, we left for Israel.

Fifty years later, a few years after the Peoples Republic of China recognized the State of Israel, my wife and I went on a trip to China and visited Tianjin. Traveling with a small group of close friends who all wanted to see China, I was pleased that they were willing to accompany us by taking a detour in our travels so that I could see the place where I spent part of my childhood years.

This tour led to my last time at the Minyuan Grounds. There is a very modern and beautiful athletic stadium built on the grounds. The area around the stadium has been modernized and gives a feeling of permanence as if this is the way it had been forever.

Amazingly, we found that a small part of the area around the Minyuan Grounds where the house in which I lived still remained the same. While we walked the narrow street towards the Grounds it was only I who heard the voices of the past blowing in the wind, from the Minyuan Grounds I remembered.

IN MEMORIAM

Abraham (Abe) Fradkin

1923 – 2021

One of the association's veteran members, Avraham (Abe) Fradkin, passed away in Tel Aviv on February 6, 2021 at the age of 97.

Abraham Fradkin was born in the Ukraine. A year later his parents emigrated with him to China. He spent his childhood and adolescence in Shanghai, and after finishing school he went on to graduate from St. John's University. In 1947, he left for the United States to continue his studies at the University of California, Berkeley, and following his graduation in May 1949, he immigrated to Israel.

In Israel, he served as an officer in the scientific unit of the Israeli Defense Forces at the Weizmann Institute. Upon discharge, he began working for DELEK, the Israeli fuel corporation, where he worked for 36 years until, in 1988, he retired as Assistant General Manager and Head of the Commercial Department.

Abe Fradkin summarized his rich life experience in his book "Periods of the Circle", which he wrote in Hebrew and published in 1990. Over the next twenty years, he corresponded with a number of world dignitaries on issues relating to attitudes toward Israel and support for the Jewish State, reacting sharply to certain events in Israel and the Diaspora, and writing many articles and letters in this connection.

When diplomatic relations between Israel and China were established in 1992, Fradkin became one of the founders of the Israel-China Friendship Society. Twice, in 1992 and 1994, he traveled to China as a member of delegations, at the invitation of the Chinese Friendship Association with Foreign Countries. He was a member of the Board of Management of the Association of Former Residents of China, contributed greatly to the association, and actively participated in the life of our association. Some of his articles were published in our "Bulletin".

In 1998 he traveled to Shanghai with his son and daughter to visit his family roots. Until his last day, he kept in touch with people from China and with the "Igud".

May his memory be blessed!

OBITUARIES

It is with great sorrow and sadness IGUD YOTZEI SIN announces the passing
of our country-woman from Shanghai, native of Harbin,
the last poet of the Russian Eastern Diaspora

Nora KROUK

Passed away on July 6, 2021 in Sydney, Australia, at the age of 101
We offer our sincerest condolences to her entire family and deepest sympathy
to all lovers of her poetry in Russian and English
May her soul rest in peace

We deeply mourn the passing of a lifelong member of our Association,
the author of articles in the Bulletin, IYS benefactor,
one of the founders of the Israel-China Friendship Society

Abraham FRADKIN

Passed away on February 6, 2021 in Tel Aviv, Israel, at the age of 97
We offer our sincerest condolences to his son Ariel ELDOR,
daughter Ronit MOR and the entire family

We deeply mourn the departure of our beloved

Hannah MULLER

Mother of Saul z"l

Harbin, 23.10.1932 - Kfar Shmaryahu, 29.01.2021

We miss her so much

SAM, ILANA and LIAT, and sister LEAH
Grandchildren, great grandchildren

IGUD YOTZEI SIN deeply mourns the passing of
our long time member and friend

Hannah MULLER (nee Litvin)

We offer our sincerest condolences to her husband SHMUEL,
daughters ILANA and LIAT, sister LEAH, and their families

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of
our lifelong member and devoted friend

Bernard DAREL (Dagilaisky)

Passed away on December 7, 2020, in Tel Aviv, at the age of 92
We extend our heartfelt sympathies to his wife AYA and family

We deeply mourn the passing of
a member of the IYS Board of Directors and a good friend

Eran ROZEN

1971 - 2021

and express our sincere condolences to his entire family

The Board of Directors of IGUD YOTZEI SIN

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of

Jenny PIASTUNOVICH

Wife of Teddy PIASTUNOVICH (deceased, the former vice-chairman of IYS)

Passed away in Kfar Saba, Israel

We express our heartfelt sympathies to her daughter ARIELLA and family

IGUD YOTZEI SIN deeply mourns the passing of

Emma GUREVICH

Passed away on January 24, 2021 in Kiryat Motzkin, Israel, at the age of 94

We extend heartfelt sympathies to her children, and the entire family

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of

Wladimir SOSKINE (SOSKIN)

Born 1918 in Harbin, China

Passed away on January 27, 2020 in Paris, France

We offer our deepest sympathies to his son Michel SOSKINE

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of

Ilana ESHEL

Daughter of the late Moshe and Tzilia Nirim

Passed away on May 30, 2021

We extend deepest sympathies to her husband SHMUEL and family

IGUD YOTZEI SIN

deeply mourns the passing of a lifelong friend and devoted member

Musia ROSENBLUM (nee Schwarzberg)

Passed away on October 10th, 2020 in Arad, Israel, at the age of 96

We extend heartfelt sympathies to her son YAKOV

May her memory be blessed

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of

David KEREN

in Haifa, Israel

and extend our deepest sympathies to his family

IGUD YOTZEI SIN mourns the passing of a native of Harbin

Barbara KALMOUTIS

in USA, California

and extends sincere condolences to her relatives

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of
our lifelong friend and devoted member, native of Dairen, China

Guita BASOVITCH (nee Lerner)

1928 - 2021

Passed away in New Jersey, USA, at the age of 93

We offer our sincerest condolences to her daughter Liza WAISMAN,
and the entire family

We are very saddened by the passing of

Abraham FRADKIN

and extend our heartfelt sympathies to his son ARIEL, his daughter RONIT,
and to the entire family

Miriam and Daniel FRIEDMANN

АССОЦИАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КИТАЯ В ИЗРАИЛЕ

основана в 1951 году

БЮЛЛЕТЕНЬ ИГУД ИОЦЕЙ СИН

• Сентябрь 2021 • 68-й год издания • No. 420

С праздником Рош Ха-Шана!

АССОЦИАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КИТАЯ В ИЗРАИЛЕ

ИГУД ИОЦЕЙ СИН

1951-2021

СИНАГОГА ПАМЯТИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН КИТАЯ

1961-2021

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	3	А надо мной смеются зеркала. Т.Бонч-Осмоловская	28
Ассоциация выходцев из Китая в Израиле		В моих стихах весь смысл	
Игуд Иоцей Син (1951-2021)	4	как на ладони. Н.Крук.....	34
Нам пишут	11	Памяти Норы Крук.....	35
Все эпитеты в его адрес – истинная		Мы возвращаемся в Тяньцзинь.	
правда. Б.Бреслер	12	М.Кримчанская.....	36
Китайские фрагменты. Ю.Граузе.....	13	Жизнь и деятельность ИИС и ОДИК.....	40
Эмигрантские архивы Харбина в		Новый посол КНР в Израиле.....	41
Хабаровске	21	Авраам Фрадкин. 1923-2021	41
Боксерское восстание достигло Фуляэрди.		Харбинский музей еврейской музыки.....	42
Б.Бреслер	22	Спортивное общество «Маккаби»	
Вручение стипендий студентам	26	в Харбине. 1940 г.....	43
Статистика стипендий	27		
Из семейного альбома.	27		

Старейший в Израиле журнал на русском языке
1-й номер «Бюллетеня ИИС» вышел в свет 6 мая 1954 г.

ПРАВЛЕНИЕ ИГУД ЙОЦЕЙ СИН В ИЗРАИЛЕ ПОЧЕТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИИС В ДИАСПОРЕ

ИГУД ЙОЦЕЙ СИН

Председатели ИИС

со дня основания:

Лев Пястунович (1951-1952)

Борис Коц (1953-1971)

Тедди Кауфман (1972-2012)

Правление ИИС:

Иоси Клейн - председатель ИИС

Яков Матлин - вице-председатель

Алекс Нахумсон - вице-председатель

Ави Подольский

Мили Маков

Юдит Сандел

Общий секретарь:

Инна Бакшеева

Контрольная комиссия:

Моше Лихоманов - председатель

Ариэль Эльдор

Почетный юрисконсульт:

адвокат Дэниел Фридман

Почетные представители ИИС:

Эстер Вандель -

в Хайфе и на севере

Ави Подольский -

в Иерусалиме и на юге

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives

Jesse and Naomi Tracton

2 Oaks Place

North Bondi 2006, Australia

Tel. 61-2-91302575

The AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY, New York, USA

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President

Rose Britanisky-Peiser – Treasurer

Leona Shluger-Forman – Secretary

Sally Berman

Lilly Langotsky

Odette Rector-Petersen

Address:

The American Far Eastern Society, Inc.

Lilly Langotsky

160 West 66th Str. # 55B

New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser

7400 SW 170, Terrace

Miami, Florida 33157, USA

e-mail: rpeiser@aol.com

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL Association of the former residents of China

31 Habarzel Str., Ramat Hahayal

Tel Aviv, 6971045, ISRAEL

Tel.: 972-3-5171997 e-mail: igud.y.sin@gmail.com

Fax: 972-3-5161631 www.jewsofchina.org

Главный редактор: Иоси Клейн

Редколлегия: Цецилия Любман, Инна Бакшеева

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

В этом году мы отмечаем 70-летие Игуд Иоцей Син. Ассоциация выходцев из Китая в Израиле была создана в июне 1951 года в целях взаимной помощи и сотрудничества. Тогда, в период с 1949 по 1952 год, в только что созданное Государство Израиль приехали два поколения иммигрантов, членов еврейских общин из разных городов Китая. История создания, развития и деятельности ИИС изложена в статье «Ассоциация выходцев из Китая в Израиле Игуд Иоцей Син (1951 – 2021)», опубликованной в «Бюллетене ИИС» № 420, который вы держите в руках. Статья дает вам возможность поближе познакомиться с характером и жизнью нашей ассоциации в течение семи десятилетий.

Деятельность Игуд Иоцей Син явилась прямым продолжением образа жизни еврейских общин в Китае, который основывался на взаимной помощи и сотрудничестве. Как когда-то еврейские общины в Китае, так и наша Ассоциация выходцев из Китая в Израиле в течение 70 лет существует исключительно на пожертвования и всецело зависит от материальной поддержки наших земляков и их потомков, друзей ИИС. Программа нашей ассоциации осталась той же, какой была все 70 лет: социальная помощь нуждающимся, стипендии студентам и поддержка солдат Армии обороны Израиля, сохранение архива ИИС как части истории еврейской диаспоры для дальнейшего изучения и для желающих получать бесценную информацию о своих корнях. Выполнение программы требует серьезной финансовой поддержки, которая необходима для продолжения деятельности Игуд Иоцей Син в дальнейшем.

Перед нашей ассоциацией всегда стояла и стоит задача призывать поколение потомков выходцев из Китая, родившихся уже в Израиле, к активному участию в жизни ИИС, чтобы помогать сохранять Ассоциацию, преемственность поколений, принцип взаимопомощи и нашу богатую историю. Сегодня Игуд Иоцей Син уделяет особое внимание достижению этой цели.

Пользуясь случаем, желаю вам и вашим семьям счастливого нового года! Пусть наступает год, который принесет нам безопасность и единство, но самое главное, желаю вам здоровья и всего наилучшего в новом году.

От имени Правления Игуд Иоцей Син приглашаю вас стать активными партнерами в деле укрепления и сохранения наследия евреев, выходцев из Китая, ваших предков. Примите эстафету и продолжайте миссию, которую 70 лет назад взяли на себя ваши бабушки и дедушки, ваши родители. Присоединяйтесь к деятельности Игуд Иоцей Син, чтобы сохранить активность ассоциации на благо ваших детей. Шана Това.

Иоси КЛЕЙН,
председатель Игуд Иоцей Син

Ваша поддержка – наше с вами будущее
Все пожертвования в Фонд Игуд Иоцей Син – опора
для нашей деятельности

Ассоциация выходцев из Китая в Израиле

Игуд Иоцей Син (1951 – 2021)

Волна эмиграции евреев из Китая в Израиль, с 1949 по 1952 год, пришлось на период самого большого наплыва эмигрантов со всего мира в только что созданное государство. Евреи покидали Китай на заключительном этапе гражданской войны в этой стране, когда китайская экономика переживала период галопирующей инфляции. В результате «китайские» эмигранты, люди среднего возраста, от 40 лет и старше, ехали в Израиль без финансовых средств, не владея при этом никакой профессией, пригодной на новом месте. Из Китая до Израиля можно было добираться разными путями. Один маршрут включал поездку поездом до Тяньцзиня, затем морем до Гонконга, а оттуда самолетом в аэропорт в Лоде. Другой маршрут предполагал морское путешествие в Хайфу одним из трех основных морских рейсов из Шанхая с заходом в порты других стран. В конце пути эмигранты прибывали в Италию, а оттуда на израильских пароходах в хайфский порт.

Большинство приехавших прошли через приемный лагерь «Шаар Алия» недалеко от Хайфы, а затем их распределяли в различные иммиграционные лагеря Еврейского Агентства «Сохнут». Впоследствии они разъехались и поселились в разных городах и населенных пунктах Израиля, преимущественно в поселениях Мигдаль-ха-Эмек, Рамат-Ишай, Нагария, Нетания, Бейт-Шеарим, Атлит, Пардес-Хана, Сухмат,

Тир, Кфар-Тавор. Одни приехавшие основали сельскохозяйственное поселение, или мошав, Амикам, другие поселились в Хадере (Гиват-Ольга). Группа наших земляков стала строить жилой район Шикун-Шанхай в непосредственной близости от Тель-Авива, ныне известный как район Рамат-ха-Хаяль, вошедший в черту города. Приехавшие из Китая устраивались также в Тель-Авиве, Рамат-Гане, Хайфе и ее пригородах, в Иерусалиме. С первых шагов на новом месте они столкнулись с большими трудностями.

Тогда возникла мысль о создании, по примеру других земляческих объединений, ассоциации земляков, прибывших из Китая, с целью оказания помощи и облегчения процесса акклиматизации и вхождения в жизнь молодого государства.

В июне 1951 года, когда в Израиль приехал бывший председатель Тяньцзинской еврейской общины Л.И.Пястунович, по его инициативе и при активном участии группы других бывших общественных деятелей из Харбина, Тяньцзиня и Шанхая было принято решение основать земляческое объединение Игуд Олей Син. С этой целью было созвано расширенное совещание при участии членов уже существовавших к тому времени комитетов объединений земляков в Тель-Авиве и Хайфе. Во Временный комитет были избраны должностные лица для создания в составе объединения необходимых подразделений по оказанию землякам помо-

щи и поддержки. Историческая встреча проходила в кафе «Палатин» на улице Нахлат Беньямин в Тель-Авиве 4 ноября 1951 года. С этого момента ведет свое начало наша Ассоциация, в Уставе которой сказано: «Задачей Ассоциации является организация выходцев с Дальнего Востока в целях взаимной помощи и сотрудничества».

Через год, 27 октября 1952 года, в районе Шикун-Шанхай вблизи Тель-Авива состоялось Специальное всеизраильское совещание, в котором участвовали 14 членов Временного комитета и 22 делегата с мест проживания наших земляков. На совещании был избран Временный центральный комитет Объединения иммигрантов из Китая Игуд Олей Син, которое впоследствии было преобразовано в Ассоциацию выходцев из Китая Игуд Иоцей Син (ИИС). Были подняты вопросы о привлечении как можно большего числа земляков в организацию, о помощи землякам в трудоустройстве, о помощи нуждающимся, о культурной работе, об изучении иврита, и пр.

В отчетном докладе о деятельности Временного комитета докладчик Т.Кауфман подчеркнул, что организация Игуд Олей Син «носит временный характер, главная цель и задача которой – помочь понять и полюбить свою страну, свой народ и свое государство».

В Тель-Авиве на бульваре Ротшильд у господина Кинга, сдававшего помещения для адвокатских контор, было арендо-

вано небольшое помещение для офиса Игуд Олей Син.

Временный комитет просуществовал до 1-ой конференции Игуд Олей Син, состоявшейся в Нетании через год, 30-31 октября 1953 года, на которой был избран Центральный комитет Игуд Олей Син, призванный централизованно осуществлять деятельность организации.

За 10 месяцев существования Временного комитета была организована касса для выдачи ссуд, которая функционировала совместно с банком «Гомлин». Временный комитет поддерживал отношения с Еврейским агентством «Сохнут», а также с общинами, оставшимися еще в Китае, откуда со временем были получены свитки Торы.

В течение первых десяти лет существования Ассоциации (1951 – 1961) были созданы фонды социальной помощи, конструктивной помощи и др. Со временем налаживались связи с выходцами из Китая, проживавшими в других странах и организовавшими к тому времени свои земляческие объединения в Сан-Франциско, Сиднее, Лос-Анджелесе и т.д.. Они предложили помощь Ассоциации в Израиле, и от них стали поступать средства в виде пожертвований на активную деятельность ИИС и на небольшие ссуды нуждающимся. Постепенно эта деятельность развивалась и приняла гораздо более широкий масштаб.

Руководство Игуд Иоцей Син

Первым председателем со дня основания Ассоциации был Лев Пястунович (1951 – 1952), затем Борис Коц (1953 – 1971). Третьим председателем стал Тедди Кауфман (1972- 2012). Руководство осуществлялось выборными органами – Центральным комитетом ИИС и Президиумом

Центрального комитета.

Президиум ИИС, который руководил всей работой землячества, собирался регулярно восемь раз в год, каждые полтора месяца, а Центральный комитет – четыре раза в год. Рассматривались просьбы об оказании постоянной или временной помощи нуждающимся, о предоставлении беспроцентных ссуд или займов под очень низкие проценты. Нередко перед Президиумом стояли вопросы о решении срочных проблем, таких как обследование положения престарелых и больных земляков, попавших в беду. Центральный комитет утверждал ежегодный бюджет и баланс ИИС.

Конференции ИИС

Всего за 70 лет существования ИИС состоялись 15 конференций (раз в 4 года), на которых делегаты заслушивали отчет о деятельности организации и обсуждали планы на будущее. Кроме того, состоялись еще две встречи: Специальное все-израильское совещание представителей 27 октября 1952 г. и Чрезвычайная конференция под председательством Т.Кауфмана 2 октября 1971 г. Первые семь конференций проходили в разных местах: в Нетании, в Мигдаль-ха-Эмеке, Хайфе, в мошаве Амикам, но начиная с 8-ой, все конференции проходили в Тель-Авиве, в помещении «Бейт-Понве».

В год 50-летия массовой волны эмиграции евреев из Китая в Израиль состоялась 14-я Конференция ИИС. Краткий отчет Центрального комитета ИИС на 14-ой конференции (8-9 декабря 1999 г.) содержал следующие разделы: Фонд социальной помощи; Фонд стипендий; Подарки солдатам; Синагога памяти еврейских общин Китая; Памятники на могилах дру-

зей; «Бейт-Понве»; Президиум и Центральный комитет ИИС; Архив ИИС; журнал «Бюллетень ИИС»; Отделения ИИС: Иерусалим, Тель-Авив-Яффо, Хайфа; Секция выходцев из сефардской общины Шанхая; Секция выходцев из Хонкью; Благотворительность земляков за границей и в Израиле.

Последняя, 15-я конференция состоялась через четыре года, 14-15 февраля 2004 года в Тель-Авиве, в помещении «Бейт-Понве». Впоследствии конференции ИИС больше не проводились.

Отделения Игуд Иоцей Син

В Иерусалиме комитет отделения ИИС устраивал встречи земляков 3-4 раза в год. Комитет в Хайфе, помимо встреч дважды в год, организовывал посещения больных и одиноких земляков, проживавших в Хайфе и ее пригородах.

В Тель-Авиве члены комитета принимали активное участие в работе Центрального комитета и Президиума ИИС, хозяйственной комиссии и комиссии по культуре. Еженедельно устраивались воскресные встречи, участники которых вносили в кассу комитета членские взносы. Полученные суммы в виде пожертвований передавались от имени Тель-Авивского комитета в Фонд стипендий имени Элеоноры Исаевны Пястунович и Беллы Соломоновны Вольской, а также в Фонд социальной помощи ИИС.

Секция выходцев из сефардской общины Шанхая

В 1996 году группа выходцев из шанхайской сефардской общины (около 120 человек) вошла в Игуд Иоцей Син и стала неотъемлемой частью Ассоциации. Во главе сефардского комитета стоял Яков Гури. Секция

устраивала два раза в год встречи в «Бейт-Понве». Была организована посадка леса памяти сэра Г.Кадури около Кфар-Тавора. Секция в рамках «Бюллетеня ИИС» выпускала приложение на английском языке “New Israel Messenger”. Активистка секции г-жа Ривка Тоэг из Хайфы была членом Центрального комитета ИИС.

Секция еврейских беженцев в Хонкью

Группу (около 130 человек) составляли евреи-беженцы, прибывшие в Шанхай из Германии и Австрии в 1939-1940 гг. Секция в рамках ИИС была организована в 1990 году под руководством Курта Маймана, который редактировал приложение “Chusan Road Chatter” в «Бюллетене» на английском языке. Члены секции собирались регулярно 2-3 раза в год в «Бейт-Понве».

Сферы деятельности Игуд Иоцей Син

Социальная помощь. Первой и главной задачей на протяжении всех лет существования ИИС была социальная помощь, забота о тех, кто на склоне лет, по состоянию здоровья лишался возможности работать и не имел средств к существованию. Особенно это относилось к тем, у кого не было ни родных, ни близких. Нуждающиеся получали ежемесячное денежное пособие из Фонда социальной помощи. Кроме того, в течение многих лет существовала практика выдачи беспроцентных ссуд. С годами постепенно сокращалось число неустроенных, однако прибавлялись те, которые по своему физическому и социальному положению нуждались в постоянной помощи: пожилые и больные наши земляки, среди которых были и те, кто не сумел зара-

ботать себе пенсию. В 1990-е годы, когда ассоциации ИИС было 40 лет, а Государству Израиль 43 года со дня основания, за помощью стали обращаться новые репатрианты из бывшего СССР, которые родились или ранее проживали в Китае, а теперь нуждались не только в материальной, но и в моральной поддержке. Игуд Иоцей Син никого не оставлял в нужде.

Бюллетень ИИС. В 1954 году вышел в свет первый номер журнала «Бюллетень» на русском языке. В течение первых четырех лет его печатали гектографическим способом небольшим тиражом. Когда на него возник спрос в других странах, перешли на типографский способ и увеличили тираж. На его страницах освещалась экономическая, политическая и культурная жизнь страны и повседневная жизнь новых иммигрантов в молодом государстве. Затем журнал стал выходить с приложениями на английском языке и иврите. К 50-летию ИИС тираж «Бюллетеня» составлял 1100 экземпляров, журнал выходил на трех языках пять раз в год (каждые 2,5 месяца). В 1999 году «Бюллетень ИИС», распространением которого занимались почетные представители журнала в разных странах, рассылался в адрес 550 читателей в Израиле и 600 за границей, в 24 страны, в 200 городов. После восстановления дипломатических отношений между Израилем и Китаем в 1992 году и образования Общества дружбы Израиль-Китай (ОДИК) стало выходить также приложение на английском языке «Голос израильско-китайской дружбы».

Задача «Бюллетеня» актуальна и сегодня: поддерживать постоянную связь между бывшими жителями Китая в диаспоре с их соотечественниками в Израиле,

укреплять их связи с Израилем, освещать сферы деятельности ИИС, восстанавливать и публиковать материалы по богатой истории и культуре евреев в Китае.

Синагога и Культурный центр. Когда в Шанхае в 1954 году местные власти, согласно плану застройки района, снесли ашкеназийскую синагогу, китайское правительство перечислило в Израиль денежную сумму, которая была сочтена равной стоимости снесенной синагоги, но поставило условие: деньги должны быть использованы только на строительство синагоги в Израиле. Муниципалитет Тель-Авива пожертвовал земельный участок на улице Голан в районе Рамат-ха-Хаяль. На эти средства, полученные из Китая, и на пожертвования, поступившие от семьи Понве и других земляков, в 1959 году началось строительство синагоги. По прошествии двух лет, 6 сентября 1961 г. состоялось торжественное открытие Синагоги памяти еврейских общин Китая и Культурного центра. Здание синагоги стало украшением района Шикун-Шанхай, в котором поселились наши земляки.

Синагога является собственностью Игуд Иоцей Син и содержится на средства, поступающие в виде пожертвований в Фонд синагоги. Здесь хранятся свитки Торы из харбинской Главной синагоги. В помещении на стене установлены мемориальные доски в память о лидерах общин и о бывших жителях Китая в Израиле и во всем мире, пожертвовавших деньги на строительство. Отмечая 40-летие синагоги в 2001 году, Тедди Кауфман подчеркивал, что «наша Синагога – это не только памятник нашему прошлому в Китае, это еще и постоянная забота о сохранении памяти множества

наших земляков, чьи имена увековечены на стенах Синагоги, и всех тех, в память о которых каждую субботу совершаются молитвы в день Иорцайт (день поминовения). Забота о Синагоге на улице Голан, 31, в Тель-Авиве – это неотъемлемая часть нашей работы».

Памятники на могилах друзей. Игуд Иоцей Син следил за памятниками на могилах многих наших земляков, у которых в Израиле не было никого из близких. В случае, когда уходил одинокий человек, не имевший семьи и средств, ему устанавливали памятник за счет ИИС.

Стипендии студентам. В 1956 году в Нью-Йорке Дамский комитет Американской Ассоциации дальневосточников учредил первую стипендию для проживавших в Израиле детей выходцев из Китая – студентов израильских университетов, которая была присуждена одному студенту. В следующем году был основан Фонд стипендий Дамского комитета Американской Ассоциации дальневосточников в Нью-Йорке. Первыми стипендиатами были члены ИИС и их дети, уроженцы Китая, потом пошли их внуки и правнуки, уроженцы Израиля. После открытия «Бейт-Понве» на ул. Грузенберг, 13, в Тель-Авиве началась традиция вручения стипендий студентам на Хануку, на ежегодной Всеизраильской встрече земляков. Впоследствии большая часть стипендий выдавалась из именных фондов Ральфа Магида, Джун и Александра Мейзиных, Миши Кога-на, Берты и Шуры Шильдкраут и др., а также из мелких фондов, поскольку любой человек мог прислать пожертвование на одну-две стипендии памяти кого-то из близких.

Подарки солдатам. Более 40 лет назад два раза в год, в канун

Рош ха-Шана и Дня независимости Израиля (Йом Ацмаут), военнослужащие Армии обороны Израиля, внуки и правнуки выходцев из Китая, стали получать поздравления от ИИС с приложением денежного подарка. Так было решено строить мост между поколениями бывших дальневосточников, чтобы потомки знали о своих корнях.

«Бейт-Понве». Вплоть до 1972 года офис Игуд Иоцей Син в Тель-Авиве несколько раз переезжал с места на место, арендуя помещение. Благодаря отклику жертвователей в других странах, особенно щедрому пожертвованию семьи Понве (Поневежских), были приобретены две соседние квартиры в Тель-Авиве на улице Грузенберг, 13. Согласно разработанному плану, обе квартиры были соединены вместе. Таким образом, ИИС получил хорошо известный всем зал для встреч и приемов, а также помещение для офиса.

«Бейт-Понве» служил центром жизни и деятельности Игуд Иоцей Син больше 40 лет. Здесь находились офис ИИС и редакция «Бюллетеня», архив, библиотека, а также офис Общества дружбы Израиль-Китай, созданного весной 1992 года. Здесь проводились ставшие традиционными воскресные встречи, прием зарубежных гостей, празднование дней рождения. Воскресные встречи, которые устраивал Тель-Авивский Дамский комитет, были очень популярны. Земляки в Израиле и приезжавшие в Израиль из других стран знали, что каждое воскресенье, в 11:30, в помещении «Бейт-Понве» их ждут друзья. Обычно на эти еженедельные встречи собирались 25-30 человек. Подавали легкое угощение, после чего наступало время общения, бесед, игры в маджан

в гостиную. Когда приезжали гости из заграницы, многие спешили встретиться с ними, и тогда собиралось до 50-60 человек. В зале «Бейт-Понве» проходили конференции, лекции и даже концерты (в зале стояло пианино).

Архив ИИС. В «Бейт-Понве» находился личный архив доктора Абрама Иосифовича Кауфмана, архив-уголок Михаила Исаевича Клявера, полные комплекты журналов «Еврейская жизнь», «Гадегель», «Тагар», «Унзен Лебен», 16 томов «Еврейской энциклопедии» Брокгауза и Эфрона до 1915 года, 7 томов «Краткой еврейской энциклопедии», выходившей под редакцией Ицхака Орена. Здесь же хранилось немало документов, касающихся истории еврейских общин Китая, большое количество альбомов с фотографиями. Для сохранения архивов, составления каталога и подготовки материалов для изучения специалистами в будущем была создана архивная комиссия под общим руководством профессора Бориса Бреслера. Архив Тяньцзинской еврейской общины и архив раввина А.М.Киселева были переданы в Архив еврейского народа в Иерусалиме. В 1990-е годы для работы в архивах Игуд Иоцей Син приезжали историки из Китая, США, Японии, России, Великобритании, Франции, Израиля. В 2004 году на проходившей в Харбине конференции по истории евреев Харбина выступили с докладами участники из разных стран.

Общество дружбы Израиль-Китай. В 1992 году в результате установления дипломатических отношений между Израилем и Китаем и по инициативе ИИС было создано Общество дружбы Израиль-Китай, которое стало проводить различные

общественные мероприятия и принимать делегации из Китая. В течение ряда лет издавалось приложение к «Бюллетеню ИИС» на английском языке «Голос израильско-китайской дружбы», которое представляло собой отчет о деятельности ОДИК и распространялось среди наших друзей в Китае, способствуя укреплению дружбы с китайским народом. Группа из ИИС во главе с Т.Кауфманом дважды побывала в Харбине – в 1992 и 1994 гг. Целью визитов было посещение мест, связанных с еврейским прошлым, и кладбища, перенесенного харбинской еврейской общиной в 1957- 1958 году за пределы города. В течение ряда лет на праздник Песах состоялись организованные Обществом дружбы ознакомительные прогулки по стране для чинов китайского посольства во главе с послом Китая в Израиле, в которой участвовали представители наших земляков из ИИС. В свою очередь китайский посол в своей резиденции устраивал встречу с членами ОДИК и представителями ИИС.

Еврейское кладбище в Харбине. Вопрос о поддержании единственного сохранившегося в Китае еврейского кладбища постоянно стоял на повестке дня ИИС. Благодаря контактам руководства Игуд Иоцей Син и Общества дружбы Израиль-Китай с китайской стороной в Харбине это кладбище было приведено в порядок. В офисе ИИС имеется план кладбища с указанием мест захоронения, составленный после визитов в Харбин наших делегаций в 1992 и 1994 гг. С тех пор приезжающие в Харбин в поисках своих корней бывшие жители города непременно посещают его и находят могилы своих предков. ИИС и ОДИК принимали участие в

создании Музея истории еврейства Харбина в здании бывшей Новой синагоги (ул. Диагональная, уг. Артиллерийской). Многие материалы и фотографии были переданы в этот музей.

Всеизраильские ханукальные встречи земляков. Особое место в деятельности Игуд Иоцей Син занимали ставшие традиционными Всеизраильские ханукальные встречи земляков, на которых вручались стипендии студентам – детям, внукам и правнукам выходцев из Китая. Для этой цели ИИС арендовал зал. Раз в год со всех концов страны в Тель-Авив съезжались выходцы из Китая, чтобы в полной мере ощутить атмосферу праздника, момент зажигания ханукальных свечей, встретиться со старыми друзьями, взглянуть на молодое поколение студентов. Обычно собирались три поколения одной семьи – дедушки и бабушки, приехавшие из Китая, их дети, которые росли уже в Израиле, внуки и даже правнуки, уроженцы страны. У входа приехавших земляков и гостей встречали председатель ИИС Т.Кауфман и члены комитета, так что пришедшие на встречу сразу оказывались в кругу друзей. Собранным в фойе предлагалось легкое угощение. В последующие годы на Ханукальные встречи как почетные гости стали приезжать представители китайского посольства во главе с послом Китая в Израиле. Почетные гости занимали места в президиуме на сцене. После приветственного слова председателя ИИС и церемонии зажигания ханукальных свечей вниманию публики предлагалась музыкальная программа. Затем на сцену поднимались израильские студенты-стипендиаты и китайские студенты, обучавшиеся в Израиле. Все они получали стипендии из рук

членов президиума – китайского посла в Израиле, членов правления ИИС и учредителей именных фондов. Вечер заканчивался пожеланием успехов в учебе молодому поколению. Друзья и гости разъезжались по домам, чтобы встретиться снова в будущем году.

Все это было возможно благодаря жертвенности наших земляков в Израиле и диаспоре, а также бескорыстной деятельности добровольцев-волонтеров, вносящих свою лепту в существование и процветание Игуд Иоцей Син. По данным «Бюллетеня ИИС» №369 (стр. 56) за 2001 год, в 2000 году в ИИС поступили пожертвования на общую сумму 231 935 долларов США из следующих городов и стран: Израиль, Япония (Токио), Австралия, США (Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Сан-Франциско), Панама, Канада, другие страны, а также фонд Этл Дан.

Финансовые ресурсы

Различные виды деятельности, о которых говорилось выше, всегда требовали значительных средств. Эти деньги были получены за счет щедрых пожертвований, сделанных членами объединений выходцев из Китая за границей и в Израиле, о которых регулярно сообщалось в «Бюллетене» в разделе «Пожертвования». Ключевую роль играла серьезная финансовая поддержка, поступающая в Фонд социальной помощи и Фонд стипендий, а также журнал «Бюллетень ИИС», который с первого выпуска способствовал развитию чувства общности у членов ИИС, служил связующим звеном и каналом связи внутри сообщества выходцев из Китая. Поэтому деятельность Игуд Иоцей Син в течение десятилетий представляет собой замечательные достижения и

может рассматриваться как маленькое чудо.

Финансовые средства поступали из различных источников. Пожертвования «Вместо цветов к празднику» продолжали давнюю традицию пожертвований в Фонд социальной помощи вместо того, чтобы отправлять цветы друзьям в Рош ха-Шана и Песах. Руководство ИИС также полагалось на благотворительность друзей-земляков, на щедрые пожертвования, вносимые по разным поводам – по случаю радостных событий или наоборот, в память об ушедших. Особенно это относилось к двум нашим самым щедрым жертвователям – к Асе Коган в Токио и Изе и Ире Магид в Мельбурне. Сбор средств был одной из важных задач президентов наших филиалов за рубежом и представителей ИИС в местах, где не было филиалов.

За все годы своего существования Игуд Иоцей Син не получил ни одного шекеля ни от правительства Израиля, ни от Еврейского агентства, ни от муниципальных органов или партийных организаций. ИИС всегда активно функционировал благодаря пожертвованиям бывших жителей Китая в Израиле и по всему миру. Пожертвования направлялись в различные фонды, из которых распределялись средства. Деятельность ИИС осуществлялась в основном добровольцами, за исключением секретаря и технического помощника по публикации «Бюллетеня ИИС». Стоимость публикации «Бюллетеня» покрывалась в основном подпиской и различными объявлениями, а также из бюджета ИИС. Журнал «Бюллетень ИИС» всегда был призван поддерживать постоянную связь между бывшими жителями Китая в диаспоре с их соотечественниками в Израиле,

укреплять их связи с Государством Израиль, информировать читателей о деятельности Игуд Иоцей Син, восстанавливать и сохранять богатую историю и культуру бывших еврейских жителей Китая и их воспоминания.

Игуд Иоцей Син как тогда, так и сейчас зарегистрирован в Министерстве юстиции как некоммерческая организация. Его финансовая деятельность контролируется аудитором в соответствии с законом.

*****

Пик активной деятельности Игуд Иоцей Син пришелся на конец 1990-х – начало 2000-х годов, когда ассоциация отмечала свое 50-летие. В течение следующего десятилетия материальное положение Игуд Иоцей Син стало ухудшаться. Один за другим уходили из жизни многие члены Тель-Авивского комитета и постоянные участники традиционных воскресных встреч, наши земляки в Израиле и в других странах, в том числе такие крупные спонсоры, как Изадор Магид в 2004 году, Александр и Джун Мейзины, долгие годы поддерживавшие ИИС. Более того, с 2011 года практически перестали поступать пожертвования от Аси Коган, что самым серьезным образом отразилось на финансовом положении Ассоциации. В год 60-летия ИИС возник вопрос о целесообразности содержания помещения «Бейт-Понве», поскольку в то время по воскресеньям на традиционное чаепитие с трудом набиралось не более десяти человек, а в остальные дни приемный зал практически пустовал.

27 декабря 2011 года в Тель-Авиве, в зале «Эйнав» состоялась посвященная 60-летию ИИС Всеизраильская ханукаль-

ная встреча земляков и вручение стипендий студентам. Тогда в статье, посвященной 60-летию ИИС, Тедди Кауфман писал, что “Игуд Иоцей Син будет существовать, пока наши земляки в Израиле и диаспоре будут помогать нам морально и материально. Пока наша организация нужна, она будет существовать”.

Это была последняя встреча, проходившая под председательством Тедди Кауфмана. Через полгода, 15 июля 2012 года, во время работы над «Бюллетенем ИИС» № 408, Тедди скоропостижно скончался. Он ушел от нас в возрасте 87 лет, из которых 60 были отданы Игуд Иоцей Син.

*****

В сентябре 2012 года вышел в свет «Бюллетень ИИС» № 408, подготовленный главным редактором Тедди Кауфманом (посмертно), и специальный выпуск, посвященный его памяти. После кончины Т.Кауфмана руководство Ассоциацией принял на себя Иоси Клейн, его заместителями стали Ран Вейнерман и Тедди Пястунович. В сложившейся ситуации деятельность ИИС продолжалась: в основе всего, как и 60 лет назад, лежал принцип взаимопомощи. Не менее важной целью оставалась забота о молодом поколении – стипендии студентам на Хануку и подарки солдатам Армии обороны Израиля к Рош ха-Шана и празднику Песах. Третьей задачей считалось сохранение архива ИИС, исторических материалов по уникальному прошлому еврейских общин в Китае для будущих историков.

В условиях резкого сокращения объема пожертвований руководство ИИС, используя опыт предшественников – основатель Игуд Иоцей Син, вынужде-

но было принять решение о продаже двух квартир в Тель-Авиве, в свое время превращенных в известный всем «Бейт-Понве», чтобы на вырученные средства Ассоциация выходцев из Китая Игуд Иоцей Син могла продолжать свою деятельность.

По совету адвокатов, в течение трех последующих лет руководство ИИС настойчиво добивалось признания Игуд Иоцей Син некоммерческой организацией, существующей исключительно на пожертвования, что давало право на освобождение от уплаты налога на продажу недвижимости. Когда было получено соответствующее разрешение, помещение «Бейт-Понве» было продано и вместо него в 2016 году было арендовано скромное офисное помещение в Тель-Авивском районе Рамат ха-Хайяль по ул. Барзель, 31, недалеко от нашей Синагоги памяти еврейских общин Китая (ул. Голан, 31).

Архив Игуд Иоцей Син был перевезен. Архивы д-ра А.И.Кауфмана и М.И.Клявера, комплекты журналов и другие важные документы хранятся в офисе. Другая часть архива находится в помещении Культурного центра при синагоге.

Деятельность ИИС на новом месте продолжается, как и прежде. Нуждающиеся земляки получают ежемесячную материальную помощь. В Синагоге памяти еврейских общин Китая по субботам проходят службы, на которых поминают ушедших земляков.

Продолжается выпуск журнала «Бюллетень» раз в год на Рош ха-Шана. Всего за период с 2012 по 2021 год вышли в свет 14 номеров «Бюллетеня ИИС» на трех языках – русском, английском и иврите (№№ 408 – 420), подготовленные редакцией в составе Иоси Клейна, Юдит

Сандел, Флори Коэн, Цецилии Любман и Инны Бакшеевой. Выпуски постепенно оцифровываются и становятся доступными на вебсайте Ассоциации. В настоящее время проводится работа по составлению библиографии всех журнальных статей на двух языках – русском и английском, представляющих полный комплект «Бюллетеня ИИС» с первого выпуска в 1954 году. В дальнейшем планируется библиография выпусков «Бюллетеня ИИС» на иврите. С декабря 2012 до начала 2020 года, т.е. до пандемии, вызванной вирусом COVID-19, по-прежнему сохранялась многолетняя традиция Всеизраильской ханукальной встречи земляков с неперенной церемонией вручения стипендий студентам. Встречи ежегодно проходили в аудитории «Бней Цион» Музея диаспоры «Бейт ха-Тфуцот» (кампус Тель-Авивского университета), на которых присутствовали почетные гости из китайского посольства, нередко во главе с послом Китая в Израиле или его первым заместителем, а также израильские и китайские студенты-стипендиаты.

В последнее время пожертвования наших земляков в Фонд стипендий сократились до минимума, именные фонды практически исчезли. Руководство ИИС вынуждено постоянно изыскивать средства для пополнения Фонда стипендий Игуд Иоцей Син, важность которого заключается в том, что фонд является мостом между старшим и младшим поколениями выходцев из Китая. По линии Общества дружбы Израиль-Китай Фонд стипендий пополнялся пожертвованием китайского посольства.

В 2017 году в Тель-Авиве, в Рамат ха-Хайяль открылся Китайский культурный центр, ко-

торый сотрудничает с ИИС и ОДИК. Выходцы из Китая получили возможность посещать всевозможные мероприятия: концерты, выставки, различные курсы. В помещении офиса ИИС проводились лекции и встречи, а также занималась группа изучения китайского языка.

До пандемии Общество дружбы Израиль-Китай по традиции ежегодно организовывало поездки по стране представителей китайского посольства во главе с послом КНР в Израиле при участии представителей ИИС. В свою очередь, ежегодно для представителей ИИС и ОДИК устраивалась дружеская встреча в резиденции китайского посла.

Все изменилось в 2020 году с началом пандемии COVID-19. В условиях карантина помещение офиса ИИС было временно закрыто, но деятельность ИИС и офиса продолжалась в дистанционном режиме, «из дома». Именно в таких условиях, дистанционно, летом 2020 года редколлегия журнала ИИС подготовила к печати и выпустила в свет к Рош ха-Шана очередной номер «Бюллетеня» № 419.

В условиях карантина традиционная ханукальная встреча в декабре 2020 года не могла состояться, однако студенты получили стипендии. Встреча стипендиатов с руководством Игуд Иоцей Син состоялась 21 февраля 2021 года в соответствии с требованиями министерства здравоохранения, в ZOOMе. Сидя дома перед экранами своих компьютеров, студенты выражали благодарность и говорили, что несмотря на непривычную обстановку, им очень приятно ощущать свою принадлежность к Ассоциации выходцев из Китая. Группа изучения китайского языка во время карантина

тоже продолжала заниматься в ZOOMe.

Главной задачей Игуд Иоцей Син по-прежнему является материальная помощь нуждающимся. В условиях пандемии и нелегкого финансового положения ИИС продолжает оказывать посильную помощь нуждающимся землякам. Игуд Иоцей Син не забывает молодых: продолжается традиция подарков к Рош ха-Шана и ко Дню независимости Израиля внукам и правнукам выходцев из Китая, которые служат в Армии обороны Израиля.

Синагога памяти еврейских общин Китая продолжает функционировать. Еженедельно по субботам и всегда по праздникам собираются молящиеся. За соблюдением миньяна, порядком проведения службы и сохранением помещения следит староста (габбай) Элизер Шибек. По субботам отмечают также Йорцайт наших земляков

согласно датам по еврейскому календарю, о чем родственники покойных заранее получают извещения. Уютное помещение синагоги содержится в полном порядке. В Культурном центре хранится архив ИИС.

Продолжается работа по упорядочению архивных документов. Необходимо иметь удобный способ поиска информации, поскольку в офис ИИС продолжают поступать различные запросы и просьбы помочь найти кого-то из родственников или знакомых. В этом отношении важное значение приобретает вебсайт Ассоциации выходцев из Китая, который в настоящее время находится в стадии обновления.

Игуд Иоцей Син и Общество дружбы Израиль-Китай поддерживают связи с посольством КНР в Израиле и с Китайским культурным центром в Тель-Авиве.

Заключение

“Игуд Иоцей Син будет существовать, пока наши земляки в Израиле и диаспоре будут помогать нам морально и материально. Пока наша организация нужна, она будет существовать”. Так писал Т.Кауфман в 2011 году, когда Ассоциации выходцев из Китая в Израиле исполнилось 60 лет.

Прошло еще одно десятилетие. Сегодня нашей Ассоциации – 70. Деятельность Игуд Иоцей Син продолжается. Уже нет с нами многих земляков, помогавших добровольно и поддерживавших ИИС материально как в Израиле, так и в других странах. Время неумолимо. Тем не менее, находятся люди, заинтересованные в том, чтобы продолжить дело, начатое 70 лет назад их предшественниками, и передать теперь уже своим потомкам историю евреев, проживавших в Китае в XX веке.

Подготовила Ц.Любман

Нам пишут

Дорогие члены Ассоциации Игуд Иоцей Син!

Примите мои искренние поздравления с Еврейским Новым Годом. От всего сердца желаю вам сладкого Нового Года. Желаю, чтобы наш Судья был к нам милостив. А что такое сладкий Новый Год? Это здоровье, успехи наших детей и внуков, мы и себя не должны забывать, пусть старшее поколение сопровождают маленькие и скромные, но успехи. Шана Това ве-метука.

Леонид ВАТКОВСКИЙ
г.Зиген, Германия

Хочу сказать спасибо за подарок солдату. Приятно видеть, что вы стараетесь поддерживать связь с молодым поколением. С Новым годом,

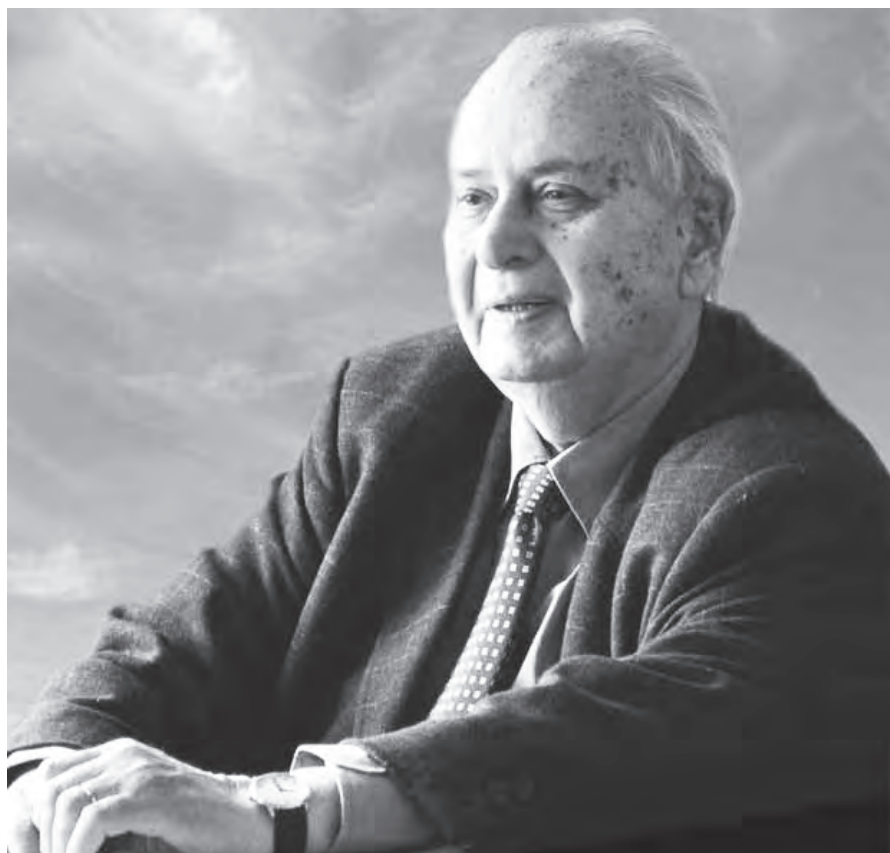
Итай МЕЙЕР,
внук Иоси Клейна

Я хотела бы поблагодарить вас от всего сердца за поддержку и помощь, которую вы оказали мне во время моей военной службы. Вы очень помогли мне в укреплении связи с моими корнями.

Для меня большая гордость быть членом Ассоциации выходцев из Китая!

Ирис ЛЮБМАН,
внучка Цецилии Любман

ВСЕ ЭПИТЕТЫ В ЕГО АДРЕС - ИСТИННАЯ ПРАВДА

12

И
Г
У
Д
И
О
Ц
Е
Й
С
И
Н

В воскресенье, 10 октября 1999 года, множество выходцев из Китая, приехавших со всех концов Израиля, и несколько гостей из заграницы собрались в зале «Бейт-Понве», чтобы вместе отметить 75-летие Тедди Кауфмана. Это была трогательная, эмоциональная встреча, венцом которой стали воспоминания Тедди о его юности в Харбине. Все выступавшие сошлись во мнении, что всё, что представляет собой Игуд Иоцей Син, связано с Тедди, с его лидерством, инициативой и самоотверженностью. И все присутствующие в равной степени согласились с тем, что мы можем испытывать огромное чувство гордости за достижения этого уникального человека, нашего соотечествен-

ника.

Для многих «Бейт-Понве» - это место, где можно собираться каждое воскресенье и по особым случаям, где можно встретиться со своими хорошими друзьями, иногда даже с гостями, приехавшими издалека. Некоторые чувствуют свою принадлежность к особому сообществу выходцев из Китая во всем мире и ценят имеющуюся возможность общаться со своими друзьями детства и бывшими одноклассниками. Более того, это удивительное сообщество объединяет евреев из Китая разного происхождения и жизненного опыта - сефардов и ашкеназов - говорящих на русском, английском или немецком языках.

Для одних это возможность

прочитать чьи-то мемуары, которые вызывают у них воспоминания об их собственных годах в Китае, или узнать о событиях, которые прошли незамеченными, когда они были слишком молоды, чтобы оценить происходящее. Другие хотят разузнать о друзьях или общих знакомых, услышать хорошие новости о их жизни, а иногда печальные новости об ушедших. Многие любят слушать, как их друзья делятся впечатлениями о совершенном ими путешествии по знакомым местам в Китае, которые сами они давно покинули.

Некоторые из наших читателей хотят узнать новости о текущей деятельности Игуд Иоцей Син, будь то стипендии студентам, подарки представителям молодого поколения земляков, которые проходят обязательную службу в армии, или деятельность Фонда социальной помощи. Всегда с чувством благодарности мы узнаём о щедрой поддержке некоторых из наших более удачливых соотечественников. Внимание кого-то из читателей «Бюллетеня» привлекают новости о книгах или фильмах, так или иначе касающихся Дальнего Востока и оказавшихся в поле зрения редакторов.

Всё это стало возможным во многом благодаря лидерству и преданности Тедди. Всё, что касается нашего сообщества, важное или незначительное, привлекает внимание Тедди.

Это не обычная риторическая похвала лидеру - это правда.

**Борис БРЕСЛЕР, редактор,
Bulletin IYS, # 361, 1999
(пер.с англ.)**

КИТАЙСКИЕ ФРАГМЕНТЫ

Юрий ГРАУЗЕ

От автора

Предлагаемая вниманию читателей книга ни в коем случае не является трудом специалиста-синолога. Это – результат сугубо любительского интереса к некоторым моментам китайской культуры и истории, которые привлекли мое внимание еще там, в Китае, и напоминание о которых может оказаться актуальным и в наши дни...

Суровому и справедливому критику этого скромного труда я могу только ответить древним китайским изречением: «В книге не напишешь всех слов, словами не выразишь всех мыслей».

Иерусалим

Из главы «ИСТОКИ РУССКО-КИТАЙСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА»

Первые сведения о Китае дошли до России в царствование Иоанна Грозного. Эти сведения были доставлены казаками Иваном Петровым и Бурнашем Ялычевым, которые в 1567 году были командированы для сбора сведений о неизвестных землях на востоке. В 1618 году Тобольский воевода послал в Китай двух казаков – Ивана Петлина и Петюньку Казылова.

Точных данных нет, но есть основания предполагать, что они побывали в Пекине. Во всяком случае, они привезли с собой грамоту от имени китайского императора Ванли царствовавшей тогда в Китае династии Мин. После этого ряд русских посольств посетил как Монголию, так и Китай, но посольства в Китай были неудачными, так

как посланцев обычно убивали по дороге.

После вступления на пекинский престол Маньчжурской династии (1644) сношения с Китаем несколько облегчились, но и тут посольство Федора Байкова (1654 – 1656) и посольство Николая Спафари (1675) окончились полной неудачей вследствие отказа русских послов совершить унижительный обряд земного поклона перед императором.

У Пекинского правительства впервые появились опасения агрессивных действий со стороны русских в связи с основанием казаками острогов по Амуру. В 1652 году русские построили острог в устье реки Нерчи, назвав его Нерчинск. После этого Хабаров со своим отрядом спустился вниз по Амуру, затем поднялся вверх по реке Сунгари и штурмом захватил маньчжурский укрепленный пункт Хорка. Маньчжурский военный губернатор города Нингута, по имени Сархуда, был направлен с сотней стрелков к месту происшествия. Маленький отряд Хабарова, незнакомый к тому же с географией района, был разбит в сражении на реке Сунгари к востоку от города Илань-Хала (по-китайски Саньсин).

Маньчжурское правительство стало серьезно опасаться агрессивных замыслов своего северного соседа, и император Канси с 1671 года начал посылать своим сановникам в Маньчжурии указы о проведении военных приготовлений. Особенное беспокойство маньчжурских властей вызывало существование русского укрепленного пункта,

города Албазин (по-маньчжурски Якса), сооруженного казаками на левом берегу Амура. В Пекин непрерывно поступали тревожные донесения. Пекинское правительство почувствовало угрозу безопасности северных районов империи и решило уничтожить опорный пункт русских.

В 1684 году произошла первая осада Албазина маньчжурскими войсками. Маленький русский гарнизон, состоявший всего из 350 казаков, оказал героическое сопротивление, но благодаря подавляющему численному превосходству маньчжурских войск Албазин был сдан.

Маньчжурский командующий войсками Лантань отправил через Нерчинск в Москву грамоту с требованием о фиксации точной границы между двумя соседними странами. Албазинские укрепления были срыты, и маньчжурские войска ушли.

Однако русский воевода Алексей Толбузин вскоре восстановил укрепления Албазина, и в 1686 году маньчжурские войска снова осадили Албазин. Героизм и стойкость казаков и на этот раз не спасли города, сам воевода Толбузин был убит, и Албазин сдался. Все население Албазина ушло в Нерчинск, но 45 казаков вместе со священником были отправлены в Пекин и включены в состав маньчжурской императорской гвардии.

Впоследствии, по Кяхтинскому договору, для них и их потомков была учреждена в Пекине русская православная духовная миссия, из которой вышло много знатоков китайского и маньчжурского языка. Пекинская

русская духовная миссия просуществовала до конца 50-х годов 20-го века и была ликвидирована китайскими коммунистическими властями.

Албазинское столкновение было успешно для Китая, Маньчжурскому правительству удалось отодвинуть русских к северу от Амура и этим обезопасить себя на известный период от угрозы русской экспансии.

В течение своего правления (1662 – 1722) император Канси уделял самое серьезное внимание борьбе с поступательным движением русских на восток. Надо упомянуть, что кроме Албазинского острога русские построили в 1652 году Агинский острог около Хабаровска и в 1653 году – Тункинский острог. Есть предание, что русская крепость имелась вблизи нынешнего города Цицикара, в северной Маньчжурии. Остатки этого острога существуют в виде холма Ляоцянганца, находящегося приблизительно в 10 километрах на запад от города Цицикар.

На продвижение русских вперед и на укрепление ими занятых земель путем постройки острогов Маньчжурское правительство ответило тем же. Уже в 1682 году Маньчжурское правительство приказало корпусному командиру Пэнчунь не пускать русских дальше и приступить к постройке городов в важнейших пунктах Маньчжурии и к проведению тракта к Айгуню (на правом берегу Амура, против нынешнего Благовещенска).

Первым из городов был построен Айгунь в 1684 году, затем Мэргэнь в 1686 году. Через эти города прошел первый военно-почтовый тракт, связавший коренные маньчжурские владения с побережьем Амура.

Японский историк Инаба Ивакичи в своей книге «История

развития Маньчжурии» пишет: «В 1682 году император Канси отбыл из Пекина в Маньчжурию, чтобы поклониться гробницам основателя династии Нурхани и его преемника Абахай-хана в Мукдене и гробницам других царственных предков в Синцине, а также посетить места, являющиеся колыбелью династии. По заранее разработанному маршруту император прибыл в Гирин. Из последовавших затем указаний императора Канси со всей очевидностью вытекает, что цель его поездки заключалась не только в самом посещении Маньчжурии, но и в разработке мероприятий по предотвращению экспансии России на юг»^[1].

Албазинские столкновения были теми событиями, после которых Пекинское правительство всегда подозрительно относилось к действиям и намерениям России, опасаясь с ее стороны покушений на свою территорию.

Однако, как русское, так и пекинское правительства сознавали необходимость урегулировать отношения и произвести фиксацию границы. 27 августа 1689 года воевода Головин в Нерчинске подписал с представителями Маньчжурского императорского правительства договор, вошедший в историю под именем Нерчинского.

Согласно этому договору весь Амур, до самого устья, отходил к Китаю, граница шла от пункта слияния Шилки и Аргуни к устью реки Горбицы, а затем по этой реке и Яблоновому хребту к Охотскому морю. Император Канси одержал большой успех заключением Нерчинского договора, крайне выгодного для Китая и невыгодного для Рос-

сии.

После подписания Нерчинского договора, достигнув успеха в расширении границ и отеснив русских к северу от Амура, маньчжуры продолжали постройку городов в прилегающей к русским владениям Хэйлунцзянской провинции. В 1689 году были основаны города Цицикар и Бутха. С постройкой городов началось и более основательное укрепление Хэйлунцзянской провинции за Маньчжурским императорским домом. В 1725 году в Пекин был послан чрезвычайным русским послом граф Савва Владиславович Рагузинский с формальной задачей – сообщить о смерти императора Петра Великого и воцарении Екатерины I, а по существу, чтобы урегулировать вопросы, оставшиеся неразрешенными после Нерчинского договора 1689 года.

Правительство императора Канси затягивало переговоры, стремясь принудить Россию к еще большим территориальным уступкам. В 1727 году граф С.В.Рагузинский заключил Буринский договор, измененный и ратифицированный в следующем 1728 году под именем Кяхтинского. Кяхтинским договором была определена граница России с Монголией и открыты два пункта для торговли – в Нерчинске и Кяхте. С.В.Рагузинскому удалось умерить требования Маньчжурского правительства и добиться согласия на проведение границы от реки Кяхты до верховьев Енисея на запад и до реки Горбицы на восток.

Прежде чем перейти к рассмотрению русско-китайских территориальных проблем, вновь обострившихся во второй половине 19-го века, попытаемся разобраться в положении, которое создалось в Маньчжурии к последнему периоду правле-

^[1] Inaba Iwakichi. “Manshu hattatsu shi”. Tokyo, 1939.

ния Маньчжурской династии в Китае. Здесь стоит обратить внимание на один исторический парадокс.

Хотя сооружение Великой китайской стены принято приписывать первому объединителю Китая императору Цинь Шихуанди, но фактически он соединил отдельные участки этой стены, выстроенные уже до него правителями ряда феодальных княжеств для защиты страны от северных кочевников, постоянно совершавших набеги на китайские владения.

Перенеся свою столицу в Пекин и овладев всем Китаем, маньчжуры поставили перед собой задачу предохранения Маньчжурии от китайской колонизации, во-первых, чтобы сохранить Маньчжурию от заселения ее китайцами, как родину царствующего дома, и, во-вторых, чтобы обеспечить земельным фондом маньчжурское военно-служилое сословие. После занятия Пекинского престола маньчжурскими императорами маньчжурские власти поставили под строгий контроль заставу Шанхайгуань, этот главный пункт прохода из внутреннего Китая в Маньчжурию, как и все другие проходы в Великой китайской стене, и абсолютно запретили китайцам переселяться в Маньчжурию.

Таким образом, если Цинь Шихуанди, завершая строительство Великой китайской стены, имел в виду предохранить Китай от нашествия кочевников с севера, то маньчжуры стремились к обратному – предохранить так называемый застенный Китай, в особенности Маньчжурию, от проникновения китайцев из собственно Китая. Этим было положено начало политике «закрытия» Маньчжурии.

Если такая политика и могла быть мотивирована узкодина-

стическими соображениями, то с общеимперской точки зрения она дала отрицательные для Китая результаты, так как с одной стороны, маньчжуры в большом числе переселились в Китай, где из них комплектовались как провинциальные гарнизоны, так и столичные войска и императорская гвардия, а с другой стороны, переселение китайцев в Маньчжурию было строго запрещено, и таким образом к концу 19-го века, когда развернулась борьба за сферы влияния между великими державами, Маньчжурия фактически была почти пустующей, незаселенной страной, кроме ее южной части, т.е. Мукденской провинции, и оказалась объектом активной политики России и Японии.

Следует оговориться, однако, что, несмотря на запрещение, китайцы понемногу просачивались в южную Маньчжурию, причем маньчжурские власти отчасти смотрели на это сквозь пальцы, так как считалось, что известное количество китайской рабочей силы в Маньчжурии необходимо в интересах маньчжурского военно-служилого сословия, владевшего пахотными землями.

Некоторые представители маньчжурских властей, правда, уже в половине 18-го века стали высказывать опасения по поводу инфильтрации китайцев в Маньчжурию. Если правительство и мирилось с проникновением в Маньчжурию китайцев-одиночек, то переселение туда китайцев с семьями маньчжуры рассматривали как грозную опасность. В 1803 году вышел императорский указ, которым предписывалось абсолютно и без исключения не допускать китайцев с семьями в Маньчжурию. Также не допускались за Великую стену китайские женщины. Это запрещение было от-

менено только в 1878 году.

Залог и продажа земли маньчжурами китайцам вызывала тревогу Пекинского правительства. Но в конце концов маньчжурские власти оказались бессильными предотвратить «китаизацию» Маньчжурии, хотя им удалось задержать этот стихийный процесс. Число китайцев в Маньчжурии медленно, но неуклонно увеличивалось. В своей книге «Статистическое описание Китайской империи» выдающийся русский синолог 19-го века о.Иакинф Бичурин приводит цифру китайского населения в Маньчжурии на 1840 год в 1 249 784 человека, а в 1900 году население Маньчжурии составляло 7 миллионов человек, из которого числа маньчжуры едва составляли 10%.

Китаизация Маньчжурии с течением времени развивалась все в больших масштабах. С течением времени различия между маньчжурами и китайцами, между победителями и побежденными, все более стирались, и ряд сановников высказывался за отмену различий между маньчжурским и китайским населением. Уравнению содействовало также и то, что грозные когда-то завоеватели-маньчжуры быстро ассимилировались, усваивая язык, культуру и обычаи китайцев.

В 50-х годах 19-го столетия для Маньчжурской династии создано исключительно затруднительное положение. В 1851 году на юге Китая, в провинции Гуанси, началось Тайпинское восстание, направленное, главным образом, против иноземного гнета Маньчжурской династии. В декабре 1852 года повстанцы овладели Ханькоу, в марте следующего года они захватили Нанкин, затем проникли в провинцию Чжили и стали угрожать Пекину.

В 1855 году вспыхнуло восстание мусульман в провинции Юньнань, одной из южных провинций Китая. Все инородческое население провинции воспользовалось случаем и восстало, в надежде избавиться от ненавистной китайской власти. Повстанцы захватили столицу провинции Юньнань город Далифу и к 1858 году стали хозяевами положения во всей провинции.

К довершению бедствий, в 1858 году начались военные действия между вооруженными силами Англии и Франции, с одной стороны, и Китаем, с другой. Начались эти действия в Кантоне, затем союзники перенесли военные операции на север Китая. 20 мая 1858 года были взяты форты в устье реки Байхэ, а 25 мая шесть военных судов англо-французского флота двинулись по этой реке к городу Тяньцзинь.

А в это время Россия, внимательно следя за событиями в Китае, решила воспользоваться тяжелым внутренним и внешним положением Маньчжурского правительства и обеспечить свои территориальные интересы.

Еще в 1851 году был основан город Николаевск в устье Амура, в 1858 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н.Муравьев основал город Благовещенск на левом берегу Амура и Хабаровск – у слияния реки Уссури с Амуром. У Пекинского двора не было реальной силы протестовать против этих нарушений Нерчинского договора 1689 года и Кяхтинского договора 1728 года, поскольку англо-французские вооруженные силы угрожали столице империи и вся страна была охвачена восстанием.

Не видя выхода из создавшегося положения, Пекинское пра-

вительство решило пойти на уступки и урегулировать отношения с великими державами, в частности, с Россией.

28 мая 1858 года в городе Айгуне, на правом берегу Амура против Благовещенска, Н.Н.Муравьев подписал с маньчжурскими представителями договор, который подтвердил создавшееся фактическое положение. Договор определял новую русско-китайскую границу. Весь левый берег Амура, от реки Аргуни до устья, признавался территорией России. Уссурийский край считался временно в общем владении.

Между тем, мир между Англией и Францией и Китаем не был прочным. Весной 1859 года посланники Англии и Франции, согласно условию, захотели прибыть в Пекин по реке Байхэ, но нашли устье ее загражденным и не были пропущены в столицу. Англо-французские силы возобновили военные действия против Китая, и 12 августа 1860 года ими был занят Тяньцзинь. После ряда небольших сражений маньчжурско-китайские войска были разбиты в бою на дороге к Пекину, император Сяньфын удалился из столицы в провинцию Жэхэ, а переговоры с союзниками поручил своему младшему брату принцу Гун.

Русский посланник в Пекине граф Н.П.Игнатьев, учтя безвыходное положение Пекинского правительства, предложил ему свои посреднические услуги для ведения переговоров с представителями Англии и Франции. Правительство согласилось на это, причем граф Н.П.Игнатьев за эту услугу выговорил согласие Китая уступить России Уссурийский край. Эта уступка была зафиксирована русско-китайским Пекинским договором, который был подписан графом Н.П.Игнатьевым и принцем Гу-

ном 14 ноября 1860 года. Договор этот также подтвердил статью Айгунского договора об уступке Китаем левобережья Амура России.

Граф Н.П.Игнатьев проявил себя способным и ловким дипломатом. Используя трудности Маньчжурского правительства в связи с внутренними восстаниями и военным конфликтом с Англией и Францией, он как «честный маклер» добился отторжения в пользу России Уссурийского края, площадь которого составляла свыше 160.000 кв. километров. Однако это было принято правительственными кругами и интеллигенцией Китая очень болезненно и породило еще большее, чем раньше, недоверие и подозрительность к России.

Следует указать, что после официального присоединения Уссурийского края к России там еще долго оставалось маньчжурское и китайское население, сохранявшее связи с Маньчжурией и считавшее себя в подданстве Китая. У китайского населения Маньчжурии до настоящего времени свежа память о том, что сравнительно недавно еще Уссурийский край принадлежал Китаю. Если мы посмотрим на карту Приморского (Уссурийского) края новейшего издания, то увидим, что там очень много географических названий китайского или маньчжурского происхождения. Приведем некоторые из них – река Суцзухэ, город Сучан, река Тудагоу, река Съдагоу, река Суйфун (китайские названия) и река Синанча, река и город Иман, реки Улунга и Самарга (маньчжурские названия) и многие другие. В китайской географической и исторической литературе для городов Владивосток, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре и Благовещенск существуют китай-

ские названия, соответственно: Хайшэньвей, Боли, Мяоэрчэн и Хайланьбао – это названия тех маньчжуро-китайских населенных пунктов, на месте которых были основаны русскими вышеперечисленные города.

* * *

Теперь вернемся несколько назад.

К концу 19-го столетия в Китае получила вполне конкретное оформление мысль о необходимости мероприятий по предотвращению дальнейших территориальных поползновений со стороны России, равно как и со стороны других государств.

В 80-х годах 19-го века на арене политической жизни Китая появился мыслитель и писатель Кан Ювэй, выступивший как представитель умеренно-либеральных конституционно-монархических кругов, требовавших от маньчжурского императора политических, экономических, военных и культурных реформ. В 1888 году Кан Ювэй подал директору Китайской академии наук, который был наставником императора, докладную записку о современном положении Китая. В этой записке Кан Ювэй подробно разбирал опасности, грозившие Китаю с разных сторон: на востоке от Японии и на западе и севере от России, строившей в то время Закаспийскую железную дорогу и укреплявшейся на границах Маньчжурии. В 1890 году видный государственный деятель Ли Хунчжан, о котором у нас впереди еще будет речь, представил трону план сооружения железной дороги из внутреннего Китая в Маньчжурию – от Шаньхайгуаня через Цзиньчжоу, Синьминьтунь, Мукден, Гири и Нингуту до Хуньчуня в восточной Маньчжурии. В сооружении этой железной дороги Ли Хун-

чжан видел средство усилить связь Маньчжурии с собственно Китаем, а также увеличить ее обороноспособность на случай возможной русской экспансии, причем антирусский характер проекта не подлежит сомнению, поскольку конечным пунктом дороги был намечен город Хуньчунь, расположенный в непосредственной близости от стыка границ России, Маньчжурии и Кореи.

Этому проекту не суждено было осуществиться, а по иронии судьбы никто иной, как сам Ли Хунчжан в 1896 году подписал с Россией секретный договор, согласно которому Россия получила право на постройку железной дороги через Маньчжурию.

* * *

Заинтересованность русских в Маньчжурии начала проявляться еще с половины 19-го века, о чем говорят довольно многочисленные работы русских исследователей.

Так, например, в «Военных сборниках» печатались следующие статьи, относящиеся к Маньчжурии: «Поездка по Сунгари», 1870 г., № 5; «Сунгарийская экспедиция 1872 года» Я.Барабаша, 1884 г., №№ 1,2,3. В «Записках Русского географического общества» (по разделам географии, этнографии и статистики) были помещены: «Известия о реке Сунгари, извлеченные из письма г.Максимовича к Шренку», 1861 г., книга 4; «Описание Маньчжурии», 1857 г., книга 12; «Записки о Нингуте» Васильева, 1857 г., книга 12.

К более позднему времени относятся публикации «Известий Императорского Русского географического общества»: «Восточная Сибирь и русская Маньчжурия», 1866 г., т.2, № 6; «Экспедиция по р. Сунга-

ри» Н.К.Крита, 1865 г., т.1, № 4; «Плавание Хилковского по Сунгари», 1867 г., т.2, № 8; «Торговая экспедиция на Сунгари», 1870 г., т.6, № 2.

В старых номерах «Записок Сибирского отдела Русского географического общества» находятся: «Поездка в Цицикар в 1863 г.» Малевича, 1864 г., книга 7; «Сведения о р.Сунгари от устья до г.Гирина» А.Усолицева, 1865 г.; «Путевые записки о поездке в китайский город Хайлар» Н.Хилковского, 1865 г., книга 8.

Интересно отметить, что в этой же 8-й книге «Записок» имеется статья П.Кропоткина «Две поездки в Маньчжурию в 1864 году». Князь Петр Алексеевич Кропоткин, один из деятелей и теоретиков анархизма, географ и путешественник, служил при иркутском генерал-губернаторе. В 1864 году П.А.Кропоткин путешествовал по неизученным районам Северной Маньчжурии, где открыл группу третичных вулканов в хребте Ильхури-Алинь. Вскоре после этого П.А.Кропоткин участвовал в другой экспедиции к реке Сунгари, которая достигла центральной Маньчжурии.

В эти же годы была составлена «Карта прибрежий рек Сунгари от устья до г.Бодунэ и Нонь-улы от устья до г.Цицикара, снятая глазомерно топографом Нахваловым (во время экспедиции полковника Барабаша) в 1872 году».

Из вышеприведенного списка мы видим, что серьезный интерес к Маньчжурии в России существовал задолго до того, как Россия выступила в качестве активной силы в Маньчжурии сооружением через эту страну участка Великой Сибирской железнодорожной магистрали, связавшей центр России с тихоокеанским портом Владивосто-

ком.

Взаимоотношения России и Китая значительно усложнились в конце 19-го века, когда строители Великого Сибирского железнодорожного пути довели строительство железной дороги до Забайкалья и встал вопрос о дальнейшем направлении дороги. Было выяснено, что проведение железной дороги по левому берегу Амура должно представить значительные технические трудности, и тогда в русских правительственных кругах возникла мысль о сокращении и выпрямлении железной дороги путем проведения ее через Маньчжурию, от Забайкалья до Уссурийского края, на Владивосток.

К этому представился случай после японо-китайской войны 1894-1895 гг., окончившейся полным разгромом китайских сухопутных и морских сил. Японские войска захватили всю Корею, находившуюся в вассальных отношениях к Маньчжурскому двору, Ляодунский полуостров с портом и крепостью Порт-Артур и порт Вэйхайвэй в провинции Шаньдун. Мирные переговоры между Китаем и Японией были открыты в японском городе Симоносеки.

Китайским уполномоченным был назначен Ли Хунчжан, уже упоминавшийся нами выше, на личности которого следует немного остановиться, так как этот государственный деятель сыграл значительную роль в исторических событиях на Дальнем Востоке во второй половине прошлого века.

Ли Хунчжан родился в 1821 году и получил обычное в то время китайское классическое образование. Впервые выдвинулся при подавлении Тайпинского восстания, когда проявил себя не только талантливым

исполнителем приказов командования, но и коварным и беспощадным человеком. Когда боювшаяся с повстанцами армия, которой командовал англичанин Гордон, окружила Нанкин, то находившиеся там руководители восстания согласились сдать город, причем Гордон обещал им пощаду. Но как только город был сдан, Ли Хунчжан тотчас казнил их, не посчитавшись с обещаниями Гордона.

В 1870 году Ли Хунчжан был назначен вице-королем столичной провинции Чжили, позднее был членом Цзундямыня, выполнявшего функции министерства иностранных дел. Ли Хунчжан был назначен членом Верховного совета, прилагал большие усилия к укреплению крепости Порт-Артур, много сделал для усиления китайского военного флота, но все его усилия не спасли Китай от разгрома Японией, и Ли Хунчжану пришлось подписывать мирный договор как представителю побежденной стороны.

Симоносекский договор был очень тяжелым для Китая. По этому договору, подписанному 17 апреля 1895 года, Китай был вынужден уступить Японии остров Тайвань (Формоза) с прилегающими к нему Пескадорскими островами, Ляодунский полуостров с крепостью Порт-Артур, уплатить 200 миллионов таэлей^[2] контрибуции и предоставить японцам право строительства промышленных предприятий в Китае. Япония добила также признания Китаем независимости Кореи, что было предпосылкой для установления впоследствии японского влияния в Корее.

В русских правительственных сферах Симоносекский договор представлялся очень неблаго-

приятным для России, так как Япония получила территорию на китайском континенте и таким образом приближалась к русским дальневосточным владениям. Министр финансов С.Ю.Витте придерживался той точки зрения, что необходимо воспрепятствовать передаче Ляодунского полуострова Японии. Министр иностранных дел Лобанов-Ростовский вошел в соглашение с Германией и Францией, которые согласились поддержать требование России, и 23 апреля 1895 года дипломатические представители России, Германии и Франции в Токио сделали японскому правительству заявления, в которых настоятельно советовали отказаться от Ляодунского полуострова. Совет трех держав был подкреплен совместной демонстрацией их военно-морских сил у берегов Японии. Русские сухопутные силы на Дальнем Востоке были приведены в состояние боевой готовности. Японскому правительству не оставалось ничего другого, как уступить, и в Пекине 8 ноября 1895 года была подписана специальная конвенция о возвращении Японией Ляодунского полуострова Китаю. Япония была компенсирована увеличением контрибуции до 230 миллионов таэлей.

Одновременно с этим С.Ю.Витте вошел в сношения с Китаем по поводу оказания Россией помощи Китаю в реализации займа для уплаты контрибуции Японии. При посредстве С.Ю.Витте заем Китаю был реализован между парижскими банкирами. По инициативе С.Ю.Витте и по просьбе французских банкиров был основан Русско-Китайский банк, в котором главное участие приняли французы. Этот банк сыграл важную роль в русской политике в Маньчжурии.

^[2] Около 400 миллионов рублей.

Наступило время коронации императора Николая II, и все страны послали в Россию своих представителей. От Китая был послан Ли Хунчжан, и у Витте явилась мысль использовать приезд Ли Хунчжана в Россию и убедить его предоставить России право проведения железной дороги по территории Китайской империи, через Внутреннюю Монголию и Северную Маньчжурию, напрямик на Владивосток. С.Ю.Витте сумел убедить Ли Хунчжана в том, что России необходимо построить железную дорогу через северную часть Монголии и Маньчжурии, чтобы иметь возможность охранять территориальную целостность Китая от возможных в будущем покушений со стороны Японии. Он доказал Ли Хунчжану также, что сооружение этой железной дороги будет содействовать экономическому развитию тех районов, через которые она пройдет. С.Ю.Витте вместе с Ли Хунчжаном выработали, в основном, положения секретного соглашения с Китаем.

Они согласились на следующем: что Китайская империя разрешает России провести железную дорогу по своей территории по прямому пути от Читы к Владивостоку, но строительство этой дороги должно быть поручено частному обществу. Вследствие этого было решено создать «частное» общество Китайской Восточной железной дороги, которое фактически всегда было в полном распоряжении российского правительства.

Россия же обязуется защищать китайскую территорию от возможной агрессии со стороны Японии. О государственном уме Ли Хунчжана свидетельствует такой факт. Во время переговоров о сооружении железной до-

роги через Маньчжурию встал вопрос о наименовании будущей железной дороги. С русской стороны было предложено название «Маньчжурская железная дорога», но Ли Хунчжан категорически восстал против такого названия и предложил назвать дорогу «Китайская Восточная железная дорога». После продолжительных прений было принято это последнее наименование. Дальновидный Ли Хунчжан не хотел, чтобы впоследствии название «Маньчжурская железная дорога» подчеркивало обособленность Маньчжурии от Китая. По его понятию, очевидно, слово «Китайская» в названии железной дороги должно было подчеркивать, что Маньчжурия является интегральной частью Китая. В этом он видел одно из превентивных средств против возможных попыток в той или иной форме отторгнуть Маньчжурию от Китая под предлогом ее действительной исторической обособленности от последнего.

Во время переговоров Ли Хунчжан несколько раз говорил С.Ю.Витте, что он, как друг России, советует ни в коем случае не идти на юг от железнодорожной магистрали, которая должна соединить Великий Сибирский путь с Владивостоком, т.к. если бы русские вздумали проводить железную дорогу в сторону Южной Маньчжурии, т.е. через сравнительно густонаселенную Мукденскую провинцию, то это могло бы вызвать озлобление населения, незнакомого вообще с европейцами, и привести к самым печальным последствиям для России и Китая. Последующие события показали, насколько прав был Ли Хунчжан в своих предостережениях. Сооружение южной линии КВЖД от Харбина до Дальнего и Порт-Артура, не

предусмотренное первоначальным договором, вызвало тревогу в Китае и Японии, осложнило положение России во время антииностранный боксерского восстания в 1900 году и явилось одной из причин обострения отношений с Японией и русско-японской войны.

В своих «Воспоминаниях» С.Ю.Витте рассказывает, что приближенный к императорскому двору врач тибетско-китайской медицины, бурят Бадмаев, получивший впоследствии довольно громкую известность в связи с эпопеей Распутина, возражал против проведения русской железной дороги через Маньчжурию на Владивосток, выдвигая проект постройки дороги прямо на Пекин, через Кяхту и Монголию. С.Ю.Витте отверг этот проект, во-первых, считая, что конечным пунктом Великого Сибирского пути должен быть Владивосток, и во-вторых, по соображениям международно-политического характера, совершенно основательно опасаясь отрицательной реакции держав в случае попытки России провести свою железную дорогу к столице Китая.

Доктор Бадмаев, конечно, не мог предвидеть, что его проект будет осуществлен больше чем через полвека советским правительством, которое в 1955 году завершило постройку железной дороги от Сибирской магистрали через Улан-Батор в Калган до Пекина.

После подписания секретного русско-китайского соглашения, которое состоялось 3 июня 1896 года, оставалось подписать контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД.

Со стороны России для составления проекта концессии был назначен товарищ министра финансов П.М.Романов, а со стороны Китая был уполномочен

китайский посланник в Петербурге, совмещавший пост китайского посланника в Берлине, Сюй Цзинчэн. Зимой и весной он жил в Петербурге, а летом и осенью – в Берлине. Так как пришлось составлять и заключать эту концессию летом, то П.М.Романов отправился в Берлин и составил вместе с Сюй Цзинчэном проект концессии.

Контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД был подписан в Берлине 8 сентября 1896 года. Его подписали от Русско-Китайского банка Ротштейн и Ухтомский, а от имени китайского правительства – Сюй Цзинчэн. Этого последнего вскоре постигла печальная судьба – летом 1900 года, в разгар Ихэтуаньского (боксерского) восстания, он был схвачен повстанцами в Пекине и подвергнут мучительной смертной казни за то, что подписал договор о постройке КВЖД, т.е., по их понятиям, совершил предательский поступок, а также за то, что он открыто выступал против насилий над иностранцами, понимая все безумие и обреченность борьбы против сильнейших держав мира^[3].

Итак, оправдались опасения маньчжурских императоров и других государственных деятелей Китая – Россия сумела проникнуть в Маньчжурию, хотя и мирным и вполне легальным путем, но за внешне мирными действиями скрывались широкие

^[3] В Харбине в небольшом сквере стоял памятник Сюй Цзинчэну, в виде черногоobeliska с надписью золотыми иероглифами «Памятник герцогу Сюй». Этот памятник был установлен администрацией Китайской Восточной железной дороги в период нахождения на посту управляющего дорогой инженера Б.В.Остроумова, по случаю исполнившегося в 1923 году 25-летия Китайской Восточной железной дороги, в честь Сюй Цзинчэна, кото-

планы утверждения русского влияния не только в полосе до роги, но и во всей Маньчжурии, как мы увидим ниже.

В 1897 году русские инженеры начали изыскания в Маньчжурии, а в следующем, 1898 году было приступлено к строительным работам. Строительное управление, которое возглавлял инженер Александр Иосифович Югович, обосновалось в пункте пересечения строившейся магистрали с рекой Сунгари, где впоследствии вырос город Харбин. Строительство КВЖД сопровождалось большими трудностями, с которыми блестяще справились русские инженеры и техники. Дорога проводилась через почти пустынные монгольские княжества и лесные дебри гористой Восточной Маньчжурии, и только при проведении южной линии дороги работы велись по территории сравнительно населенной Мукденской провинции.

* * *

Нельзя здесь не коснуться одного территориально-исторического парадокса, связанного с неточностью формулировки, выработанной через довольно продолжительный период после сооружения КВЖД, а именно: что дорога эта прошла по китайской земле, чем так сильно оперировали китайские националисты после китайской революции 1911 года и после ослабления России на Дальнем Востоке в связи с русской революцией 1917 года. Дело в том, что Китай как таковой стал обладателем земель, по которым прошла КВЖД, так сказать, *post factum*, т.е. после крушения Маньчжурской династии, когда Китай стал предъявлять претензии на те территории, которые входили в

рый был первым председателем Правления Общества КВЖД.

состав Дайцинской (Маньчжурской) империи – Маньчжурию, Монголию, Синьцзян и Тибет.

А что касается КВЖД, то, говоря строго юридически, договор о ее постройке был заключен с Маньчжурским императорским правительством, которое согласилось на проведение Россией железной дороги через земли полунезависимых монгольских княжеств, подчинявшихся Маньчжурскому правящему дому, и через коронные земли династии. Фактически в момент постройки КВЖД эта дорога не прошла ни одной пяди китайской земли.

Магистраль Китайской Восточной железной дороги от станции Маньчжурия, около границы Забайкалья, до станции Пограничная, на границе Приморской области, прошла по почти незаселенным местностям Барги (ныне Автономный район Внутренней Монголии), по землям Чжэримского сейма монгольских князей, по владениям автономного монгольского княжества Маннайгун и по незаселенным пространствам владений Маньчжурского императорского дома.

Участок станция Маньчжурия – станция Хинган прошел через Баргу, заселенную кочевниками-монголами и охотничьими племенами солон и ороchon. Участок станция Хинган – станция Чингисхан прошел через владения бродячих ороchon, в то время не подчинявшихся никакой администрации. Участок станция Чингисхан – станция Цицикар прошел по району монгольских пастбищ, находившемуся фактически во владении Маньчжурского дома. Населенными пунктами здесь были только город Цицикар и несколько деревень вблизи него.

Участок Цицикар – Харбин прошел через владения мон-

гольских княжеств Дурбэт и Северный Горлос, а восточнее Харбина, до станции Пограничная, линия дороги прошла через владения Маньчжурского императорского дома.

Южная линия КВЖД, от Харбина до Дальнего и Порт-Артура, прошла через владения монгольских княжеств и Маньчжурского дома.

Работы по сооружению КВЖД проходили гладко, и взаимоотношения с местной администра-

цией были вполне нормальными и мирными, но боксерское восстание привело к нападению китайцев на русских железнодорожников и к оккупации Маньчжурии русскими войсками, что, в конце концов, явилось если и не подлинной причиной, то одним из важнейших поводов к возникновению русско-японской войны.

**«Китайские фрагменты»,
Иерусалим, 1976, стр. 84-127**

***

От редакции: Граузе Юрий Карлович -- синолог. Учился на восточном отделении Юридического Факультета в Харбине (1935-1937). Окончил ИОКН (Институт ориентальных и коммерческих наук).

В Израиле преподавал китайский язык в Еврейском университете в Иерусалиме. В этом городе он прожил вплоть до своей кончины в 2014 году.

Эмигрантские архивы Харбина оцифровывают в Хабаровске

Уникальные фонды «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи» (БРЭМ), которые находятся на хранении в государственном архиве Хабаровского края, становятся доступными пользователям Интернета во всем мире.

БРЭМ был создан японскими оккупационными властями на территории марионеточного государства Маньчжоу-го на северо-востоке Китая в 1934 году. Эта структура вела скрупулёзный учёт всех многочисленных российских эмигрантов, которые проживали тогда в Харбине и других городах и посёлках Маньчжурии. После разгрома Квантунской армии в 1945 году, архивы БРЭМа советские войска вывезли на хранение в Хабаровск. Здесь же хранятся фонды так называемой «Харбинской Россики» - печатных

изданий той поры, материалов многочисленных эмигрантских объединений русских, татарских, еврейских эмигрантов из России.

В руки специалистов из Хабаровского края попали 90 дел Харбинского и Маньчжурского еврейских духовных обществ, прошений эмигрантов о выдаче вида на жительство и других документов, хранящихся в архиве провинции Хэйлунцзян и Харбинском муниципальном архиве. При этом самыми ранними оказались дела 1911 года. Среди предоставленных материалов были три метрические книги, книги об умерших и разводах.

Чтобы облегчить поиск информации о жизни российских эмигрантов в Маньчжурии, хабаровские архивисты оцифровывают каталоги БРЭМ. На сайте краевого госархива создан

специальный раздел «Российские эмигранты в Маньчжурии». Там по алфавиту можно найти информацию (а часто и личную фотографию) о том или ином человеке, кто жил тогда под японской оккупацией северо-восточного Китая. В электронном каталоге размещена фотография, справка о годе рождения, месте проживания, род деятельности. Часто есть сведения, как попал эмигрант в Маньчжурию. Обязательно сообщается о национальности, вероисповедании и политических взглядах. В уже размещённых электронных карточках приводятся данные о том, какие документы есть в архиве. Они доступны в цифровом виде.

**г. Хабаровск, Россия
Из Интернета**

Государственный архив Хабаровского края, г. Хабаровск, Россия. Контакты:

E-mail: gakhk@archiv.khv.ru

Tel: +7 (4212) 22-76-14

Fax: +7 (4212) 30-51-15

БОКСЕРСКОЕ ВОССТАНИЕ ДОСТИГЛО ФУЛЯЭРДИ

Борис БРЕСЛЕР

Некоторым харбинским старожилам знакомо название Фуляэрдди – одного из популярных курортов, построенных в начале 1920-х годов на западной ветке Китайской Восточной железной дороги (КВЖД). Расположенный примерно в 500 км от Харбина на берегу реки Нонни (Нун), одного из основных притоков Сунгари, и всего в 30 км к западу от Цицикара, он имел роскошный курзал (курортный центр с первоклассным рестораном, оркестром и танцевальным залом), ухоженный парк с дорожками и многочисленными беседками, а также длинный речной пляж. Он также славился своим санаторием, в который люди приезжали специально на кумыс. Это было учреждение альтернативной медицины, где для лечения использовали чудодейственный продукт, кумыс – ферментированное кобылье молоко, кисломолочный напиток вроде йогурта, но имеющий гораздо более резкий привкус. Каково же было мое удивление, когда молодой человек, которого я как-то встретил в Иерусалиме, рассказал мне, что наткнулся на отчет о событиях, пережитых женой русского командира форпоста Фуляэрдди во время Боксерского восстания. Как ни странно, отчет в виде статьи «Последние дни в Маньчжурии» был опубликован в октябре 1900 года в ежемесячном литературном журнале «Русское Богатство», который тогда редактировал В.Г. Короленко. Молодой человек любезно

предоставил мне копию статьи – это был отлично написанный текст, автор которого подписал его только инициалами А.И.

***

Рассказ начинается с 1899-го – первого года, прожитого в русском поселении на территории Маньчжурии, которое возникло в Фуляэрдди, вдали от привычной городской жизни в России. До начала строительства КВЖД это была китайская деревня, которая в 1898 году превратилась в российский военный форпост и административный центр КВЖД для наблюдения за строительством участка железной дороги на западе от Маньчжурии, на сибирской границе. Цицикар – в то время столица провинции Хэйлуцзянь – был резиденцией местного китайского военного губернатора (цзянь цзюнь) и важным торговым городом.

В течение года в Фуляэрдди было построено небольшое русское поселение: жилье для вольнонаемных служащих железной дороги – инженеров, железнодорожников, врача, медпункт и казармы для казачьей гвардии, а также несколько домов для казачьих семей. В одной из казарм находилась небольшая часовня, украшенная цветами, в которой имелись иконы. В отсутствие священника службы в основном состояли из литургического пения казачьего хора. На следующий год были спроектированы школа, клуб и церковь. К лету 1900 года был построен времен-

ный железнодорожный мост через Нонни, но участок пути к западу от моста еще не был проложен...

Автор дает яркое описание дружеских отношений, довольно скоро установившихся с местным китайским населением, фермерами и торговцами, региональными чиновниками и рабочими железной дороги. Большинство китайцев быстро выучили что-то вроде «пиньинь» для русского языка и, казалось, мирились с тем, что принесли с собой новоприбывшие. Например, они стали с доверием относиться к русскому врачу, обращались к нему по поводу своих проблем со здоровьем. Они принялись выращивать овощи, которые предпочитали русские, и научились производить молочные продукты, которые китайцы не употребляют в пищу. Многие из тех, кто работал у русских или занимался торговлей, налаживали с ними дружеские отношения и лояльно относились к своим работодателям или клиентам.

Потом, в начале 1900 года, настроение китайцев стало меняться. Празднование китайского Нового года в феврале было несколько заглушенным, с меньшим количеством петард и без затяжных праздничных банкетов и театральных представлений в Цицикаре. Поползли слухи о том, что императрица в Пекине недовольна местным военным губернатором, предположительно из-за его слишком дружелюбного отношения к

русским. Действительно, спустя несколько недель его нашли мертвым. Ходили слухи, что он предпочел покончить жизнь самоубийством, чем столкнуться с позором – отстранением от должности. Был назначен новый военный губернатор, который ранее был военачальником провинции и имел репутацию человека, настроенного против русских.

Мелкие разногласия между китайскими железнодорожниками и казаками, которые раньше улаживались мирным путем, теперь стали приобретать злобный политический характер. Изменился и Цицикар: в городе возникла атмосфера военной базы, на которой солдаты и артиллерия постоянно заняты тем, что они или направляются на маневры, или возвращаются назад, с маневров. Когда муж автора этой статьи (его имя и звание в статье не упоминаются) в разговоре с одним дружелюбно настроенным торговцем из Цицикара поинтересовался положением дел, торговец ответил, что новый военный губернатор готовится к войне, хотя непонятно, с кем, и добавил, что, по его мнению, для русских становится небезопасно приезжать в Цицикар.

Вскоре после этого один из китайцев, который время от времени выполнял роль переводчика, пришел в штаб и по секрету сообщил, что в Цицикар стали прибывать новые люди с необычными способностями. Их называли людьми «большого кулака» («Кулак во имя справедливости и согласия», ихэтуань), которые, по слухам, верили в превосходство сознания над материей и считали себя неуязвимыми для ружейных пуль. Русские смеялись над такими мистическими представлениями, но китайцы считали это аб-

солютно достоверной информацией.

Со временем китайцы заговорили о повстанческих крестьянских силах, известных как движение ихэтуаней (или боксеров)¹¹. Китайцы, выступавшие против этого движения, называли повстанцев бандитами и предупреждали своих российских работодателей, что иностранцам скоро «будет плохо». Столкновения с жестокими бандами ихэтуаней происходили все чаще, и в течение апреля и мая 1900 года прекращение работ и передвижение войск происходили почти ежедневно. Между собой китайские работники говорили, что как только железная дорога будет построена, военный губернатор прикажет русским: «Шуба куайдэ», т.е. «Уходите быстро».

В начале лета железнодорожная колея подошла к Фуляэрди, и первый локомотив встретили с ликованием – все были рады приближению окончания строительства дороги. Но в то же время всех охватило дурное предчувствие, порожденное событиями последних месяцев. Стало известно, что из Цицикара выдвинулись крупные воинские подразделения, одно – на запад, в сторону границы с Сибирью, а другое – на восток, в сторону Харбина.

Однажды китайский генерал, который хорошо знал мужа автора этой статьи и прежде часто бывал у них в гостях, приехал к ним. После вкусного обеда с хорошим вином он настоятельно просил, чтобы семья в целях безопасности переехала в

¹¹ Многие их участники движения ихэтуаней, в названии которого присутствует слово «кулак», активно занимались кулачными упражнениями, по своим правилам очень напоминавшими бокс. Отсюда название «Боксёрское восстание».

его дом в Цицикаре, тогда как здесь, в Фуляэрди, он не мог гарантировать им безопасность, поскольку командующим должен был стать другой генерал. Присутствие китайских войск в Фуляэрди увеличивалось, а на третью неделю июня стали поступать сообщения о крупных передвижениях войск в районе Цицикара и его окрестностей. 28-го июня муж автора статьи был вынужден отправиться в Цицикар, где велись переговоры о покупке лошадей. Он уехал рано утром в сопровождении двух казаков, пообещав вернуться около четырех часов дня. Его жену, автора рассказа, охватило чувство тревоги: она беспокоилась о муже, волновалась по поводу его отсутствия на заставе в это тревожное время.

В обеденный час её вызвали на кухню: казачий унтер-офицер явился с известием о полученном с заставы возле Цицикара телефонном сообщении, в котором было сказано, что ночью планируется нападение на русских. Она не подняла тревогу, но велела казаку быть начеку. Около двух часов дня на имя её мужа пришла телеграмма (в его отсутствие ей было приказано прочитать и действовать в соответствии со всеми содержащимися в ней инструкциями), в которой сообщалось, что командующий в Хайларе (примерно в 1000 км к западу от Фуляэрди) ожидает нападения китайцев на следующий день, 29-го июня. Она немедленно отправила двух казаков с посланием к мужу. Через час пришла еще одна секретная телеграмма, на этот раз из Харбина. Это был официальный приказ немедленно эвакуировать заставу Фуляэрди и отправиться поездом в сторону Харбина, собирая по пути русских со всех застав. Вся операция должна была быть про-

ведена в тайне, и, следовательно, нельзя было брать с собой личные вещи, только деньги и документы. И снова она послала двух казаков доставить это послание своему мужу, приказав им скакать как можно быстрее и обязательно найти своего командира.

Как только сообщение было отправлено, прибыл технический руководитель с докладом о том, что по имеющейся у него абсолютно достоверной информации, китайская резня русских назначена на эту ночь. Он сообщил также, что комплектует поезд, который должен отправиться вечером из поселения по мосту в сторону города, а она в отсутствие мужа должна приказывать казакам готовиться к эвакуации.

Последовавший за этим калейдоскоп событий вызвал бы зависть у любого сценариста голливудского вестерна. Автор организовала подготовку казачьего отряда и казачьих семей к эвакуации, велела своим детям упаковать самое ценное в доме, организовала упаковку икон из часовни. Она хладнокровно восприняла известие о том, что ее муж арестован военным губернатором в Цицикаре, и приступила к сбору и упаковке официальных документов и денег в офисе для эвакуации. С наступлением темноты она устроила заключительный молебен в часовне и только тогда, по окончании пения «Слава Всевышнему» казачьим хором, не выдержала и заплакала вместе со своей девятилетней дочерью.

Когда все приготовления были почти закончены, она услышала приближение всадников: прибыл ее муж в сопровождении всех казачьих гонцов. Оказалось, что по прибытии в Цицикар его предупредили, что есть приказ о его аресте, и ему уда-

лось бежать из города объездным путем. Убедившись, что его семья в безопасности, он отправился проверить, все ли готово к эвакуации. Тем не менее, когда китайская толпа стала собираться, чтобы начать грабежи, автор попросила казака дать ей револьвер, который она оставила при себе на тот случай, если китайцы проникнут в дом перед их отъездом.

Пока она ожидала мужа, пришло известие, что китайцы заняли мост и перекрыли им путь к отступлению. В заряженном револьвере было пять пуль, и она отметила, что этого достаточно, чтобы убить детей и себя, если китайцы ворвутся в их дом. Перед лицом такой опасности она осталась в доме, ожидая известий от мужа. Наконец пришло сообщение о том, что казаки отбили нападение китайцев, освободили мост, и теперь следует поспешить на поезд.

Поезд медленно двигался в сторону Харбина, останавливаясь на всех станциях, собирая эвакуированных, но как только он отходил от станции, китайские банды начинали грабить и сжигать русские поселения. Поезд прибыл в Харбин 30-го июня. Выяснилось, что эвакуация мирного населения Харбина уже состоялась несколькими днями раньше. Китайцы со всех сторон окружили Харбин. Муж автора статьи должен был остаться со своим отрядом казаков в Харбине для участия в обороне города от возможного нападения ихэтуаней, а женщины, дети и другие гражданские лица должны были эвакуироваться в Хабаровск пароходом. Судно прибыло в ту же ночь, но его отправление откладывалось до тех пор, пока не удалось договориться о безопасном проходе по Сунгари парохода с оставшимися гражданскими лицами

на борту.

Разрешение на безопасный проход было, наконец, получено 2-го июля, и, несмотря на опасения капитана парохода и отсутствие полной уверенности в том, что китайцы будут соблюдать договоренность, судно с находившимися на борту эвакуированными отбыло днем 3-го июля. Хотя это был большой речной пароход, на нем с трудом уместились 1500 эвакуированных. Людей размещали повсюду. Автору и ее дочери посчастливилось оказаться в одной из кают для отдыха, ее сыну досталось место в одном из проходов, а несколько человек, сопровождавших эвакуированных, в том числе четверо казаков и один офицер, устроились как могли.

После двухдневного плавания пароход прибыл в док напротив китайской крепости Саньсин, расположенной чуть ниже слияния Сунгари и реки Муданьцзян. Там были взяты на борт дополнительные запасы провизии, и какое-то время казалось, что безопасность прохода вниз по реке будет соблюдаться.

Около 15:00, когда пассажиры расслабились и попробовали подышать свежим воздухом на палубе, с противоположного берега началась стрельба. Казаки и несколько человек, имевших при себе винтовки попытались открыть ответный огонь, но это было совершенно неэффективно. Женщины и дети были немедленно отправлены внутрь парохода, но даже тогда опасность сохранялась, поскольку пули легко пробивали внешний корпус судна. В конце концов, всех их пришлось перевести в трюм, в грязное помещение, дно которого было покрыто водой. Одним из первых пострадал инженер И.А. Бернштейн, сопровождавший в Хабаровск жену

и семилетнего сына. Ему прострелили грудную клетку, и в сложившихся обстоятельствах врач ничем не мог ему помочь: он умер в тот же вечер. Стрельба продолжалась примерно до восьми часов вечера, когда пошел дождь, и солдаты, видимо, не желая оставаться под дождем, прекратили стрельбу. Шесть человек были ранены, в том числе маленькая дочь автора, и еще трое были контужены. Во время перестрелки одна из девушек, 15-летняя Оля Ауэрбах, проявила огромное мужество: перебегая с места на место под огнем, она помогала ухаживать за ранеными.

С наступлением темноты пароход отошел от дока и снова остановился: предстояло идти вниз по течению, но место было узкое, и капитан, опасаясь сесть на мель, не захотел двигаться в темноте. На рассвете пароход снялся с якоря, и пассажиры продолжили свой путь в надежде проскользнуть по реке через территорию Китая.

Следующие три дня эвакуированные провели в трюме, опасаясь дальнейших нападений китайских солдат. Утром 8-го июля они увидели шедшую им навстречу флотилию речных судов с русскими солдатами, оружием, артиллерией, включая катер Красного Креста, которая направлялась вверх по течению, чтобы восстановить порядок на только что оставленной ими территории. Стало ясно, что осада Харбина будет снята и их мужья снова будут в безопасности. Вечером 8 июля 1900 г. эвакуированные прибыли в Хабаровск.

Именно это описание драматической ситуации, с которой столкнулись русские строители КВЖД в противостоянии с ихэтуанями, имеет ряд интересных моментов. Когда речь

идет об Ихэтуаньском (Боксерском) восстании, в центре внимания всегда оказываются Пекин, Тяньцзинь и некоторые другие города Северного Китая. Об осаде ихэтуанями Харбина и КВЖД написано немного, и эта статья является ценным вкладом в число сохранившихся свидетельств очевидцев этого китайского восстания против иностранцев.

Более того, это замечательная иллюстрация двусмысленности подхода российских правительственных чиновников в Санкт-Петербурге к ихэтуаньскому восстанию. В своей статье профессор ван дер Ойе документально подтверждает, что, несмотря на угрозу российским интересам в Китае со стороны ихэтуаней (боксеров), в отношении Маньчжурии российское правительство все еще считало себя связанным договором 1896 года. Железную дорогу не предупредили о событиях, разворачивавшихся в Пекине, где 22-го июня был застрелен посол Германии Клеменс фон Кеттелер и где на следующий день Императорский двор объявил войну иностранным державам. В тот момент ихэтуани при поддержке имперских войск осадили дипломатические представительства в Пекине. Тем не менее, не далее как 28-го июня, неделю спустя, командующий заставой Фуляэрди КВЖД еще не был проинформирован о том, что его страна находится в состоянии войны с теми самыми китайцами, с которыми он имел дело в Цицикаре!

И напоследок одна мелкая деталь, несколько неожиданная для данной статьи. Хорошо написанный отчет в солидном литературном журнале следует обычаю того времени не раскрывать имена участников событий. Так, мы не знаем имени

командира заставы (его жена, автор статьи, идентифицирует себя только как А.И.). Нам не известны ни фамилии тех людей, от которых он получал приказы, ни имя врача на заставе или инженера, который в отсутствие командира, собрал в поезде людей для эвакуации. Названы имена нескольких китайских генералов и одного военного губернатора, в то время как русский командир дока в Саньсин назван полковником В-в, офицер железнодорожной охраны, сопровождавший эвакуированных на пароходе «Одесса», – лейтенантом С.З. а стрелявший с борта парохода – инженер С. Но затем нам говорят, что инженером, погибшим в результате китайского огня, был А.И. Бернштейн, а отважной молодой девушкой, которая заботилась о раненых, была Оля Ауэрбах...

Можно только догадываться, почему личности этих людей с еврейскими именами идентифицированы полностью, а у остальных, русских, названы только их инициалы. Скорее всего, причина в том, что автор хотел привлечь внимание к этим нерусским именам. Будь они неприятными персонажами, можно было бы даже заподозрить автора в умеренно антисемитских мотивах, хотя такие настроения, вероятно, были бы недопустимы в журнале под редакцией В.Г. Короленко, известного своей антипатией к антисемитизму. При этом и Ольга Ауэрбах, и А.И. Бернштейн действовали смело, а последний даже поплатился жизнью за свою беспечность перед лицом опасности. Мое любопытство вызвал вопрос, почему они были выделены для идентификации. Кто такие Ауэрбах и Бернштейн?

Мне удалось ответить на этот вопрос лишь частично. Фами-

лия Бернштейн явно еврейская –русского по происхождению Бернштейна быть не могло, хотя он мог быть русским православным новообращенным. Таким образом, создается впечатление, что автор (или редактор) использовал полное имя, чтобы привлечь внимание к еврейскому происхождению инженера А.И. Бернштейна и его позитивному характеру. Что касается фамилии Ауэрбах, история более загадочная и, следовательно, более интересная. Есть запись о Владимире Александровиче Ауэрбахе, горном инженере, назначенном начальником горного отдела КВЖД в 1906 году. По словам М. Заблокого, геолога Научно-исследовательского геологического института в Санкт-Петербурге, Ауэрбах занимал эту должность

до 1909 года; его дальнейшая карьера, по-видимому, связана с академическими учреждениями – Варшавским политехническим и Алексеевским Донским политехническим, а датой его смерти считается 1917 год. Более того, его отец, Александр Андреевич Ауэрбах (1844-1916), также был известным горным инженером, впоследствии директором металлургического завода на Урале. Судя по именам и отчествам, Ауэрбахи, отец и сын, были русскими православными, хотя их фамилия, скорее всего, была еврейского происхождения. А теперь главный вопрос – была ли Ольга в родстве с В.А.Ауэрбахом. Скорее всего, ответа пока нет: в то время в Харбине не могло быть много Ауэрбахов, но если это действительно так, то семья Ауэрбах

была еврейского происхождения, что заслуживает особого признания в этой истории. Хотя вопрос об особом обращении с именами двух лиц, сыгравших очень незначительную роль в этой истории, не может быть решен с уверенностью, сама история достаточно интересна, чтобы рассказать о ней здесь. Как бы то ни было, создается впечатление, что уже в 1900 году в Харбине были евреи (возможно, некоторые из них обращенные в русскую православную веру), которые занимались не только торговлей и коммерцией, но также участвовали в строительстве железной дороги!

Bulletin IYS № 361, p.11 , 1999
Пер. с англ. Ц.Л.

Вручение стипендий студентам

В прошлом году большинство из нас было вынуждено находиться в условиях самоизоляции. Мы были лишены возможности вести привычный образ жизни, проводить встречи и обсуждения различных вопросов, проводить время в компании друзей и единомышленников. Несмотря на пандемию, вызванную вирусом COVID-19, для нашей Ассоциации выходцев из Китая важно было сохранить традицию и провести церемонию вручения стипендий, но на этот раз «дистанционно» - в Zoom. Виртуальная встреча состоялась 22 февраля 2021 года. Приятно было убедиться в том, что на наше приглашение откликнулись многие, не только студенты, но и старшее поколение. Было также интересно

видеть студентов, сидевших рядом с бабушкой или дедушкой, с родителями перед экраном компьютера. Встречу открыл председатель Игуд Иоцей Син Иоси Клейн. Он рассказал молодым людям, студентам академических вузов, о том, как создавалась Ассоциация выходцев из Китая и на чем основывается деятельность ИИС на протяжении многих лет своего существования. Он призвал участников встречи принять участие в деятельности ИИС и стать активными партнерами в деле сохранения наследия своих предков, выходцев из еврейских общин Китая. Затем студентам-стипендиатам была предоставлена возможность выступить, поделиться впечатлениями и выразить свое

мнение. Особенно волнующим был момент, когда студентка 2-го курса юридического факультета Галь Голдинер представилась и рассказала о своем происхождении – о семье Тандет. При этом она поблагодарила Игуд Иоцей Син за стипендию, которую получает второй раз. Одна из участниц встречи, Шахар Брагин, студентка 4-го курса факультета психологии, обратилась к ней по поводу происхождения, и тут выяснилось, что на самом деле они родственницы. Встреча закончилась пожеланием успехов студентам и благополучия их семьям в надежде на то, что мы вернемся к традиционной встрече и встретимся друг с другом на церемонии вручения стипендий в будущем году.

СТАТИСТИКА СТИПЕНДИЙ

Как известно, в связи с пандемией церемония вручения стипендий в декабре 2020 г. не состоялась. Стипендии студентам из фондов ИИС были присуждены и высланы в адрес каждого из стипендиатов.

Всего было выдано 74 стипендии, из которых 55 получили израильские и 19 – китайские студенты.

Из Фонда Этел Дан стипендии получили 20 студентов. Из Фонда Игуд Иоцей Син: стипендии памяти еврейских общин Китая получили 20 студентов и стипендии памяти Тедди Кауфмана – 5 студентов. Илана и Гиора Леск учредили два фонда: стипендии памяти Эллы и Шломо Леск получили 5 студентов и памяти Муси и Дани Беркович – 5 студентов.

33 студента выбрали университеты в Тель-Авиве, Хайфе,

Иерусалиме, Негеве, Ариэле и Бар-Илан, четверо – Технион в Хайфе, 18 студентов предпочли академические колледжи.

Стипендии из Фонда Общества дружбы Израиль-Китай получили 19 студентов из Китая, которые учатся в Израиле: в Еврейском университете в Иерусалиме, в Хайфском университете, в Университете им. Бен-Гуриона в Негеве (Беэр-Шева) и в Академии музыки в Иерусалиме.

ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

*Коммерческие бухгалтерские курсы Хазан
62-ой выпуск. 28.02.1942. Харбин, Китай*

А НАДО МНОЙ СМЕЮТСЯ ЗЕРКАЛА

Татьяна БОНЧ-ОСМОЛОВСКАЯ

Нора Крук, последний поэт русского восточного зарубежья

На российском литературном небосклоне Нора Крук появилась в 2001 году, в антологии «Русская поэзия Китая», подготовленной издательством «Время». Антология включала стихи пятидесяти восьми поэтов, а эпиграфом к ней стали слова Валерия Перелешина (1913, Иркутск – 1992, Рио-де-Жанейро): «Все звезды повидав чужие, мы обрели тебя, Россия, мы обрели самих себя!».

Восточная ветвь русской эмиграции не так хорошо известна, как европейская. Она существовала на протяжении десятилетий, с начала XX века до конца 50-х годов, когда русские покинули Китай. От этой волны эмиграции остались память, стихи, имена и публикации, в которых сегодня, не зная реалий русского Китая, уже сложно разобраться.

17 апреля 2021 года Норе Крук исполнился 101 год. Не осталось уже в живых ни одного поэта

восточного русского зарубежья, с которыми дружила Нора – последней, в 2012 году, ушла Лариса Андерсен. Ушел русский Харбин, Шанхай, Мукден... Это была удивительная эпоха, когда на китайской земле русский старорежимный образ жизни совмещался с новой советской идеологией. Нора Крук стала его свидетелем, участником и, в некоторых своих стихотворениях, летописцем, и чтобы прояснить корни ее стихотворений, приглядимся к обстоятельствам ее жизни в Китае и, в целом, удивительным обстоятельствам восточной волны русской эмиграции.

Русское восточное зарубежье, тогда еще не эмиграция, возникло на рубеже XX века вокруг Китайско-Восточной железной дороги. Это была ветка Транссибирской магистрали, проложенная по территории Маньчжурии, на северо-востоке Китая. Она принадлежала царской России, управлялась российской администрацией, охранялась российскими войсками. Город Харбин был основан в месте пересечения восточной и южной ветви железной дороги, идущей на Порт-Артур. Город стоял на реке Сунгари, притоке Амура. Другое название города – станция Сунгари-первая. Фактически это была русская колония вокруг КВЖД. Так продолжалось и после революции, когда власть в городе переходила из рук в руки, а когда в 1924 году СССР подписал соглашение с Китаем, этот порядок вещей закрепился и юридически.

Население Харбина состояло из китайцев и русских – вернее, выходцев из России, причем русские были элитой, инженерами-железнодорожниками, а китайцы – обслуживающим персоналом.

После революции русские в Харбине продолжали жить, как жили в царской России – с усадьбами и с дачами на реке Сунгари, с православными церквями, русским университетом, школами и гимназиями, где обучение велось на русском языке. Русским принадлежало до трети всех капиталов в городе, они вели бизнес, работали в культуре и образовании. При этом те, кто работал на железной дороге, обязаны были принять советское гражданство, отчитываться перед советским посольством и, по убеждению или по долгу службы, придерживаться социалистической идеологии. Советские граждане в Харбине пользовались всеми благами жизни элиты в Китае, одновременно утверждая идеологию нищеты и жертвенности. С другой стороны, для тех, кто продолжал считать себя противником советской власти, Харбин предоставлял возможность сохранить русский язык и интеллектуальную профессию: в городе выходили десятки русских газет и журналов, большей частью – белого толка, работали клубы, театры, концертные залы. Были также газеты, поддерживающие социалистическую идеологию, существовали рабочие профсоюзы, движение за «смену вех». Родители Норы Крук приеха-

ли в Харбин после революции. Отец Норы, Мариан Нарциссович Кулеш, родился в Польше, был дворянином и офицером царской армии. А мать Норы, Александра Ильинична Липкина, была из еврейской религиозной семьи. Как и многие образованные люди на рубеже XX века, Мариан Кулеш был увлечен идеями революционного преобразования общества, социализма, равенства, справедливости. Женившись на Александре Липкиной, он оставил военную службу и отрекся от семьи. Кулеша жили в Сибири, и во время гражданской войны, когда правительства сменяли друг друга, Александра была арестована большевиками и заточена в тюрьму. Мариан Кулеш с отрядом солдат освободил тюрьму, но к тому времени у Александры случился выкидыш, и врач посоветовал увезти ее как можно дальше. Тогда Александра и Мариан Кулеша, вместе с семьей сестры Александры, Анны Ильиничны и ее мужа Романа Турчанинова, сына царского генерала, отправились в Харбин. Мариан Кулеш устроился работать учителем математики и физики в Украинской гимназии. В 1924 году он выбрал советский паспорт и его назначили директором Второй Железнодорожной гимназии, русской советской школы с советской идеологией. Его жена Александра закончила харбинский юридический факультет, затем Политехникум и получила диплом инженера путей сообщения. А в 1920 году у них родилась дочь Нора.

Детство Норы прошло в достатке и любви. Нора вспоминает няню, возившуюся с ней, пока мама училась на юридическом факультете, затем бонн, обучавших ее языкам. Первой бонной была прибалтийская немка,

по словам Норы, уютная, как бабушка. Она научила Нору немецким стихам – декламировать Лорелею, Лесного царя. Другая учительница, обрусевшая француженка, учила ее музыке. В доме справлялось Рождество, ставилась елка, приходили гости, все танцевали и веселились. Постепенно стали праздновать только 7 ноября, день революции.

Отец был кумиром дочери. Они вместе учили наизусть стихи, слушали на граммофоне музыкальные арии. Отец рассказывал, как в Петербурге в студенческие годы простаивал ночи за билетами в оперу. А также рассказывал о своих знакомых по Сибири, лучших людях страны, Зиновьеве и Каменеве, о том, как они беззаветно служили революции, о том, как гениальный Ленин олицетворял движение истории.

В Харбине Мариан Кулеш успешно трудился, он получил продвижение, квартира от КВЖД сменилась большим домом с фруктовым садом, где девочка Нора читала стихи Бальмонта, Пушкина, Лермонтова, лежа под черемухой. А когда родители поменяли милую француженку на «более серьезного педагога», двоюродного брата Ильи Эренбурга, Нора сбегала от его строгих уроков в сад и пряталась там, так что ее не могли отыскать.

На лето семья уезжала на дачу на станции Маоэршань, на реке Сунгари. Матери с детьми жили там все лето, а отцы семейств приезжали на выходные. Зимой в Сунгари окунались в проруби на крещенские морозы, а китайские возницы катали детей по льду на салазках «толкай-толкай», разгоняясь до огромных скоростей. Это был настоящий русский помещичий быт, с усадьбой, кухаркой и боннами,

кошками и собаками, вареньями и соленьями.

Нора рано начала писать детские стихи – о цветущей вишне, о радуге. Когда ей было девять лет, ее революционное стихотворение почти опубликовали в литературном приложении к харбинской газете «Молва»:

*Японцы, китайцы, малайцы,
проснитесь,
В единые рабочие полки
объединитесь,
И пусть взвьется наш
красный флаг,
Капиталистов враг!*

Впрочем, цензор вовремя спохватился, и номер вышел с опозданием и пустым квадратом на месте стихотворения.

С конца 1932 года Мариан Кулеш работает над организацией техникума, где студенты будут продолжать образование после гимназии. Программа создавалась по советскому образцу, с политграмотой вместо истории, и советской литературой вместо русской классики XIX века: вычеркнув из программы Тургенева, Гончарова и Достоевского, на их место включили Гладкова и Сейфуллину. Однако когда Кулеш организовал работу техникума, его не назначили директором, как он ожидал, но прислали человека из СССР, и в 1934 г. Кулеш уволился со службы. Это было большой удачей, так как жизнь в Харбине уже стремительно менялась. Новый этап начался с японской оккупации Маньчжурии в 1931–32 году. Доброжелательных и снисходительных к русским китайских властей сменили куда более жесткие японские. А в 1935 году СССР продал дорогу властям Маньчжурии. Русские школы, институты, больницы, бизнесы в Харбине закрывались. Многие русские

сотрудники были уволены, советским гражданам приказали возвращаться в Россию. Многие среди тех, кто вернулся, оказались арестованы по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности и пропали в лагерях. Пострадала и семья будущего мужа Норы, Ефима Крука. Его отец Лыпа Янкелевич Крук, владел механической мастерской, но когда КВЖД была продана, он лишился работы и в 1936 году решил вернуться в Советский Союз. Вскоре Лыпа Крук исчез в жерновах репрессий, а его дочь провела восемь лет в казахстанском лагере. Самого Ефима Крука в Советский Союз не пустили из-за его статьи в белом журнале «Рубеж» о русских студентах в Харбине. Этот отказ, вероятно, спас ему жизнь.

Перед глазами родителей Норы был также пример семьи Анны Турчаниновой, которые вернулись в Россию, когда дочь Анны Ильиничны, София, решила учиться и работать в Советском Союзе. Она получила медицинское образование и была распределена на работу на прииск Рудый около полярного круга. Старшие Турчаниновы жили в Москве и писали оставшимся в Харбине родственникам «закодированные письма»: о пропавшем из продажи мясе – «совсем нас забывший Флейш», об исчезнувшем масле – «пропавший из виду Бутер». Кулешы переправляли им теплые вещи через знакомых. В тридцатые годы Софию арестовали, ее сына хотели направить в детский дом, но родители смогли забрать его в Москву. София провела в заключении год и, по свидетельству Норы, осталась напугана на всю жизнь. В 1983 году Нора встретила с Софией в Москве, в ее маленькой квартире, полной старых харбинских

фотографий и привезенных из Харбина мелочей.

А в начале 30-х годов русские, решившие не возвращаться на родину, перебирались в другие города Китая. К счастью, бывший царский офицер и дворянин Мариан Кулеш уже не работал на КВЖД и ехать в СССР не был обязан. Семья переехала в город Мукден, обычный китайский город, почти без русских. Нора экстерном закончила Харбинскую гимназию и стала помогать отцу в бизнесе. Она очень много читала. В эти годы она открыла для себя Блока, бредила «Незнакомкой», влюбилась в «Двенадцать». Также она брала уроки английского и французского языков в католическом конvente.

Тогда Нора и начала серьезно писать стихи. Впрочем, начало поэтическому творчеству было положено в анекдотическом происшествии. Русская подруга, в квартире которых семья Кулеш жила первое время, похвасталась перед ухажером-португальцем, что пишет стихи, и прибежала к Норе за помощью. Так Нора написала первое в жизни стихотворение по-английски.

А на дворе уже был конец тридцатых годов. Мир непорочно менялся, даже мир Китая, далекого от европейских катаклизмов. Подруга немка, с которой Нора каждый день читали друг другу стихи, внезапно оформляет немецкое гражданство и перестает здороваться с Норой. В России разгораются репрессии, о которых русские эмигранты узнают по советскому радио. Голос Вышинского объявляет о бешеных псах, предателях родины – называя имена тех самых старых коммунистов, которые в рассказах родителей Норы были людьми прекрасной идеи, образцами жертвенно-

сти и человечности. Известия о «чистках» стали шоком для Норы и ее родителей.

Да и в самом Мукдене происходят странные вещи: близкого друга семьи Кулеш убивают на пороге его дома, и японские власти не расследуют и не выдают родственникам тело застреленного бизнесмена. Кто-то исчезает бесследно, и в небольшом русском сообществе ходят слухи о переходе границы, о вербовке и шпионаже. Никто толком не знает, что происходит.

Семья Норы стала бояться за безопасность отца, и они снова переезжают, теперь в Шанхай. Мариан Кулеш вкладывает деньги в изобретения, но неудачно. Зато Александре Кулеш удается риэлтерский бизнес по сдаче и пересдаче квартир. Первое время Кулешы снимают комнату у китайской семьи, затем – большую квартиру, в которой сами сдают две комнаты. Нора учится стенографии и машинописи. Она рада встретить подруг детства из Харбина. В Шанхае выходят газеты на русском языке, в основном белого толка, как «Шанхайская заря» и «Слово». Но была и просоветская газета «Новая жизнь», редактором которой становится Мариан Кулеш. Нора работает в этой газете – переводит статьи из англоязычных газет, посещает пресс-конференции, берет интервью. В Шанхае выходят литературные журналы, проходят литературные вечера и взрослая девятнадцатилетняя Нора уже участвует в них.

Она посещает клуб – престижный Советский клуб, располагающийся в старом особняке с большой аллеей. Клуб функционирует при поддержке советского консульства, поставив задачу «выработать подлинного советского человека, истинного патриота великой Родины».

Полноценными членами клуба могут быть только советские граждане или люди, подавшие заявку на гражданство и получившие в обмен квитанцию из посольства – так называемые «квитанционные подданные».

Советский клуб стал центром жизни просоветской русской колонии в Шанхае, давая иллюзорное и столь желанное ощущение принадлежности к великой Отчизне. В клубе проводятся лекции и доклады по истории ВКП(б), даются уроки марксизма-ленинизма, там показывают советские фильмы, например, «Броненосец Потемкин». Художники пишут картины, зачастую это портреты Сталина, докладчики объясняют советскую экономику и восхваляют советское сельское хозяйство, советскую науку, советскую технику и моральное превосходство советского человека. При этом в клубе играет джаз, выступает Вертинский, на праздниках столы ломятся от яств, поражая даже привыкших к роскоши шанхайских экспатриантов.

Нора, в то время энтузиастка советской идеологии, изучает историю партии и посещает лекции в Советском клубе. Она занимается в драматическом кружке, которым руководит Зоя Ивановна Казакова, бывшая актриса Императорского театра и жена поэта Всеволода Никаноровича Иванова. Нора продолжает писать стихи, лирические и социальные, отзываясь на известия о «чистках» в СССР: «Мир сотрясается, рушатся кручи...»

На одном из поэтических вечеров в Советском клубе Норе бурно аплодирует молодой человек, Ефим Крук. После вечера он провожает ее домой, знакомится с родителями. Ефим тоже активно участвует в жизни Советского клуба – он ру-

ководит шахматным кружком. Но он не верит в сталинскую идею, его беспокоит дрящущее уже два года молчание родных, уехавших в Советский Союз. Лишь спустя годы Ефим навел справки через Красный Крест и ему удалось разыскать своих родных, узнать о судьбе отца. Через год после приезда в Россию, в 1937 году, его отца арестовали и приговорили к десяти годам строгого режима без права переписки. Мать Ефима также была арестована, но через несколько месяцев ее отпустили на свободу. А семнадцатилетняя сестра Ефима, Гита, была сослана на восемь лет в лагерь в Казахстане. Четырнадцатилетняя сестра Лиля умоляла не отправлять ее в детдом, она жила у тетки, днем работала на фабрике, вечером училась в вечерней школе. Через десять лет Гита, уже отбывшая срок, пришла в КГБ навести справки об отце, но ей сказали, что ему дали второй срок, потому что «он не раскался».

В 1930-40-х годах Ефим ничего не знает о судьбе своих родных. Он работает на фирме братьев Шриро, занимающейся торговлей лесом. Фирма зарегистрирована в США, при этом Яков Шриро приезжает в Харбин со специальным поручением от народного комиссара Анастаса Микояна, и далее продолжает выполнять поручения советских официальных лиц и щедро делиться с ними выручкой. Ефим Крук становится помощником Шриро.

Ефим умен, энергичен, молод и влюблен. Весной 1941 года он делает Норе предложение, а в апреле они заключают брак. Родители Норы отдают им лучшую спальню в квартире, с окном и печью. Жизнь снова налаживается, хотя где-то далеко, в Европе, уже идет война.

А в июне 1941 начинается война, которую русские в Шанхае уже понимают как «нашу». Они слушают военные сводки, ужасаются известиям о военных действиях, понятных даже через японскую цензуру. Они получают разрешение от муниципалитета на организацию радиостанции «Голос Родины». Атмосфера в редакции «Новой жизни» становится напряженной, советское консульство на оккупированной японцами территории закрыто, в роли советского руководства выступает агентство ТАСС. Теперь Нора захвачена стихами Берггольц, Алигер, Симонова, она читает их на продолжающихся встречах в Советском клубе. Все они живут от сводки до сводки, следят за деталями боев и отступлений, помнят имена героев, повторяют стихи Симонова «Дороги Смоленщины», статьи Эренбурга, не дыша, слушают известия о Сталинграде... Нора с мужем даже ездили в советское посольство записываться в армию.

Повседневная жизнь становится тяжелее. Японцы вводят карточки на хлеб, многие продукты исчезают из лавок. Но Нора довольствуется немногим – они готовят еду на буржуйке, от печи в столовой исходит тепло и уют. Ефим с другом открывают пекарню и развозят хлеб на велосипеде.

Продолжаются и шахматные турниры. Однажды знакомый доктор организует для Ефима сеанс одновременной игры с пациентами из числа пленных и интернированных из Европы. На первом сеансе против Ефима играют пятнадцать человек, на втором – девять, и он не может узнать, что случилось с его партнерами, то ли они умерли от болезней, то ли выздоровели и японцы перевели их в лагерь.

Дела на фирме Шриро, где работает Ефим, идут плохо. Шриро и во время войны передает крупные суммы денег торговому представителю СССР. А затем японцы берут фирму под свой контроль. В сентябре 1942 года японцы арестовывают Якова Шриро и помещают его в лагерь. Ефим объявляет себя его племянником и сначала навещает в лагере, а затем, получив инструкции, где спрятаны деньги на складе и где стоят закупленные в Англии текстильные машины, опечатанные японцами как вражеское имущество, поддельно пропускает и забирает машины со склада. Ефим погружает их на грузовики и вывозит через охраняемый японскими часовыми мост, а затем продает чешской фирме, не интересующейся происхождением машин. Это поправило финансовое положение фирмы, но не физическое состояние ее владельца. Перед самым концом войны японцы вывозят лагерь, в котором держат Якова Шриро, в город Фэнтай, где планируют ликвидировать пленных. Но ровно в этот момент Япония капитулирует. Пленные спасены. Яков Шриро, находясь в лагере, смог наладить связи с руководителями крупных компаний, также отбывающих японское пленение. Благодаря этому фирма Шриро вырастет в мировую корпорацию с отделениями по всему миру. Но это случится потом.

А пока война закончилась. Союзники победили, японцы покинули Шанхай. Постепенно становится известно о зверствах японцев в лагерях военнопленных. В Шанхае наступает мир. Открываются новые иностранные фирмы, в магазинах появляются продукты, а в гавани стоят иностранные корабли. Нора берет интервью у первого приле-

тевшего в Шанхай американского летчика.

И в Советском клубе царит энтузиазм. Советский союз объявляет о принятии в граждане всех русских эмигрантов. Родина простила! Обнимаются люди – и собираются в СССР. Молодые хотят поднимать целину, профессионалы – вложить знания в восстановление разрушенной войной страны. Большинство молодых родилось в Китае, но считают себя русскими. Это почти иррациональное желание ехать на родину, послевоенная эйфория, тяга ко всему русскому, это надежда и мечта.

Нора с матерью тоже готовятся ехать в Россию. Но Мариан Кулеш отмалчивается. А Ефим Крук, уже понимающий, что с его семьей, уехавшей из Харбина в 1936 году, случилось страшное, ехать наотрез отказывается. Нору вызывают в советское консульство и уговаривают оставить мужа-реакционера и ехать в СССР, обещая там успешную карьеру журналиста. В гостиной у уезжающих друзей, при свечах и цветах, поставленных в японские вазы, идет неприятный жесткий разговор: Нору обвиняют в шкурничестве, в нежелании потрудиться для Родины. Не только она, многие остающиеся чувствуют себя предателями, даже те, кто родился и вырос в Китае. Но те, кто уезжает, скоро начинают понимать, что совершили непоправимую ошибку – их знания, их квалификация оказываются не нужны Родине. Им приходится трудиться на неквалифицированной работе, где их образование и опыт игнорируются. Они внезапно осознают, что бытовые условия в Советской России разительно отличаются от тех, к которым они привыкли в Китае.

Нора с мужем и родителями

остаются в Шанхае.

Тем временем настает холодная война. Нора продолжает работать в газете «Новая жизнь», и советское консульство просит ее передавать разговоры американцев во время банкетов, на что Нора отвечает, что болтовня эта незначительная и незапоминающаяся.

Шанхай пустеет. Многие русские друзья уже уехали в СССР и связь с ними прервалась. Но Ефим Крук сохранил работу. Яков Шриро возобновил деятельность фирмы. Сам он перебрался в Америку, а управляющим китайским подразделением фирмы назначил Ефима Крука. Ефим и Нора переезжают в большую квартиру. Ефима возит на работу шофер. Нора записывается в спортивный, а затем и во французский клуб. Она проводит дни у бассейна, по вечерам встречается с друзьями на ужинах и танцах.

Теперь они опасаются власти китайских коммунистов. Но сначала коммунисты, завладевшие Шанхаем, не беспокоят бизнес и разномастное население города. Нора увлекается икэбаной, она собирает хрусталь и китайские вазы, по вечерам принимает гостей за столом, покрытым венецианским кружевом. Единственное ее беспокойство – бездетность. Мать советует ей усыновить ребенка, и в конце 1950 года Нора и Ефим берут из приюта двухлетнего Лео. Они вместе справляют Рождество, учат мальчика русскому языку, отдают в англоязычный детский садик. А в 1953 году у Норы рождается сын Тони.

Тем временем коммунисты берут под контроль иностранные фирмы в Шанхае. Когда в 1948 году китайская власть издает приказ об изъятии золота и иностранной валюты у населения в обмен на обесценивающие еже-

дневно юани, Нора с мужем прячут доллары и слитки в тайник в стене, чтобы потом переправить их Шриро в Америку. Фирма Шриро не закрыта, но действовать не может. Ефима внезапно вызывают на допрос, но он объявляется больным – Ефим ожидает прибытия документов из головного американского офиса, в которых товары и наличность переписаны на его имя. Ефим уговаривает советского врача положить его в больницу и удалить здоровый аппендицит. Тем временем Нора с помощником раз за разом ездит в банк и снимает наличность, наполняя чемоданы связками юаней и высыпая их дома в шкаф, и снова, и снова... Часть юаней они нелегально обменивают на валюту, часть переводят через маклеров за границу фирме Шриро. К моменту выхода из больницы необходимые документы для Ефима пришли. Это были очень странные документы, выписанные американскими адвокатами для советского гражданина в Китае.

Формально все было сделано по закону, но китайские власти оспаривают собственность фирмы, убеждая, что Ефим должен вернуть деньги. Арестовать советского гражданина они не осмелились, но продолжали вызывать на допросы, требуя передать бизнес. С конца 1951 Ефиму запретили покидать пределы города.

В эти годы Нора посвящает себя семье, она учит испанский язык вслед за Ефимом, полагающим, что его назначат управляющим фирмы Шриро в Аргентине или Венесуэле. Теперь Нора увлекается всем китайским: она занимается в школе икебаны, организует выставки, принимает участие в конкурсах икебаны. Она изучает иероглифы, берет уроки кулинарии у китайско-

го мастера, покупает гравюры на рисовой бумаге, старинные свитки, деревянные статуэтки, фарфор, вазы...

Для семьи Крук – это одновременно время достатка и опасений ареста. Атмосфера в русском Шанхае ухудшается – работы нет, и все стараются уехать хоть куда. Русские эмигранты обивают пороги Интернациональной организации помощи беженцам. В конце 1949 года больше пяти тысяч человек уезжает на филиппинский остров Самар, в лагерь Тубабао, ожидать конечной визы на переселение в одну из принимающих беженцев стран.

После создания государства Израиль у русских евреев появилась «Право на возвращение». Таким образом у семьи Крук появляется конечная виза, но так и нет разрешения на выезд. Коммунистические власти Китая убеждают их ехать в СССР, обещают простить задолженность и даже дать денег на дорогу. Ефим Крук отвечает на это, что его родина – Китай, где он родился, а в Советском Союзе ему делать нечего.

В нервном ожидании выездной визы семья Крук коротает дни за игрой в бридж. Они устраивают турниры на десять столов. Ефим организывает и шахматные турниры, дает сеансы одновременной игры. Его продолжают допрашивать в связи с утечкой значительного капитала: власти интересуются его знакомствами, встречами и передвижениями. В это время по Китаю катится волна арестов. От обвиняемых требуют признания вины, и люди признаются не только в преступлениях, но и в мелких проступках: взял ручку в офисе, забрал в аптеке бутылочку йода, украла в магазине фунт сахара – и их прорабатывают, снимают с постов, отправляют в лагерь на

перевоспитание.

Ефим ни в чем не признается. Ему уже удастся выйти на связь с родственниками в Советском Союзе, и он узнает, что мать умерла, а сын младшей сестры назван именем деда – по еврейскому закону это означает, что отца Ефима нет в живых. Ни слова о сестре Гите.

Шриро ищет пути вызволить семью Крук за границу, и наконец разрешение на выезд получено. Семья Крук покидает Шанхай. Их провожают немногочисленные друзья, шахматисты, бывшие сослуживцы, родители Норы. Послужной список Мариана Кулеша – редактор советской газеты, директор советской школы, не способствует его переезду на Запад. Родители Норы решают остаться в Китае. Отец устраивается в китайский университет преподавателем русского языка. К нему очень хорошо относятся, но Нора волнуется – что будет дальше? Родители внезапно кажутся ей старыми и беспомощными. Как бы то ни было, шанхайский период жизни Норы завершен. Ефим и Нора проживут еще шестнадцать лет в Гонконге, Ефим будет работать на достаточно высоком положении в американской фирме, Нора будет вести колонку «Petal Point» в гонконгской газете, организует женский клуб «Toast Mistress Club». Здесь выйдет первая книга стихотворений Норы Крук, «Even Though» (Hong Kong, 1975).

В 1976 году семья Крук покинет Гонконг и переедет в Сидней. Но Китай останется в памяти Норы навсегда, вместе со стихотворениями, написанными в Шанхае и затем в Сиднее, когда она будет вспоминать и понимать заново годы жизни в русском Китае.

Полутона (polutona.ru)

В МОИХ СТИХАХ ВЕСЬ СМЫСЛ КАК НА ЛАДОНИ

Глина

Плохие дни напоминают
неудачные горшки
испорченные огнём –
покарябанные, треснувшие изделия.
Ряд за рядом, ряд за рядом...

Фудживара ^[*],
живая национальная драгоценность Японии,
работает с черной Бизанской глиной,
зажигает кильт охапками нарубленной хвои,
читает стихи,
гуляет среди деревьев,
мыслит,
живет в безопасности.

Наша глина другая – напряжена.
Трудная, иногда рассыпающаяся
даже в огне любви.

Такое желание близости соединения
почти – осмосис, и все же самость.
В цвете огней воображение
ощущает свою отделённость
и одиночество.

Плохие дни – это дни
разбитых вещей,
разбросанных беззвучными
внутренними взрывами.

* * *

Всё было – и всё забыто.
Причёсано и умыто
И трава скошена
Только кладь не сброшена.

Полу-признанья, полу-секреты,
Все мы зачем-то в тайны одеты,
Словно минированные дороги,
И вот, шагают, шагают ноги –
Ба-бах.

* Хирофуми Фудживара, японский скульптор

Крушение.

Крах.

Всё оттого, что нельзя открыться,
Выплеснуть всё – и сразу скрыться...
Только вот щель всё уже...
На дворе всегда стужа.

* * *

Шла мимо смеха
в чьем-то саду
мимо зонтов
и пустых качелей
по сухой траве
выпавшей синеве
(с облака джакаранды)
шла нехотя
под пустым небом
серым
сухим
ветер затих
только я шла
мимо чьего-то смеха.

* * *

Юность мне подарила чудесные вёсны,
Сплав застенчивой робости с верой в себя.
Были сны так легки, а печали – наносны,
Все пронзал пульс встревоженный бытия.

Озаренья, казалось. Казалось, прозренья,
За углом, за порогом – огромная жизнь
Для самоуглубления и для свершенья,
Чтоб без топи болотной, без тлена, без тризм.

Дальше рост. Из подъемов, потом опаданий
Составлялись года, накапливались года...
И однажды, в момент задушевных признаний,
Скажешь: порох не выдумать мне. Никогда.

Не создать никогда Карамазовых братьев...
Значит, ставка на Счастье, Избранья взамен?
Миру ясному, складкам беременных платьев
Отдаюсь безраздельно в пожизненный плен.

* * *

*Я когда-нибудь все скажу
Моему любимому Богу,
И направлюсь в далекий путь
На невидимую дорогу.
Впереди бушует закат.
Что же будет со мной – прощенной?
И непонятой, и чужой,
и поверившей, и бездонной...*

* * *

*Как разобраться в прошлом?
Прошлого было много,
И возникали зовы:
радость, любовь, тревога.*

*И рассыпалась вера,
И обжигала жажда...
Можно к любви тянуться
и полюбить дважды,
и разлюбить можно,
и пожалеть тоже...
то ли себя, то ли...*

*Вырвалась из неволи
и собирай крохи...
Где-то металась сполохи.
Будущего?
И вдруг... Замкнулся круг.*

*Была долгая жизнь,
Значит – счастливая...*

* * *

*Бывает ночь, когда мне тридцать лет...
Ну, пятьдесят – да ведь не в этом дело!
А в том, что ночью закипает бред,
И молодеют и душа и тело.
И радость расцветает, как сирень,
Считаю лепестки, смеюсь и плачу.
Я не сумела удержать тот день,
Не верила, что я его утрачу.*

* * *

*В моих стихах
весь смысл как на ладони
хотя ладонь моя
полна секретов
все эти линии
следы агоний
и ожиданий
роковых ответов.*

* * *

*Стихи по-русски — часто о прошедшем.
Оно всплывает на реке времен,
И делается болью об ушедших,
Но день восходит светом озарен,
А на сегодня — кто я?
Я не знаю.
Кого любила и кого ждала,
И может быть, друзей не понимаю,
А надо мной смеются зеркала.*

Памяти Норы Крук

6 июля 2021 в Австралии, в Сиднее на 102-м году жизни скончалась поэтесса Нора Крук – Элеонора Мариановна Крук (урожд. Кулеш).

Ушла из жизни одна из самых известных поэтов русского зарубежья. Она дружила с ведущими поэтами восточной эмиграции Валерием Перелешиним и Лариссой Андерсен, была знакома с А. Вертинским. Её справедливо называли поэтом нескольких культур, куда

органично влилась и русская культура. Стихи Норы Крук вошли в антологию «Русская поэзия Китая» (Москва, 2000), публиковались в периодических изданиях России, Америки, Китая, Австралии и Израиля. В сборнике «Россияне в Азии» (Торонто) были опубликованы автобиографические заметки «Нам улыбалась Кван Инь». Автор трёх сборников английских стихов, призёр Содружества австралийских писателей

(1993) и Ассоциации австралийских писательниц (2000). Кроме того, Нора Крук переводила на английский язык стихотворения Максимилиана Волошина, Булата Окуджавы, Маргариты Алигер.

Теперь ее не стало. Остались память и стихи, и тысячи поклонников ее творчества.

Похороны состоялись 8 июля на кладбище Macquarie Park Cemetery в Сиднее.

Светлая память и вечный покой!

Мы возвращаемся в Тяньцзинь

Мина КРИМЧАНСКАЯ

Глава из книги «Мой жизненный путь. 1916 – 2007»

В 1943 году Санни было пять лет. Жизнь в Шанхае становилась все труднее. Город жил в окружении большого скопления японских войск. С большим трудом приходилось доставать продукты питания и товары первой необходимости. Обеспокоенные родители Марка писали нам, что слышали о трудностях в Шанхае, и призывали нас приехать в Тяньцзинь, где ситуация была более спокойной. Мы решили покинуть Шанхай. Получить визу было сложно. Нам приходилось снова и снова доказывать, что наше единственное желание - вернуться домой и что мы не представляем никакой опасности. Наконец нам удалось получить долгожданную визу. Мы попрощались с моей тетей и ее мужем и уехали поездом в Тяньцзинь. Борис, брат Марка, присоединился к нам. Нас было трое взрослых и один пятилетний ребенок. Долгая и утомительная поездка длилась без перерыва три дня и две ночи. Мы сидели в переполненном вагоне среди множества пассажиров, которые ехали в надежде найти хоть где-то какое-нибудь убежище. Дороги были закрыты для движения транспорта. Война была в разгаре.

* * *

Началась наша жизнь в Тяньцзине. Мы поселились в доме родителей Марка. Это был двухэтажный дом с чердаком. Родители жили внизу, мы - на втором этаже, а Борис - на чердаке. Он

предпочитал независимый образ жизни, искал работу, а вскоре решил снять комнату, чтобы жить самостоятельно и иметь больше уединения. В то же время ему хотелось приглашать к себе друзей, которых было много в городе, где он вырос. Борис был еще молод и не имел возможности проявить себя. Поскольку у него не было условий, чтобы начать учиться, он искал способ зарабатывать на жизнь. Тем временем он встретил девушку из очень хорошей семьи. Ее звали Алина Кринкевич.

Родители Алины были сионисты и притом очень необычные люди. Они приехали в Китай из Сибири, когда там уже набирала силу советская власть. Как они оказались в Харбине - это интересная история.

В Российской империи (во времена правления царя Николая I - прим.пер.) было принято похищение царскими чиновниками малолетних детей-евреев и сдача их в солдаты. Я слышала об этом от бабушки Якова, а также читала в газетах, издававшихся еврейской общиной. Малолетних еврейских детей в возрасте от 6-7 до 12 лет хватало, похищали и насильно брали в рекруты, особенно в Польшу, а затем отправляли в отдаленные губернии и в Сибирь для подготовки к солдатской службе в царской армии.

Еврейское население было наиболее уязвимым, поэтому брали в рекруты именно малолетних еврейских мальчиков. В первую

очередь принимавшие их чиновники заботились о том, чтобы как можно скорее приучить новобранцев к их новым личным данным. Они постоянно твердили: «Твое имя не Моисей или не Яков, а Владимир или Григорий, ты родился в другом месте», и.т.д. В то же время еврейские дети-кантонисты старшего возраста спрашивали младших: «Как тебя зовут?» И если кто-то называл свое новое имя, полученное взамен прежнего, они говорили ему: «Ты должен хорошо запомнить: твое настоящее имя Моисей или Яков, и ты еврей». Так, благодаря старшим, младшие дети узнавали, кто они на самом деле.

Кантонисты служили в царской армии в специальных батальонах 25 лет. После увольнения из армии они (их еще называли «николаевские солдаты» - прим. пер.), получали определенную сумму денег и начинали новую жизнь. Они также получали паспорта, что давало возможность иметь лучшие условия для открытия бизнеса. Когда настал момент получения паспортов, они хотели и просили быть зарегистрированными под своими подлинными именами. Хотя шансов на возвращение в свои родные семьи у них почти не было, им важно было оставить еврейскими и отстаивать свое право на свои подлинные личные данные. Большинство из них оставалось в Сибири, чтобы строить свою жизнь.

Так возникло очень разнород-

ное общество, в котором было много евреев. Среди этих людей были арестованные и затем сосланные в Сибирь, много интеллектуалов, военных, которые осмелились восстать или откровенно высказаться против власти, а также преступники и люди с плохой репутацией. Вслед за мужчинами приезжали и женщины.

Прадед Алины Кринкевич был одним из таких еврейских мальчиков, ставших кантонистами. После увольнения из армии он отправился в Сибирь. Там он встретил еврейскую девушку, родители которой приехали в Сибирь добровольно, чтобы развивать свой бизнес. Молодые поженились, и у них родился сын – будущий дедушка Алины. Став взрослым, он тоже женился на еврейской девушке – так родился отец Алины.

К тому времени семья Кринкевич была уже обеспеченная и хорошо устроенная. Еврейская община отличалась теплотой и щедростью. Главная задача общины заключалась в продвижении идей сионизма и в оказании помощи нуждающимся.

Отец Алины по собственной инициативе основал дом престарелых с медицинским обслуживанием. Когда в силу обстоятельств семье пришлось уехать из Сибири, они приехали в Харбин со значительным состоянием. Отец Алины продолжил заниматься бизнесом, основал Еврейскую бесплатную и дешевую столовую, не только для евреев, но и для других нуждающихся. В Харбине он пробовал развивать свой бизнес, но безуспешно. Когда Алине было пять лет, ее родители сначала переехали в Шанхай, а оттуда в Тяньцзинь.

* * *

Обе семьи – Алины и Бориса – хорошо знали друг друга по

Харбину и являлись характерными представителями еврейской общины.

Борис сразу влюбился в Алину, как только познакомился с ней. Ее отца уже не было в живых. Алина была безумно влюблена в Бориса. Она воспитывалась и выросла на русской классической литературе, и душа ее отличалась нравственной чистотой.

Между тем война продолжалась, хотя и близилась к концу. Мужчины искали любой способ принести доход в свой дом. Стало известно, что существует острая нехватка запчастей к машинам. Запчасти можно было привезти из Шанхая в Тяньцзинь и на этом заработать. Так сформировалась группа решивших поехать в Шанхай молодых людей, в которую вошли Марк и Борис, его младший брат. Борис собирался жениться, и это была его последняя перед женитьбой деловая поездка. Через неделю после его возвращения должна была состояться свадьба, а затем молодожены собирались отправиться в свадебное путешествие.

Группа молодых людей уехала, а обе семьи занялись последними приготовлениями к свадьбе. В один из дней я сопровождала бабушку Браху к ее портнихе на примерку нового платья, заказанного специально к свадьбе. Когда мы шли по улице, я заметила, что прохожие как-то странно смотрят на нас. Не понимая, в чем дело, я не придавала значения посторонним взглядам. В назначенное время мы подошли к дому портнихи и позвонили в дверь. Когда дверь открылась, я увидела, что портниха, не произнося слов обычного приветствия, глядит на нас с ужасом. Не зная, в чём дело, я прошептала бабушке на ухо: «Она, должно быть, не успела

приготовить платье к примерке», на что бабушка Браха ответила: «Я не уступлю, она должна закончить работу вовремя». Портниха, русская женщина, была явно чем-то взволнована и, не разговаривая с нами, торопливо делала последние стежки. Бабушка примерила платье и высказала несколько пожеланий. Я обратила внимание, что портниха очень нервничает и выглядит растерянной. Что с ней случилось? Я знала, что дочь и внучка портнихи находились в то время в заключении в японском лагере для интернированных, и решила, что она, вероятно, была поглощена мыслями о них. Перед уходом бабушка Браха напомнила ей, что платье должно быть готово к среде. «Да, да, конечно,» – рассеянно ответила она. Чувствовалось, что больше всего ей хотелось, чтобы мы быстрее ушли. Мы были шокированы. По дороге домой мы встретили знакомых и обменялись с ними короткими фразами. И тут опять я заметила что-то странное в их взглядах, словно им было известно нечто такое, чего мы еще не знали. Вернувшись домой, бабушка Браха сказала мне: «Надо готовиться, сегодня приезжают Марк и Борис. Мы с тобой займемся приготовлениями к их приезду; я думаю, кто-то еще приедет с ними». Действительно, я вспомнила, как несколько дней назад дедушка Яков говорил мне, что один из прихожан в синагоге в тот же самый день ожидает приезда своего брата. Тут дедушка вдруг спохватился, почему мы до сих пор не получили телеграмму и почему они не сообщают нам о времени их прибытия. Телеграфное сообщение в то время было обычным делом – ведь тогда еще не было телефонов в домах. Неожиданно дедушка Яков

встал и предложил мне выйти с ним, сказав, что он должен кое-что сделать. Мы с ним вышли из дома. По дороге дедушка сказал, что ему придется зайти к тому знакомому прихожанину из синагоги, поскольку стало известно, что брат его погиб в дороге, но сам он до сих пор не знает, как это случилось. Мое подозрение усилилось. Я почувствовала, что впереди нас ожидают дурные вести, поскольку брат этого человека был с нашими ребятами!

Когда мы вошли в дом прихожанина, я пропустила дедушку вперед и увидела, что человек, которого мы пришли навестить, сидит на полу. Мне стало ясно, что произошло, и я попятилась. Мужчина, сидевший на полу, долго смотрел на меня. Он уже знал, что тот, кто пришел утешить его, сам нуждается в утешении. Он знал. Все уже знали. Только мы не знали. Кольцо сжималось вокруг нас, страшная угроза нависла над нами. Я понимала, что произошло нечто ужасное, но все еще не знала, что именно. Марк и Борис вместе отправились в эту поездку. Что случилось? Кто пострадал? Моя первая мысль была увести дедушку Якова домой как можно скорее. Сидевший на полу мужчина смотрел на меня, а я отрицательно качала головой: он не знает! Дедушка не знает! Еще нет!

Итак, что же на самом деле произошло в тот ужасный день. Американцы приступили к бомбардировке всех железнодорожных станций на основных китайских железнодорожных узлах, чтобы воспрепятствовать передвижению японских войск. Одной из станций, подвергшихся бомбардировке, была станция Пукоу, через которую проходила транспортная артерия, соединявшая Шанхай и Тяньцзинь. К

сожалению, наши ребята оказались там, когда упала бомба. Мы слышали о бомбардировке, о том, что все разрушено, но мы не знали, кто пострадал и кто выжил. Было ясно, что расписание поездов отменено. Так прошел день их предполагаемого возвращения.

Мы с дедушкой пошли домой. По дороге я сказала ему, что не надо ничего говорить бабушке, пока мы не выясним точно, что произошло, и предложила ему пойти в Центр еврейской общины, чтобы узнать больше подробностей. Когда мы вернулись домой, бабушки дома не было. Она не могла долго пребывать в неизвестности – слухи доходили до нее, и тогда она решила позвонить в Центр еврейской общины. Не успели мы подумать, где она может быть, как вдруг увидели ее у открытой калитки в сад. Она появилась внезапно и бросилась к дому, не обращая на нас никакого внимания, пробежала в спальню и упала на кровать. Говорить с ней было невозможно. Неизвестно было, как она узнала плохие новости. Позже выяснилось, что когда бабушка пошла звонить по телефону, она встретила женщину, которая, не предполагая, что через два дня после инцидента бабушка все еще ничего не знает о случившемся, обратилась к ней со словами: «Госпожа Кримчанская, мне очень жаль слышать о том, что случилось с вашим сыном»...

Никто не знал, кто из сыновей погиб. Точной информации о том, что именно произошло, по-прежнему не было. Бабушка Браха впала в отчаяние. Еврейская община организовала встречу каждого прибывавшего в город поезда: несколько человек встречали пассажиров и пытались собрать более точную информацию. Еще оставалась

слабая надежда. Такова природа людей – продолжать верить ... Наконец пришла телеграмма от Марка, и все прояснилось.

Борис и еще два юноши-еврея из Шанхая погибли. Один из них, 18 лет, был единственным кормильцем овдовевшей матери и трех младших детей, другой – из семьи, которая едва сводила концы с концами. Трое других погибших были из Тяньцзиня: брат знакомого нам прихожанина и двое русских мужчин. Из всей группы только Марк остался в живых.

Марк по обыкновению сразу взял на себя ответственность за судьбу тел своих погибших друзей. Его беспокоило, что японцы могут начать сбрасывать тела в образовавшиеся после бомбардировок глубокие ямы, используя их в качестве общих могил. Он спешно отправил телеграммы матерям двух погибших молодых людей из Шанхая. В течение следующих трех дней, пока продолжалась бомбардировка, Марк оставался возле тел погибших и сторожил их. Это было очень опасно. Каждый раз, когда в небе появлялись бомбардировщики, он убегал в открытое поле, спасаясь от бомб, и возвращался обратно сразу после того, как самолеты улетали.

Кроме того, Марк с помощью добрых людей – китайцев, проживавших в этом районе, делал гробы из кусков досок и сломанных ящиков. Ему также приходилось настойчиво просить начальников поездов разрешить отправить по железной дороге гробы с телами семьям погибших.

Прошло несколько дней. Бабушка Браха поднялась с постели и стала просить, чтобы Марк немедленно возвращался домой, чтобы он не оставался там больше ни минуты, даже если

ему не удастся отправить тела погибших их семьям. Марк не сдавался. Ему удалось приготовить гробы и погрузить каждый из них в поезд для отправки родным. Он сделал всё, что мог, несмотря на жестокость и ярость японцев, которые всячески препятствовали ему в этом. В конце концов японцы отступили перед его упорством и позволили отправить гробы с телами погибших домой. Выполнив такой священный труд, Марк позаботился о том, чтобы уведомить семьи погибших телеграммами с указанием точных данных о дате и времени прибытия гробов в их город.

Гробы с телами прибыли к местам назначения. Самым важным для Марка было доставить домой тело брата и устроить достойные еврейские похороны. Это был очень важный поступок по отношению к родителям. В течение семи дней «шива» Алина Кринкевич, невеста Бориса, ежедневно приходила к нам в дом. Все проживавшие тогда в городе люди приходили к нам – дверь не закрывалась. Бориса похоронили на еврей-

ском кладбище в Тяньцзине. Бабушка Браха каждую неделю посещала его могилу. К сожалению, когда настало время эмигрировать в Израиль, нам пришлось навсегда расстаться с городом и с местом погребения Бориса. После коммунистической революции большинство кладбищ в Китае было разрушено, и мы так и не знаем точно, что случилось с его могилой.

Алина Кринкевич, невеста Бориса, была убита горем и не могла утешиться. Она была красивая, привлекательная, и мы все были уверены, что в один прекрасный день она встретит кого-нибудь другого, но этого не произошло. Алина так и осталась одна на всю жизнь, оплакивая смерть своего любимого жениха. В зрелом возрасте она попыталась устроить свою жизнь, однако этому браку не суждено было продлиться долго, потому что, по ее словам, не было никого, кто мог бы сравниться с её любимым Борисом. Несмотря на трагические обстоятельства, мы с Невестой Бориса очень сблизились, и наши с ней близкие отношения про-

должались на протяжении всей жизни.

Борис погиб 11 ноября 1944 года, в День Перемирия – день подписания мирного договора об окончании Первой мировой войны (1918 г.). Теперь это национальный праздник в большинстве стран, принимавших участие в войне. Стало традицией ношение бутоньерок в виде красных маков на лацкане пиджака. Для нас этот праздничный день стал трагическим днем. Каждый год в этот день, 11 ноября, я зажигаю свечу в память о Борисе.

Пер. с англ. Ц.Любман

*****

Послесловие

Автор книги Мина Кримчанская скончалась 22 октября 2007 года в возрасте 91 года и была похоронена рядом с мужем Марком. Алина Кринкевич прожила долгую жизнь. Она скончалась 3 марта 2020 года. В последний путь её провожал Санни -- Израэль Карни (Кримчанский). Вечная память!

Поиск друзей детства

ИЗРАИЛЬ, Ифат

Я разыскиваю своих друзей детства из Харбина. Мне удалось найти Таню Канцепольскую. Теперь хотел бы найти еще двух моих подруг, с которыми мы дружили до отъезда из Харбина. Это две сестры Муся и Инна Шнейдер. Они уехали в Австралию в середине 1950-х годов и поселились в Сиднее. У меня сохранилась фотография семьи Шнейдер: Муся и Инна с родителями.

Буду благодарен получить любую информацию о моих друзьях детства.

Адрес для сообщения: amnonboym@yahoo.com

Тел: 04-9530433; 052-4604000

Иоси ЯКОБСОН
yosinu@yifat.org.il

Жизнь и деятельность ИИС и ОДИК

В годы 2020-2021 деятельность Игуд Иоцей Син и Общества дружбы Израиль-Китай была ограничена условиями введенного в Израиле карантина в связи с COVID-19. Поэтому общие собрания членов обеих организаций проводились дистанционно, в ZOOMe.

Группа изучения китайского языка в период карантина продолжала свои занятия «из дома», используя ZOOM. Класс по изучению китайского языка для детей членов ОДИК в Еврейском университете в Иерусалиме также продолжал вести уроки в ZOOMe, согласно указаниям Министерства здравоохранения Израиля.

10 декабря 2020 г. состоялась лекция д-ра Эйяля Пропера, который прежде работал в посольстве Израиля в Пекине в общей сложности семь лет. В настоящее время д-р Пропер является старшим научным сотрудником и руководителем отдела изучения Китая в Институте исследований национальной безопасности. В своей лекции д-р Пропер осветил американо-китайские отношения с исторической и современной точки зрения, а также влияние напряженности в отношениях между Китаем и США на Израиль. Лекция проводилась в ZOOMe.

20 декабря 2020 г. состоялось общее собрание членов Общества дружбы Израиль-Китай, а спустя несколько дней, **23 декабря 2020 г.** прошло собрание членов Игуд Иоцей Син. В обоих случаях были представлены отчеты о деятельности ИИС и ОДИК, а также финансовые от-

четы в соответствии с требованиями закона об общественных организациях, которые представлял и пояснял аудитор Гил Гринберг. Кроме того, в связи с кончиной нескольких членов правления Игуд Иоцей Син в составе руководства нашей организации произошли изменения. На общем собрании членов ИИС 23 декабря в состав правления была избрана Милли Маков, а член правления Алекс Нахумсон был назначен вице-председателем ИИС.

26.07.2021 г. в состоялось ежегодное общее собрание членов ИИС перед Рош ха-Шана, на котором обсуждались текущие вопросы. Все собрания проходили в ZOOMe.

22 февраля 2021 г. состоялась встреча руководителей ИИС со студентами-стипендиатами, посвященная вручению стипендий. Встреча проводилась в ZOOMe.

22 марта 2021 г. состоялась лекция на тему развития интернета в Китае. Лектор сделал обзор основных различий между интернетом в Китае и интернетом на Западе и в Израиле, представил информацию об электронной коммерции в Китае и о тенденциях в китайском Интернете, а также поделился прогнозом на будущее. Лектор Амир Ром, член ОДИК, прожил в Китае несколько лет и в настоящее время является менеджером по деятельности компании FORTER в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Китае. Лекция проводилась в ZOOMe.

20 мая 2021 г. представители Игуд Иоцей Син и Общества дружбы Израиль-Китай впер-

вые встретились с новым послом КНР в Израиле Цай Руном. Встреча состоялась в Тель-Авиве, в Синагоге памяти еврейских общин Китая. Китайских гостей встречал староста синагоги (габбай) Элизер Шибек. Гостям рассказали, как создавалась Ассоциация выходцев из Китая Игуд Иоцей Син и как впоследствии было образовано Общество дружбы Израиль-Китай. Гости осматривали синагогу и слушали историю ее строительства. В ходе беседы были затронуты вопросы сотрудничества китайского посольства с ИИС и ОДИК, такие как изучение китайского языка и ознакомление китайских студентов с еврейской страной и еврейским народом. Во встрече с послом КНР в Израиле Цай Руном и сопровождающими его представителями китайского посольства участвовали от Ассоциации выходцев из Китая председатель ИИС Иоси Клейн и его заместители Яков Матлин и Алекс Нахумсон, от Общества дружбы Израиль-Китай - зам. председателя ОДИК Гал Форер и член Общества Хагай Голан. В заключение участники встречи сфотографировались на память. Встреча прошла в теплой и дружественной обстановке. Фотографии помещены на обложке обложки журнала под заголовком «Первая встреча представителей ИИС и ОДИК с новым послом КНР в Израиле Цай Руном»: в молитвенном зале; за дружеской беседой; посол и сопровождающие его лица; гостям показывают арон-кодеш; участники встречи перед зданием синагоги.

Новый посол КНР в Израиле

В январе 2021 года в Израиль прибыл новый посол Китайской Народной Республики Цай Рун. 21 апреля 2021 года в резиденции президента посол КНР в Израиле Цай Рун вручил верительные грамоты президенту Израиля Реувену Ривлину.

Посол Цай Рун имеет степень магистра права. До прибытия

в Израиль он был послом КНР в Португалии, занимал ответственные посты в Министерстве иностранных дел КНР и

китайских представительствах в других странах. Г-н Цай Рун родился в 1967 году в Китае, в провинции Шаньдун. Он женат.

Авраам (Эйби) ФРАДКИН

1923 – 2021

6 февраля 2021 года в Тель-Авиве в возрасте 97 лет скончался один из старейших членов ИИС Авраам (Эйби) Фрадкин.

Фрадкин родился в 1923 году на Украине. Год спустя родители уехали с ним в Китай. Его детство и юность прошли в Шанхае. Он окончил Университет Св. Иоанна (St. John's University) и в 1947 году уехал в США продолжать образование в Калифорнийском университете в Беркли. По окончании университета в мае 1949 года Фрадкин приехал в Израиль. Он служил офицером в научном подразделении израильской армии в Институте им. Вайцмана.

После демобилизации Фрадкин был принят на работу в израильскую топливную корпорацию

«Дэлек», в которой прослужил 36 лет. В 1988 году он вышел в отставку с поста помощника генерального директора и руководителя коммерческого отдела. Свой богатый жизненный опыт Эйби обобщил в книге «Периоды цикла» (“Periods of the Circle”), написанной на иврите и вышедшей в свет в 1990 году. В течение последующих двадцати лет Фрадкин переписывался с целым рядом мировых высокопоставленных лиц по вопросам, касающимся отношения к Израилю и поддержки еврейского государства. Он живо откликался на те или иные события в Израиле и диаспоре, писал статьи и письма.

Когда в 1992 году были установлены дипломатические от-

ношения между Израилем и Китаем, Фрадкин стал одним из основателей Общества дружбы Израиль-Китай, дважды, в 1992 и 1994 гг., выезжал в Китай в составе делегации по приглашению Китайской Ассоциации дружбы с зарубежными странами. Он был членом правления Игуд Иоцей Син, много жертвовал на ИИС, активно участвовал в жизни нашей ассоциации. Его статьи печатались в «Бюллетене».

В 1998 году Эйби Фрадкин с сыном и дочерью отправились в Шанхай и посетили места, связанные с прошлым их семьи. До последнего дня он поддерживал связь с земляками, с Игуд Иоцей Син.

Да будет светла его память!

Новый Харбинский музей еврейской музыки открылся для посетителей

После двух лет исследований и сбора экспонатов для экспозиции в Харбине открылся Музей еврейской музыки.

В музее представлены предметы иудаики, исторические фотографии еврейских музыкантов и еврейских оркестров Харбина, коллекции записей песен на идиш, английском и иврите, а также канторских песнопений, некоторым из которых 100 лет, видеозаписи, тексты песен, мелодии и ноты. В настоящее время власти рассматривают предложение о создании сада скульптур, изображающих библейские музыкальные инструменты, на большой лужайке между филиалами музея.

Музей еврейской музыки в Харбине расположен в специальном крыле помещения Харбинского музыкального музея, который занимает весь первый этаж нового здания городской оперы, расположенного на северном берегу реки Сунгари. Рядом с Музеем еврейской музыки была

выделена обширная площадь для офисов Ассоциации еврейской культуры в Харбине, Китайско-израильского исследовательского центра, основанного в 2002 году в Хэйлунцзянском университете профессором Даном Бен-Канааном, и для его большого архива еврейской истории в Харбине и Китае.

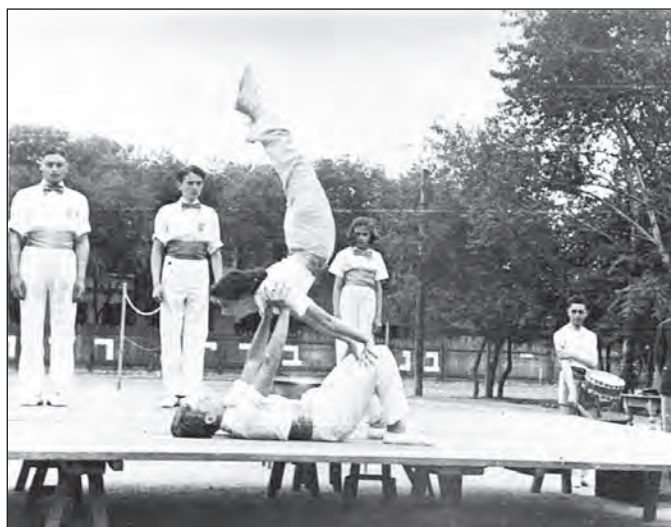
Ассоциация еврейской культуры в Харбине была основана в 2014 году г-жой Лян Иша, женой Дана, с целью распространения информации и публикации книг по еврейской истории Харбина. Ассоциация еврейской культуры в Харбине поддерживается и финансируется правительством Харбина. Среди книг, изданных при содействии Ассоциации, -- «Еврейское присутствие в Харбине. Краткие исторические заметки», выпущенная в 2018 году издательством “China Education Press”, и “Обзор целей и действий Китайско-израильского центра исторических исследований”. Книга «Эхо Харбина.

Размышления о пространстве и времени исчезнувшей общины в Маньчжурии» будет опубликована в 2022 году. Эта книга, ставшая плодом исследования, продолжавшегося более 15 лет, раскрывает новые подробности истории еврейской общины в Харбине. Последние две главы книги рассказывают о китайском восприятии еврейского народа и политике китайского правительства в отношении иудаизма. Книга объемом более 1 000 страниц будет опубликована на английском и китайском языках в 2022 году. Еще одна книга, которая будет опубликована, посвящена еврейскому и израильскому образованию и будет издана на китайском языке для читателей в Китае.

Экспонаты нового Харбинского музея еврейской музыки были переданы в дар профессором Даном Бен-Канааном из его большого архива.

Спортивное общество «Маккаби»

г.Харбин, 23 июня 1940 г.

Клуб «Маккаби» был создан в середине 1920-х гг. и просуществовал с перерывами до 1945 г.

איגוצ'י שהיה אחראי על החטיפות^[31], נשלח לחרבין מפקד משטרה בשם קאואמורה שהבין את חינויותם של היהודים במנצ'וריה הן כגורם מפתח כמו גם את הנזק שנגרם ליפן כתוצאה מהתעמולה שהופצה בגלל היחס ליהודי חרבין.

ה. קשריו של ד"ר קאופמן עם הקולונל יסואה

אחת הדמויות יוצאת הדופן באווירה האנטי יהודית היפנית באה מכיוון בלתי צפוי. הקולונל^[32] Senko Yasue, מי שתרגם בעבר את "הפרוטוקולים של זקני ציון" והיה אחד מהמומחים לענייני יהודים" בקר בפלסטינה בשנת 1928. הוא נפגש עם מנחם אוסישקין וכן גוריון ומביא משם דרישות שלום לד"ר קאופמן^[33]. כאן נוצר הקשר הראשון בין ד"ר קאופמן ליסואה שיתחזק עם הפיכתו לאיש הקשר עם שלטונות טוקיו. יסואה מקבל דרגת קולונל שתפקידו להחזיר את האטרקטיביות של מנצ'וריה כאזור תעשייתי פורה לקדמותה וליצור אוירה נוחה ליהודים במקום. יסואה סייע לד"ר קאופמן במשך תקופה ארוכה בפתרון קשיים שהתעוררו בין השלטון היפני והקהילה היהודית. הוא היה אחד התומכים בתוכנית פוגו לישוב פליטים יהודים במנצ'וריה והוא זה שהביא לסגירת העיתון הרוסי האנטישמי "נאש פוט" ב-1937. ב-1937 פרצה מלחמת סין-יפן בה נכבשה סין למעט האזורים הבינלאומיים והאקסטרטוריאליים בהם חיו יהודים. יחסה של יפן ליהודי חרבין משתנה: היפנים מבינים את חשיבותם של היהודים לכלכלת האזור כמו גם את יכולת ההשפעה שלהם על התקשורת בעולם ובמיוחד בארצ"ב. "תור הזהב" היחסי בין יהודי חרבין ליפן מתרחש כמקביל לתחילת הגעת הפליטים מגרמניה ב-1937.

המשך בגיליון הבא

[31] ת. קאופמן, עדות בעל-פה (רמת-גן: מרץ 1997).

[32] קולונל Norihiro (Senko) Yosue נולד בשנת 1885 למשפחה סמוראית. חונך בבית הספר לקדטים ואחר כך לימד רוסית בבית הספר לשפות זרות בטוקיו. שרת בצבא היפני בסיביר, עבד צמוד לקצינים רוסים לבנים וכך התוודע לבעיה היהודית. הוא כוון על-ידי הגנרל Shirikowa ללמוד את נושא היהודים, תרבותם ותולדותיהם עד שהפך למומחה בנושא. הוא אישית התנגד לפעילות האנטישמית של גרמניה הנאצית וקיווה שעזרה ליהודים תסייע ותקדם את האינטרסים של יפן.

[33] D. Kranzler, Japanese Nazis and Jews, (New Jersey: Ktav Publishing House, 1962) p. 20733

הגבוהה והייתה זו הזדמנות להביאם למקום לאור מצבם הקשה באירופה, תמך ברעיון נשיא מסילת הרכבת של דרום מנצ'וריה, YOSUKA MATSUOKA, (לימים מיניסטר החוץ היפני). אישים נוספים שתמכו ברעיון היו: NAOKI HOSHINO, NOBUSUKE KISHI שהפכו ב-1939 לחברים בממשלת יפן. "גישתו של איוקווה הייתה שהיהודים הם עשירים והרי הדבר ידוע עוד מתקופת עזרתו של שייף למלחמת רוסיה יפן (1905) בנוסף תביא השפעתם על הממשל האמריקאי לשינוי עמדת הממשל ביחס ליפן^[26]". בכדי לממש את הרעיון צורפו למתכננים "המומחים לעניין היהודים" שהפכו ליועצים בכירים בתוכנית שהחלה להירקם. על התוכנית כותב בהרחבה טוקייר בספרו^[27] "THE FUGU PLAN". תוכנית פוגו היא להקים שטח יהודי מתחרה לשטח שהקצתה בריה"מ באזור בירוביג'אן.

וכך מתחילה בשנת 1936 התקופה השנייה ביחסי יהדות חרבין והשלטון היפני, שיפור שנמשך עד פרוץ המלחמה באוקיאנוס השקט ב-12.41.7. למרות זאת הופיעו ביפן כתבים אנטישמיים וכן חתמה יפן על הסכם האנטי-קומוניטרן עם גרמניה בשנת 1936. להסכם הייתה השפעה מזערית על יחסה של יפן כלפי היהודים פרט לפיטורי מספר אקדמאים יהודים ביפן.

ד"ר קאופמן אינו מקדיש בעיתונו שום מאמרים או כתבות בנדון. לשאלתי את מר תדי קאופמן, בנו, מדוע אין התייחסות בעיתון שערך אביו ב"ברייסקאיה ז'ז'ון" לנושא, אמר מר תדי קאופמן שאביו התנגד לתוכנית בירוביג'אן או כל תוכנית אנטי ציונית. ד"ר קאופמן היה ציוני שכל חייו שאף להגיע לארץ ישראל. הוא לא התמקם בחרבין לצמיחות אפילו בית לא קנה במקום וחי בשכר דירה^[28].

משימה נוספת שעמדה בפני השלטון היפני הייתה השתלטות על המסילה וביטול ההשפעה הסובייטית במקום (מניעת תעמולה קומוניסטית). ב-1934 נמכר הזיכיון^[29] על המסילה ליפנים תמורת 170,000,000 ין לאחר הפעלת לחץ על המנגנון הסובייטי. את המו"מ למכירת המסילה ניהל סנפו סוגיהרה^[30], חסיד אומות העולם, שחי בזמנו בחרבין והיה דובר רוסית. עם מכירת המסילה חזרו 20,000 מעובדי המסילה לבריה"מ. רבים מהם יהודים שנענו להבטחות הרפטריאציה של השלטונות הסובייטים, עם שובם הוכנסו רובם למחנות עבודה סובייטים. עזיבתם השפיעה גם היא על כלכלת חרבין ועוררה שוב את דאגתם של היפנים.

ד. החלפת מפקד המשטרה היפנית

בדצמבר 1935 הגיש Shoshiro Sato, הקונסול הכללי של יפן בחרבין, לשגריר היפני במנצ'וריה דו"ח בו הוא מדגיש את הצורך המיידי בשינוי מדיניותה של יפן בחרבין כלפי היהודים, במקום

[26] D. Kranzler, Japanese Nazis and Jews, (New Jersey: Ktav Publishing House, 1962) p. 214-217.

[27] M. Tokayer & M. Swartz, The Fugu Plan, (New York & London: Paddington Press, 1979)

[28] ת. קאופמן, עדות בעל-פה. (רמת-גן: מרץ 1997)

[29] H. Dicker, Wanderers and Settlers in the far East (New York: Twayne Publishers, 1962) p. 42.

[30] סנפו סוגיהרה חסיד אומות העולם. בזמן מלחמת העולם ה-II שימש כקונסול יפני בליטא והנפיק אשרות מעבר ליהודים עד 1940 תוך סיכון עצמי רב. הוא לא קודם בתפקידיו בשל מדיניותו האנטי נאצית.

ברצוני להודות לכם מקרב לב על התמיכה והנתינה שהענקתם לי בזמן שירותי הצבאי. תרמתם לי מאוד לחיזוק הקשר לשורשיי. זו גאוה גדולה עבורי להשתייך לאיגוד יוצאי סין!
איריס ליובמן, נכדתה של צציליה ליובמן

והקהילה האשכנזית, ברובה ממוצא רוסי, שאנשיה היו חסרי אזרחות.

כאשר מחמיר מצבם של יהודי חרבין בורחים רבים לערים בהן ישנן רובעים בין-לאומיים (בעיקר לשנגחאי) ומספרים על הנעשה בחרבין. נציגי הקהילות היהודיות בשנגחאי מר ניסן בנימין עזרא והרב אשכנזי פונים אל השלטונות היפנים בעצמות ומחאה מעל העיתון "ישראל מסנג'רי" בדבר מצבם הקשה של יהודי חרבין ויחסו הקשה של מפקד המשטרה אל יהודי העיר. מר עזרא בעצמו יצא ב־24.8.1934^[20] לטוקיו לביקור במשרד החוץ שם הובטח לו כי ינקטו צעדים למניעת הפרות חוק בעתיד.

ה. פרשת יום הכיפורים

פרשה נוספת שהעיבה את מערכת היחסים בין היפנים לקהילה היהודית, הייתה פרשת יום כיפורים. ב-7 באוקטובר 1935, יום הכיפורים, פשטו שוטרים יפנים על ביתו של הרב כיסיליוב^[21] ועל ביתו של ד"ר קאופמן בתואנה כי הגיעו שמועות על הסתרת נשק והימצאות עיתונות עוינת לשלטון. תדי קאופמן סיפר כי היה חולה באותו יום והז'נדרמים נכנסו לבית, הפכו כל חפץ אבל אביו לא התיר לשוטרים להוציאו מהמיטה.

«A part of the problem was the lack any effective voice or representation for the jews, and they were forced to deal with Eguchi, an extremely biased chief of police, and author of a slanderous report»^[22].

פעולה זו שוב עוררה את זעמם של יהודי שנגחאי על הפגיעה ביהודים מצד השלטונות היפנים. מר עזרא עורך העיתון היהודי "israel messenger" בשנגחאי פנה לעיתון "שנגחאי טיימס" ב-30.10.35 ודרש את התנצלות השלטונות על יחסם המחפיר ליהודי חרבין ופגיעה בכבוד הרב ביום המקודש ביותר ליהודים. מחאות נוספות הגיעו מכל רחבי העולם היהודי: וועד הקהילה היהודית בברטיניה פנה לשגריר היפני באפריל 1936 ומחה בפניו. מחאה ברוח זו הובאה גם בפני שגריר יפן בארה"ב. מחאה נוספת נשלחה אל המשרד "למען מהגרים רוסיים לבנים"^[23]. השלטון האנטישמי, שיתוף הפעולה בינו לבין הרוסים הלבנים, החטיפות, האיומים, והחיפושים מביאים לבריחה מאסיבית של יהודים וביניהם בעלי-הון מהעיר לאזורים שעדיין אינם תחת שלטון כיבוש יפן.

2. זרזי השינוי ביחס יפן

למרות הקשיים בהם נתקלה הקהילה חשוב לציון כי כבר בתקופה זו מתחילים ניצנים ראשונים של התקרבות בין היפנים לאנשי הקהילה בעתים של כמה אירועים שבזמן התרחשותם לא הייתה להם השפעה על עיונות השלטון.

^[20] H. Dicker, Wanderers and settlers in the far East (New York: Twayne Publishers, 1962) p.37.

^[21] בספרו של ד. קרנצ'ר ע"מ 213 מופיע שמו של הרב ליון כמי שבביתו נערך החיפוש. בבדיקה שערכתי עם מר תדי קאופמן התבררה עובדה זו כשגויה.

^[22] D. Kransler, Japanese Nazis and Jews, (New Jersey: Klav Publishing House, 1988) p. 213.

^[23] המשרד הוקם ב-1934 בחסות שלטונות יפן אליו היו כפופים חלק גדול מיהודי חרבין חסרי הנתינות. המשרד הפיץ תעמולה אנטישמית.

א. פרסום שמו של ד"ר קאופמן

כאמור בראש הקהילה היהודית בחרבין עמד הד"ר אברהם קאופמן שכבר זכה לתשומת לב השלטון היפני כשתקף ללא מורא את שלטונם בפרשת כספה. ב-1932 פקד שטפון את חרבין וגרם להרס, מוות ובדיעבד למגיפות. היפנים מינו ועדה של ארבעה רופאים שתעצור ותלחם במגיפה. ד"ר קאופמן שהיה ידוע במומחיותו כרופא למחלות אסייתיות מדבקות נבחר לצוות. הרופאים הצליחו למגר את המגיפות וזכו עקב כך להערכה רבה בקרב אנשי השלטון^[24].

בניסיון לשיפור האווירה הקשה בין יהודי חרבין ליפנים נערך ב-1935 מפגש בין ד"ר קאופמן, ראש הקהילה היהודית, לשלטונות היפנים ושלטייה החדשים של מנצ'וגו. כמפגש דנו הצדדים בדרכים לשיפור ההבנה בין השלטון החדש לבין היהודים. בעיתונות היפנית החלו להופיע כתובות בדבר יחסם הטוב של השלטונות החדשים כלפי האוכלוסייה היהודית בעיר תוך הדגשה שאין לפגוע ביהודים ושאינו לשלטונות ולא כלום כלפי אוכלוסייה שוחרת שלום זו כל זמן שהיא נוהגת כחוק.

ב. האמונה בהשפעה היהודית

שלטונות יפן היו מאוד רגישים לשמם הטוב ברחבי העולם, וחששו שפרסום המצב בחרבין בעיתון של יהודי שנגחאי שגיע גם ליהודי העולם ובהם יהודי ארה"ב ואנגליה יגרם נזק. כל זאת היות ולדעת חוגים מסוימים בקרב השלטון היפני וביניהם "המומחים לענייני יהודים" רב כוחם והשפעתם של היהודים על התקשורת הבינלאומית העולמית. הרצון היפני להשתלט על סין כולה במסגרת מדיניות "סדר חדש במזרח אסיה" הביא למסקנה כי טוב יעשו היפנים אם ישנו את יחסם ליהודים, דבר שיובייל, לדעתם, לתמיכת יהודי ארה"ב ביפן.

פרסום העצומה של יהודי שנגחאי וההדים שעוררה יצרו מפגשים בין ראשי הקהילה בחרבין ובמקביל עם ראשי קהילת שנגחאי לשלטון היפני. תוצאת המפגשים הייתה פרסום שורה של מאמרים אוהדים בעיתונות יפן על-ידי השלטון היפני בהם נטען "כי ליפן ומנצ'וריה אין שום סיבה לדכא את היהודים, וכי ההיפך הוא הנכון - המדינה מכירה בתועלת שמביאים היהודים לכלכלה"^[25].

למרות זאת עזבו כ-70% מהיהודים את חרבין ומספרם ירד מ-13,000 ב-1931 ל-5,000 ב-1935. רובם של הנוטשים היו בעלי עסקים שעסקיהם הולאמו או הופעל עליהם לחץ למכור את עסקיהם.

ג. "The Fugu Plan" - התוכנית לישוב יהודים במזרח הרחוק פרשה נוספת שהחלה להירקם ב-1934 על-ידי YOTARA SUGIMURA דוברת של יפן בחבר הלאומים הייתה כנראה בהשראת AYUKAWAS NIHON (NISSAN) INDUSTRIAL COMPANY. שהעביר את מפעליו למנצ'וריה, הבין שבכדי לפתח את מנצ'וריה צריך הון וידע. לדעתו, בואם של 50,000 יהודים מגרמניה שיתיישבו במנצ'וריה עשויה להועיל לפיתוח חבל ארץ זה. היהודים הגרמנים היו ידועים ברמתם

^[24] ת. קאופמן. עדות כעל-פה (רמת גן: מרץ, 1997)

^[25] H. Dicker, Wanderers and Settlers in the far East (New York: Twayne Publishers, 1962) p.43.

בנושאים כלכליים, פוליטיים ודתיים: זהו מבחר מכותרות מאמרי העיתון כפי שנשלחו אל מפקד חרבין:
 15.10.33 - במאמר הנושא את הכותרת "מסחר יהודי" מואשמים היהודים בסחר לא הוגן.
 16.10.33 - "חבר הלאומים" - ממנו פרשה יפן לאחר שגונתה על פלישתה למנצ'וריה מכונה בעיתון כמוסד הנשלט על-ידי היהודים.
 18.10.33 - תחת הכותרת "הימנון" מופיע הימנון השטן החוגג בנוסף לקריקטורה של יהודי ההורס את העולם.
 8.11.33 - תחת מאמר בשם "דרכי הצלה והעלאה" קורא המחבר רודזאיבסקי, לרוסים להיאבק ביהודים המזיקים.
 9.11.33 - תחת הכותרת "העם הרוסי לא מת" מוצגים היהודים כתליינים.
 14.11.33 - "היהודים רוצחי הצאר", היא כותרת מאמר נוסף העוסק ביהודים הקומוניסטים.
 22.11.33 - "היהודים והשימוש בדם נוצרים" שם מאמר אנטישמי על רקע דתי.
 בנוסף, מחתה הקהילה במכתב על כך שבמדינת חוק כמו מנצ'וגו, בה מוצהר על שוויון לכל הלאומים והדתות, מתפרסמות כתבות הקוראות לפוגרומים נגד היהודים, היהודים, כך מחו הכותבים, תרמו רבות לפיתוחה של חרבין במשך שנים השקיעו ויזמו לטובת חייה התרבותיים והכלכליים, עוד ביקשו נציגי הקהילה כי ינקטו צעדים למניעת ההפחדה של האוכלוסייה היהודית שהחלה לעזוב את חרבין. החתומים על המכתב היו רבה של חרבין נשיא HEDO, הד"ר קאופמן והמזכיר.

ג. פרשת החטיפות

באביב 1932 החל הקולונל איגוצ'י, מפקד המשטרה היפנית ששיתף פעולה עם פשיסטים מקרב הרוסים הלבנים לערוך מאסרים פיקטיביים בקרב הקהילה על "קשירת קשרים"; חטיפות ועינויים שבוצעו על ידי הרוסים הפשיסטים אירעו תוך עצימת עיניים ולפעמים אף שיתוף פעולה מצידו, בכדי להשתחרר נאלצו חברי קהילה רבים לשלם סכומי עתק ככפר.
 החטיפות נמשכו כשנה וחצי בהם אירעו 12 מקרי חטיפה מתוכם 8 של יהודים. שמות כמו שארל, קופמאן, רוזן היו אנשי עסקים שנחטפו. רק שארל שוחרר וברח מהמקום לדיירן, 4 חטופים נוספים נרצחו למרות תשלומי הכופר. העיתונאי וספה המתאר בספרו^[16] את שיתוף הפעולה בין הז'נדרמריה היפנית והחוטפים הסינים והרוסים, כינה תקופה זו בשם "תקופת טרור".
 ד"ר קאופמן נתבקש לתווך בין "כנופיות החונחוזים" (כנופיות של חוטפים סיניים) או כנופיות אחרות שהורכבו מסינים, רוסים "לבנים" ויפנים ובין משלמי הכופר. במקביל קיבל ד"ר קאופמן גם איומים על כנו הבכור. אנשי הכנופיה ידעו כי חטיפתו של הבן תביא להם כסף רב שהקהילה תשלם. לכן לווה הבן בכל שעות היום על-ידי שומר ראש ובלילה ישן הטבח המסור של המשפחה מרצונו על מפתן הבית^[17].
 המקרה הקשה ביותר היה חטיפתו של בנו של איש העסקים

יוסף כספה בעל מלון "מודרן" בחרבין וחנות לממכר עתיקות. לטענת הרוסים הלבנים אירעה החטיפה באשמתו של כספה שמכר, לדעתם, בחנותו מאוצרות בית המלוכה הרוסי השדודים. הבן סימון כספה, פסנתרן, נחטף בחסות הז'נדרמריה היפנית ב-24.8.1933. החוטפים דרשו כופר של \$ 300,000. האב סירב לשלם והמו"מ בינו לבין החוטפים התנהל לסירוגין בתקופה של למעלה מחודש בחסות קונסול צרפת. בתקופה זו קיבל האב מהחוטפים את אוזנו של הבן. הקונסוליה הצרפתית החלה לחקור את הפרשה (כספה היה אזרח צרפתי) ומסרה את שמות החוטפים למשטרה המקומית.

95 יום נמשכה החטיפה, ורק בדצמבר 1933 נמצאה גופתו של כספה בחדר בטמפרטורה של 25° צלסיוס מתחת לאפס לאחר שעונה, הוכה והורעב. הוא נורה בראשו לפני הימצאו. רק כמה מהחוטפים נעצרו היות וליפנים הייתה בעיה כיצד לטשטש את חלקם בפרשה ולזכות בכופר. שופטים סיניים ששפטו את החוטפים למוות, נאסרו על ידי היפנים שקבעו כי יש לשחרר את החוטפים "שעשו את מלאכתם הפטריוטית ברצח כספה למען איסוף כספים לקרנות האנטי קומוניסטיות"^[18]. כל אוכלוסיית חרבין (הקוריאנים, הרוסים, היפנים, הסינים והיהודים) המומה מהפרשה, ראתה בשלטון הצבאי היפני בראשות איגוצ'י אחראי לאירועים, ביום ההלוויה של סימון כספה אורגנו הפגנות והיפנים נאלצו לתגבר את כוחותיהם בעיר. המונים השתתפו בהלוויה, וקריאות כמו מות למיליטנטים היפנים נשמעו ברחובות.

הד"ר קאופמן בהספדו לפני הקבר הפתוח האשים את השלטון שעמד מאחורי הרצח. למחרת הופיעו כתבות בעיתונות האנטישמית בחרבין, בעיקר "בנאש פוט", שיש לגרש את ד"ר קאופמן ממנצ'וריה, עדים ששמעו את נאום ההספד מוסרים כי היה זה אחד הנאומים הקשים ביותר בהם הדייר קאופמן הצביע והאשים את השלטונות היפניים תוך סיכון מעמדו וחיי משפחתו. "Even a direct appeal by Dr. Kaufman to the Japanese Office of Foreign Affairs and a promise by the vice-minister, Mamoru Shigemitsu, to correct the situation had no effect"^[19].

ד. ניסיון עזרה מצד קהילה בשנגחאי
 כאשר היפנים כובשים את חרבין ב-1931, קהילות אחרות כמו זו של טיינין ושנגחאי אינן בתחום הכיבוש היפני. בערים אלה ואחרות שלטו מדינות שונות שקיבלו זיכיונות בעקבות הסכמי ננקינג ב-1842, סוף מלחמת האופיום השנייה.
 צ'נגטאו הייתה בסיס לצי הגרמני, בשנגחאי היו אזור בינלאומי ורובע צרפתי ובטיינין חיה רובע בריטי, גרמני, איטלקי, רוסי וצרפתי. היהודים שחיו בערים אלה היו בחלקם מחוסרי אזרחות או בעלי אזרחויות מערביות.

בשנגחאי חיו שתי קהילות יהודיות: הקהילה הספרדית בראשה עמדו משפחות ששון, חרדון, כדורי, בעלות אזרחות בריטית

[18] H. Dicker, Wanderers and settlers in the far East (New York: Twayne Publishers, 1962) p.97.

[19] D. Kranzler, Japanese Nazis & Jews, (New Jersey: Ktav Publishing house, 1988) p. 213.

[16] A. Vespa, "Secret Agent of Japan", (Boston:1938) p. 196-217.

[17] ת. קאופמן. "זכרונות מבית אבא" מתוך: בולטין איגוד יוצאי סין (תל-אביב: חוברת 290, 1987) ע"מ 63.

יחסו העוין של השלטון החדש

(1936 - 1931)

מרים פרידמן

היהודים במהפכה ותמיכתם בהריסת רוסיה הצארית, החלה עוד בשנים 1919-1921. צבא יפן שלקח חלק בכוחות הבינלאומיים שלחמו נגד הכוחות של המהפכה הבולשביקית, הושפע נס הוא מאנטישמיות זו. קצינים יפניים דוברי רוסית כמו: senko YASUE, korehshige inuzkua (שיזכר רבות בהמשך העבודה), HIGUCHI, NOBUTAKA, SHIODEN, אשר יקראו בהמשך "המומחים לעניין היהודים", קיבלו בתקופת שהותם בחזית הרוסית את הפרוטוקולים של זקני ציון (הפרוטוקולים תורגמו ליפנית על ידי אחדים מהקצינים כמו יסואה, ואינוזוקה). הקצינים אף כתבו מאמרים אנטישמיים בעצמם כמו פרסומו של יסואה בשמו הספרותי "THE JEWISH CONTROL OF THE WORLD": "ובו משפטים כמו:

"The bolshevik revolution is part of the jewish plot, Zionism seem to be goal of the jews, but they actually want to control the world's economy, politics and diplomacy"^[14] הם אלו שיצרו קשר עם האוכלוסייה של הרוסים הלבנים בחרבין ובראשה הגנרל KISLITSIN, לשעבר גנרל בצבא הצאר. בשרותו של קיסליטסין פעל קונסטנטין רודזאיבסקי שהיה עורך עיתונם של הרוסים הלבנים בחרבין בשם "נאש פוטי"^[15]. תחת הכיבוש היפני בחרבין מקבלת האנטישמיות תנופה משני הכיוונים. החיבור בין הרוסים הלבנים לקצונה היפנית שהאנטישמיות אינה זרה לה; העובדה שבקרב שני הצדדים פעלו גורמים שלייליים שקיוו להתעשר במהירות על חשבונם של היהודים; עליית כוחם של הפשיסטים באיטליה וגרמניה שאיפשר לרוסים הלבנים להרים קול ורצונה העז של יפן להשתלט על האדמיניסטרציה הסובייטית של המסילה (בנייה גם יהודים) ולהלאים נכסים שהיו שייכים ליהודים, כל אלו מביאים לגל של פעולות אלימות בעלות אופי אנטישמי.

ב. העיתון "נאש פוטי"

מוביל את המאבק ביהודים עיתונם של הרוסים הלבנים ה-"Nash Put" ("הדרך שלנו") בסדרה של מאמרים אנטישמיים ארסיים, שנועדו להכפיש את שמם של היהודים. הקהילה היהודית בחרבין פנתה דרך העיתון היהודי "יברייסקאיה ז'יז'ן" בעריכת ד"ר קאופמן לשלטונות מנצ'וגו החדשים על מנת שיפעלו להפסקת הפרסומים שהיו עלולים, לדעתו, להביא לידי התפרצות שתביע לפגיעה בנפש וברכוש. בפנייה הם מציינים ומביאים מספר דוגמאות, כותרות וקריקטורות שפורסמו ב"נאש פוטי" אנטישמיות

מרים פרידמן כתבה את עבודת המסטר "קהילת יהודי חרבין בהנהגת ד"ר אברהם קאופמן בין השנים 1931-1941" ממנה נלקחו הקטעים בהמשך, במסגרת לימודיה באוניברסיטת חיפה, החוג לתולדות עם ישראל, קורס: ההנהגה היהודית בתקופת השואה. העבודה בוצעה בהדרכת ד"ר בלטמן. מרים עבדה כמורה להיסטוריה, כמרכזת המקצוע וכמחנכת בתיכון האזורי בעמק חפר.

בוגרת המחלקה להיסטוריה של עם ישראל באוניברסיטה העברית בירושלים, מוסמכת לתואר שני באוניברסיטת חיפה. מרים נשואה לחברנו עו"ד דני פרידמן יליד טיאנזין. ששימש בעבר היועץ המשפטי של האגוד.

הם מתגוררים שנים ארוכות בנתניה.

1. הפעילות האנטישמית בחסות היפנים

כמסגרת מדיניות ההתפשטות היפנית כובשת יפן כשנת 1931 את מנצ'וריה. יפן לטשה עיניה למנצ'וריה בשל העמדות הכלכליות והצבאיות של חבל ארץ זה. מנצ'וריה, ארץ בעלת מרחבים, יכולה הייתה לדעת היפנים לקלוט את עודף אוכלוסייתה של יפן. זוהי ארץ בעלת אוצרות טבע כמו ברזל, פחם, גומי, צמר ושוק רחב שנפתח בפני התעשייה היפנית כאשר שווקי העולם נחסמו בפניה בעיקר עקב מדיניות של מכסי מגן והמשבר הכלכלי. כ-1929 כוחם של התאגידים היפנים אשר תמכו במשטר דיקטטורי התחזק במקביל להתחזקות השפעת חוגי הצבא בעל המגמות האימפריאליסטיות על ממשלת יפן. וכך בספטמבר 1931 פוצץ קטע המסילה בקרבת עיר המצב היפנית מוקדן. צבא קוונטונג השתלט במהירות על מנצ'וריה ללא הסכמת הממשלה. פניית סין לחבר הלאומים לא הועילה. ב-1932 הוכרזה עצמאות מנצ'וריה, כעוצר מונה פו-י והממלכה נקראה בשם "מנצ'וגו" מדינת חסות של יפן בעלת ממשלת בובות, כל המנהל היה בידי היפנים והממשלה החדשה הייתה מלווה "ביועצים" יפניים.

א. האנטישמיות של "הרוסים הלבנים"

בכדי לחזק את מאחזה בחרבין נעזרה הז'נדרמריה היפנית במנצ'וריה באוכלוסייה המקומית לרב בבריונים מקרב הרוסים הלבנים, ומקרב הסינים. התפרצויות אנטישמיות קרו בדרך כלל בהתנגשויות בין בני נוער פאשיסטי מקרב הרוסים הלבנים ובני נוער יהודי עם השמעתן של התבטאויות אנטישמיות בדבר היות היהודים קומוניסטים. מאידך נשמעו פעמים רבות מפי הרוסים הקומוניסטים מילות גנאי על היהודים הקפיטליסטים. ההשמצות "יהודי קומוניסט מלוכלך" ו"יהודי קפיטליסט מלוכלך" נשמעו תדיר, כך שהאנטישמיות שירתה גם את הרוסים הפרו־סובייטיים ובם האנטי־טוביטיים כאחד. התעמולה אנטישמית של הרוסים הלבנים בדבר חלקם של

^[14] D. Kranzler, Japanese Nazis & Jews, (New Jersey: Ktav Publishing house, 1988) p.170.

^[15] D. Kranzler, Japanese Nazis & Jews, (New Jersey: Ktav Publishing house, 1981) p.170-171.

סיים את לימודיו בתיכון, במגמת ספורט. יכולותיו האקדמיות הגבוהות, באו לידי ביטוי לאורך כל שנות לימודיו וגם לאחר מכן כמו גם כישוריו החברתיים. ערן התגייס לחיל התותחנים ודי מהר פילס את דרכו לשירות לצד בעלי הדרגות הגבוהות, בתפקידים מעניינים שונים. לאחר השחרור, ערן התגורר מספר שנים בתל אביב - בשנים אלו החל לעבוד במספר חברות מחשבים, התקרב, למד והכיר מקרוב את תחום ההייטק.

שורשיו המושבניקים, והמשפחה שהלכה והתרחבה, משכו אותו לחזור אל השורשים - וערן בחר לשוב למושב ובנה את ביתו בצמוד לבית אחותו נורית ובקרבת אימם, כרמלה. בשנים אלו המשיך לעבוד בתל אביב ונסע מידי יום אל העיר הגדולה. בחלוף השנים, עבד במספר חברות מחשבים, התנסה גם בתחום הפרסום ובמקביל למד משפטים. בהמשך, חבר אל קבוצת צעירים שהקימו את חברת ההייטק "קורטיקה". ערן האמין מאד בחברה והיה שותף לה, עד יומו האחרון.

בצד כל אלו, בשנת 2000, בעקבות אסון שפקד זוג חברים שלו, שאיבדו את ילדתם הקטנה, בת השנתיים, ממחלת הסרטן, החל ערן להתנדב בעמותת "גדולים מהחיים", אשר תומכת מטפלת ועוזרת, לילדים חולי סרטן ומשפחותיהם. כמו בתחומים אחרים שבהם עסק, גם כאן, ערן התחבר מהר מאד אל האנשים בעמותה, אל המשפחות וכמובן אל הילדים עצמם. במהרה ונדמה שבאופן טבעי, הפך ערן להיות חלק מהוועד המנהל של העמותה והיה מעורב מאד בפעולותיה. לאורך שנים, הוביל ערן מטעם "גדולים מהחיים", קבוצות ילדים חולים וכאלה שהחלימו, ב"טיול החלומות" לאורלנדו שבארה"ב. בכל פעם מחדש, היה נרגש לקראת ההכרות עם ילדי הקבוצה ולקראת ההכנות הרבות לנסיעה. ערן דאג לכל הסידורים והתיאומים בארץ ובחו"ל, עד הפרטים הקטנים ביותר. היה בקיא בכל הדרוש לכל ילדה וילד ודאג באופן אישי שדבר לא יחסר להם. הנסיעות האלו קרבו בין ערן להורי הילדים, קשרים שהפכו לקרובים מאד, ממש קשרי משפחה.

ערן היה פעיל במועצה ובמושב עמיקם, הוביל בגאווה את חגיגות ה-50 לעמיקם ולביה"ס - ואת הכל עשה בדרכו המיוחדת, המקצועית, הבלתי מתפשרת, והכל באופן אישי ומתחשב. לפני כשלוש שנים, הצטרפנו, ערן ואני, לוועד המנהל של "אגוד יוצאי סין". לשנינו נראה חשוב להמשיך ולשמור את הקשר לשורשים המיוחדים של המשפחה שלנו. היו לנו עוד תכניות ומחשבות לקדם ולעשות באיגוד...

בשנים האחרונות התמודד ערן עם מחלת הסרטן, לצערנו ביום 3.1.21 לא עמד לו כוחו במלחמה הארורה הזו. ערן נקבר בבית הקברות של "המועצה האיזורית אלונה".

ערן היה אדם של נתינה, במלוא מובן המילה, הוא ראה בכך דרך חיים. ערן הותיר לאוהביו וחבריו הרבים, צוואה רוחנית. רוח הנתינה ואהבת האדם שלו, ממשיכה ותמשיך לנשב מעל פני האדמה.

יהי זיכרו ברוך.

מתגעגעת, מילי מקוב.

מותו הפתאומי של ערן השאיר רבים בתדהמה וכאב גדולים. ערן היה "איש של אנשים", חבר אמיתי, אדם שמח, מצחיק ומוכשר, הגיע אל כולם - ילדים, צעירים, מתבגרים ומבוגרים. תמיד מצא נושא לשיחה, הכיר כל כך הרבה אנשים ודאג לשמור על קשר חם וטוב עם כולם. עבד בן דוד אהוב וחבר קרוב. זקוף, גבוה ותמיד לבוש בקפידה. בחייו הקצרים מידי, הספיק לעשות המון, היה רב פעלים "ידו בכל יד כל בו".

"איש של אנשים" אמרנו? ערן היה "מגנט", במהלך חייו, אסף אליו מאות חברים. כולם ידעו שאפשר לפנות אל ערן בכל שאלה ובקשה ותמיד תמיד תהיה אוזן קשבת ותגיע העזרה המיוחלת. לאחר מותו, סיפרו החברים הרבים, על העזרה הרבה, מסוגים שונים ובתחומים שונים, שקיבלו ממנו.

ערן נולד וגדל במושב עמיקם, בנם של כרמלה ומרה רוזן. אביו, מרה רוזן-רוזנושצ'קוב ז"ל, הגיע לבדו לארץ בשנת 1940 מחרבין. בחור צעיר, בן 25 בלבד וחדור ציונות. משפחתו, הוריו, אחותו ומשפחתה, עלו ארצה כשנה אחריו עם קבוצת עולים מחרבין שבסין. כולם יחדיו היו גרעין העולים שהקים את מושב עמיקם. המעבר מחיים עירוניים, נוחים וטובים בחרבין הקרה, לחיים על גבעת טרשים בישראל החמה - היה לא פשוט, אך העולים הציוניים ואוהבי הארץ לא נשברו, עזרו זה לזה והקימו מושב לתפארת.

ערן, שהיה הצעיר מבין ארבעת ילדי המשפחה, שעד היום גרים עם משפחותיהם (ילדים ונכדים) בעמיקם, גדל כילד מפונק, אשר תמיד היה מוקף באחיו הגדולים, אשר דאגו לו יחד עם הוריהם.

את שנות ילדותו עשה במערכת החינוך של ה"מועצה האיזורית אלונה", שאליה מושייך מושב עמיקם. במהרה התברר שערן ילד נבון מאד ובכיתה ג' הוחלט בביה"ס "להקפיץ" אותו לכיתה ד'. עם סיום ביה"ס היסודי, בבית הספר "אלונה" בעמיקם, המשיך ערן, לחטיבת הביניים בבית הספר "חקלאי" פרדס חנה, שם גם

נפתח המוזיאון החדש למוסיקה יהודית בחרבין

ספרים אודות יהדות חרבין. האיגוד נתמך ומתקצב על ידי ממשלת חרבין. בין הספרים שהוצאתם לאור נתמכה על ידי האיגוד נמצא "טביעות רגל יהודיות בחרבין: הערות היסטוריות" (Jewish Footprints in Harbin: Concise Historical Notes), וסקירה כללית של מטרות ופעולות מכון סין ישראל למחקר היסטורי. בקרוב יצא לאור הספר "הדים היסטוריים בחרבין: מחשבות והשתקפויות על המרחב והזמן של קהילה שאיננה במנצ'וריה" (Echoes of Harbin: Reflections on Space and Time of a Vanished Community in Manchuria). הספר, פרי מחקר שנמשך למעלה מ-15 שנים, מגלה פרטים חדשים בתולדות הקהילה היהודית בחרבין. שני פרקיו האחרונים מציגים את ההתייחסות הסינית לשאלה היהודית באמצעות ניתוח מעמיק של נתונים היסטוריים ועכשוויים. הספר, בן למעלה מ-1000 עמודים, יראה אור באנגלית ובסינית בשנת 2022. ספר אחר הנמצא בכתיבה עוסק בחינוך היהודי והישראלי ויצא לאור בסינית עבור קהל הקוראים כאן. המוצגים במוזיאון החדש נתרמו על ידי פרופסור דן בן-כנען מתוך הארכיון הגדול שלו.

לאחר שנתיים של עבודת מחקר ואיסוף פריטים לתצוגה נפתח השבוע המוזיאון למוסיקה יהודית בחרבין. המוזיאון מכיל עתה פריטי יודאיקה, תמונות היסטוריות של מוסיקאים יהודים ותזמורות יהודיות בחרבין, אוספי הקלטות שירים באידיש, באנגלית ובעברית וכן פרקי חזנות, מהן בנות כ-100 שנים, סרטונים, מילות זמר ותווים. הצעה להקים גן פסלים של כלי נגינה תנכיים במדשאה הגדולה בין אגפי המוזיאון נשקלת עתה על ידי השלטונות. המוזיאון למוסיקה יהודית בחרבין נמצא באגף מיוחד בתוך המוזיאון למוסיקה של חרבין, ואלה תופסים את כול הקומה הראשונה בתוך בניין האופרה החדש של העיר הנמצא בחלקה הצפוני של חרבין מעבר לנהר סונגהואה (ברוסית - שונגרי). בסמוך למוזיאון למוסיקה יהודית הוקצה מקום רחב ידיים למשרדי האיגוד לתרבות היהודית בחרבין, למכון סין-ישראל למחקר אשר נוסד בשנת 2002 באוניברסיטת היילונג'יאנג על ידי פרופסור דן בן-כנען, ולארכיון הגדול שבו להיסטוריה היהודית של חרבין וסין. האיגוד לתרבות היהודית בחרבין נוסד בשנת 2014 על ידי הגברת ליאנג אישה, אשתו של דן, במטרה להפיץ מידע ולהוציא לאור

באיגוד יוצאי סין ואגודת ידיות ישראל סין

בכיר וראש מחקר סין במכון למחקר ביטחון לאומי. בהרצאתו סיקר דר' פרופר יחסים בין ארה"ב לסין בפרספקטיבה היסטורית ועכשווית. כמו כן דן בהשלכות של המתרחש בין סין לארה"ב על ישראל.

ב-22.03.2021 התקיימה הרצאתו של מר רום אמיר, חבר אגודת ידיות ישראל סין. המרצה התגורר כמה שנים בסין, כיום משמש מנהל הפעילות של חברת FORTER באסיה-פסיפיק ובסין. בהרצאה ניתנה סקירה על ההבדלים המרכזיים בין האינטרנט בסין לאינטרנט במערב ובישראל, על המסחר האלקטרוני בסין, טרנדים באינטרנט הסיני ותחזית לעתיד.

ההרצאות התקיימו ב-Zoom.

ב-20.05.2021 נציגי איגוד יוצאי סין ואגודת ידיות ישראל סין נפגשו לראשונה עם שגריר סין בישראל החדש, מר Cai Run בבית הכנסת לזכר קהילות בסין. בפגישה נערך סיור בבית הכנסת בליווי סיפור המתאר היסטוריית הקהילות יהודיות בסין והקמת איגוד יוצאי סין, ובהמשך גם הקמת אגודת ידיות ישראל סין. במהלך הפגישה עלו נושאים הקשורים לשיתוף פעולה בין שגרירות סין בישראל והעמותות, כמו קידום לימוד שפה הסינית וקידום היכרות של סטודנטים סינים עם מדינת ישראל והעם היהודי. משתתפי הפגישה הצטלמו למזכרת.

אסיפות כלליות של העמותות כונסו בשנה האחרונה באמצעות מערכת Zoom:

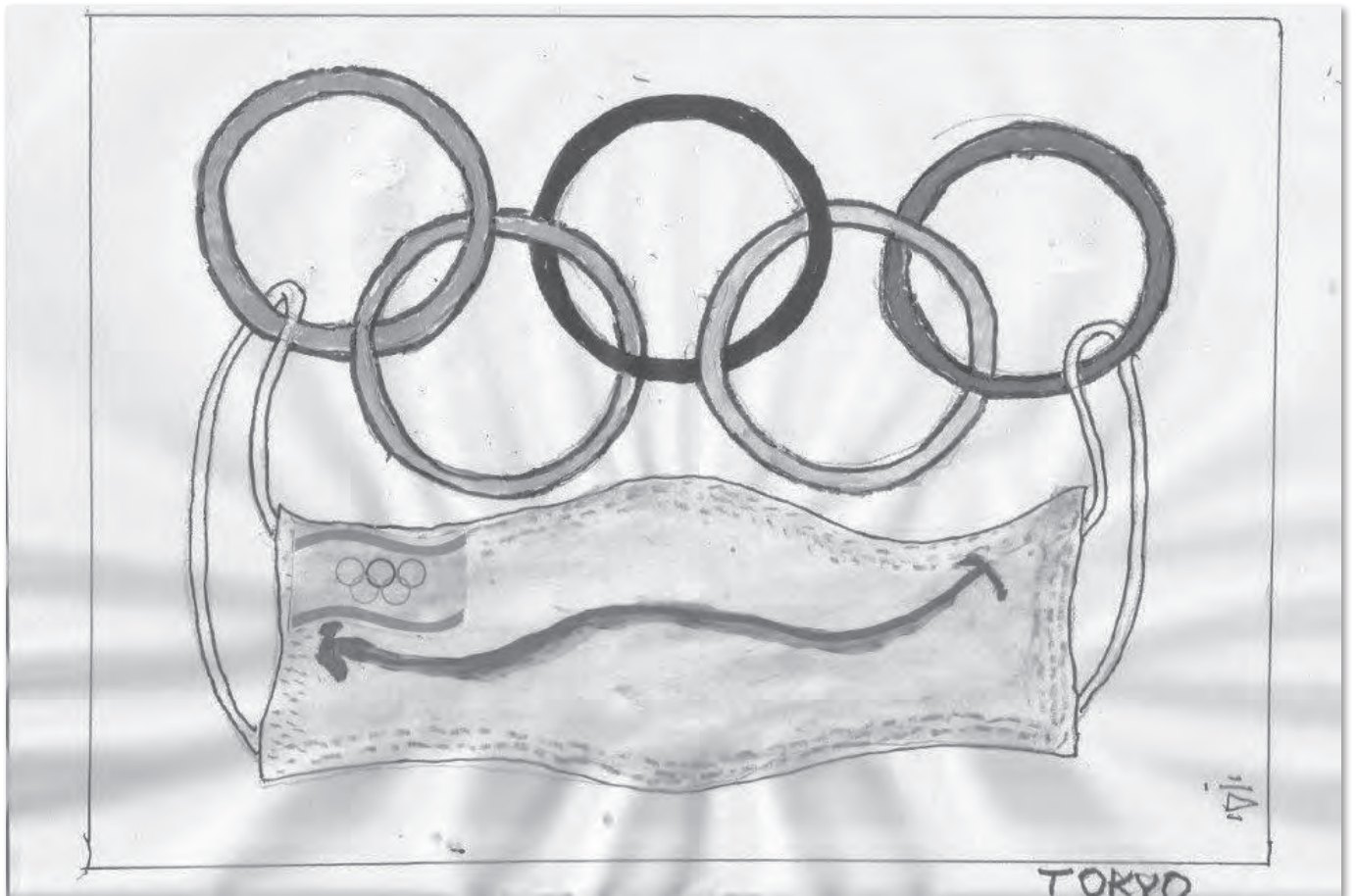
ב-20.12.2020 אסיפה של אגודת ידיות ישראל סין לשנת 2020;
ב-23.12.2020 אסיפה של איגוד יוצאי סין לשנת 2020;
ב-26.07.2021 אסיפה של איגוד יוצאי סין לשנת 2021.
באסיפות דווח על פעילות של העמותות, הוצגו דוחות מילוליים וכספיים כפי שנדרש לפי חוק העמותות. הדוחות הכספיים הוצגו והוסברו ע"י רואה חשבון של העמותות גיל גרינברג.

עקב פטירתם של כמה חברי ועד מנהל, באסיפה מ 23.12.20 נבחרה גב' מילי מקוב כחברת וועד המנהל של איגוד יוצאי סין, ומר אלכס נחומסון, חבר וועד המנהל של האיגוד מונה לתפקיד סגן יו"ר.

קבוצת לימוד שפה סינית המשיכה את מפגשיה במהלך תקופת קורונה באמצעות מערכת Zoom.

חוג ללימוד סינית עבור ילדיהם של חברי האגודה, שמתקיים באוניברסיטה העברית בירושלים גם כן ממשיך את פעילותו בהתאם להנחיות של משרד הבריאות.

ב-10.12.2020 התקיימה הרצאתו של דר' אייל פרופר, שבעבר שירת כשבע שנים בשגרירות סין בבייג'ינג, וכיום משמש חוקר

מעשה ידיו של חברינו יוסי יעקבסון

זמן קצר לאחר סיום הוועדה החלו בכירי היהודים לכתוב מאמרים בשבח הכיבוש היפני בסין בעיתון היהודי Evreiskaya Zizn (החיים היהודיים). מעודדים מהצלחת הוועידה הראשונה, התקיימה הוועידה השנייה בדצמבר 1938 והשלישית בדצמבר 1939. בכל שלושת הוועידות השתתפו הנציגים היהודים של חרבין ואנשי הצבא היפני. ההחלטות נשלחו לכל ארגון יהודי גדול ברחבי העולם והיו בעלות ערך תעמולתי גדול עבור היפנים.

לאחר הכנס הראשון הוחלט כי כל הקהילות היהודיות בסין ישולבו לאגודה אוטונומית כוללת אחת. זה יכסה את כל הבעיות הדתיות, הפעילויות החינוכיות, התרבותיות, החברתיות והכלכליות וכן תתקיים תמיכה בבתי יתומים ובטיפול בפליטים ממרכז אירופה ורישום של כל היהודים וכל הארגונים של יהודי המזרח הרחוק.^[35] בשנת 1937 הוענקה לד"ר קאופמן מדליה על ידי ממשלת מנצ'וקו על פעילותו הציבורית ובמאי 1939 הוזמן לבקר ביפן לסיוור ושיחות עם בכירים בממשל.^[36]

ד"ר קאופמן ניהל שיחות עם הגנרל היגוצ'י במיניסטריון הצבא ועם גורמים ממשד החוץ.

הוא ומנהיגי קהילה אחרים המשיכו לשתף פעולה עם היפנים עד שהאחרונים נכנעו לצבא הסובייטי בשנת 1945. ד"ר קאופמן וחברים בולטים אחרים בקהילה נעצרו על ידי הסובייטים. כולם הועברו לברית המועצות, הואשמו על היותם משתפי פעולה עם יפניים והואשמו גם בריגול נגד ברית המועצות. רבים מהם נספו במחנות העבודה, אך ד"ר קאופמן שרד כרופא מחנה. שוחרר בשנת 1956, בילה חמש שנים בגלות רוסית פנימית לפני שהורשה להצטרף למשפחתו בישראל.

ד"ר קאופמן ומנהיגי קהילה אחרים היו שותפים שלא מרצונם עם היפנים. רובם היו חסרי מדינה ולא יכלו להשתלב עם קהילות רוסיות או הקהילות הסיניות. רובם השתקקו לעזוב את סין ולעבור לפלסטינה או למערב כשהמלחמה תסתיים. למרות הכרת תודה על הבסיס הבטוח שניתן להם בסין, הבינו יהודי מנצ'וריה שסין היא רק תחנת דרך נוספת בהגירת אלפיים השנים שלהם בחיפוש אחר מקום שהם יכולים לקרוא לו בית קבע.

^[35] Dicker, op. cit., p.48.

^[36] See the interview with Dr. A Kaufman, May 1967, Document no. 03/3168, Yad Vashem Archives, Jerusalem.

וששת אלפים יהודים עברו בנמל קובה היפני בדרכם לסין ועדים אחרים.^[31] האוכלוסייה היפנית של קובה התייחסה היטב לפליטים הללו, וחלקם אף הביאו להם מתנות.

שליטי מנצ'וריה היפניים (הקיסר פו-אי המנצ'ורי מונה על ידי היפנים והיה כבובה בידיהם) הבינו שיפן תזדקק להשקעות עצומות כדי לפתח את האזור. בתחילה ניסו למשוך משקיעים אירופאים ואמריקאים. אירופה נבלעה במהרה במלחמת העולם השנייה, בזמן שאמריקה הייתה בתקופת השפל הגדול וגם לא הסתייגה מהפלישה היפנית למנצ'וריה.

אף על פי כן, מייסד ניסן תעשיות, איוקאוה ג'יסוקה, כתב מאמר שכותרתו "תוכנית להזמנת חמישים אלף יהודים למנצ'וקו". הוא קיווה שאמריקה תשקיע מאה מיליון דולר ביישובם מחדש של יהודים גרמנים אלה במנצ'וריה.^[32] בעוד המאמר שלו התקבל בעניין, תוכניתו לא יכלה להצליח אם היהודים ימשיכו לעזוב את מנצ'וריה ולקחת את הונם עימם. על מנת לשכנע אותם להישאר, מונה אלוף משנה יאסו נוריהירו לקצין הקשר הראשי של כוחות הצבא היפני במנצ'וריה. אלוף משנה יאסו התעניין בשאלה היהודית במשך שנים ואף סייר בפלסטין בשנת 1927. הוא כתב מאמרים וספרים רבים על "הבעיה היהודית". בכלם מהדהדים הפרוטוקולים, אותם לקח לספרו.

אם לצטט את המאמר הקודם שלי:

קולונל יאסו החל מיד להרגיע את האווירה ההפכפכה בחרבין על ידי השתלבות בפעילות האנטישמית של הנאצים הרוסים ועל ידי ידיות עם מנהיגי קהילה היהודית.

לדברי בנו של ד"ר קאופמן, טדי קאופמן, קולונל יאסו הפך לאורח תכוף בביתו של ד"ר קאופמן. מדבר רוסית שוטפת, לעתים קרובות היה נשאר לארוחת ערב וזן שעות על גורל העם היהודי, עתיד פלסטין ועתיד היהודים בסין. נראה כי במהרה התפתחה ידיות אמיתית בין שני הגברים הללו.^[33]

בשנת 1934 הוקמה מועצת היהודים במזרח הרחוק כגוף ייצוגי של היהודים. היא קיימה את הוועידה הראשונה של הקהילות היהודיות במזרח הרחוק בדצמבר 1937. יפן ניצחה במלחמתה נגד סין באותה תקופה ושבע מאות יהודי חרבין וכן נציגים יהודים השתתפו בכנס בטיאנצ'ין, בקובה ביפן וערים אחרות בסין. השתתפו בו גם כמה פקידים יפניים ידועים היטב, הבכיר ביותר היה הגנרל היגוצ'י, ראש השירות המיוחד (מודיעין). המנהיגים היהודים התחייבו לנאמנותם ליפן ולמנצ'וקו והודו בפומבי ליפן על התייחסותם השווה ליהודים, בעוד מדינות אחרות רודפות אותם. הנציגים היהודים סיכמו את הוועידה בהחלטה כי ישתפו פעולה עם יפן ומנצ'וקו בבניית סדר חדש באסיה.^[34] ברור כי היפנים שלטו וניהלו מניפולציות במנהיגים היהודים במנצ'וריה.

^[31] David Kranzler, Japanese, Nazis and Jews (New York, Yeshiva University Press, 1976).

^[32] Marvin Tokayer and Marty Swartz, The Fugu Plan, (New York and London, 1979), p. 52.

^[33] Zvia Bowman, "Unwilling Collaborators: The Jewish Community of Harbin Under the Japanese Occupation 1931-1945" in Malek, op.cit., pp 324.

^[34] Ibid, p. 325.

חיילים כותבים

ברצוני לומר תודה על השי לחייל. כיף לראות שדואגים לשמור על הקשר גם עם הדור הצעיר.

שנה טובה, איתי מאיר, נכד של יוסי קליין

או קמפיי, המשטרה העירונית של חרבין והמשטרה הפלילית של חרבין. חברי כל הסוכנויות הללו השתמשו בעמדתם בכדי להפחיד את האוכלוסייה המקומית ולהעשיר את עצמם. הם שכרו בריונים רוסים לבנים, סינים וקוריאנים לחטוף אזרחים עשירים לפדיון כופר. חלק מהרוסים הלבנים, שהונעו על ידי שנאתם ל"בולשביקים האדומים והז'ידי (יהודים)", הקימו את המפלגה הפשיסטית הרוסית בשנת 1925 בחרבין. כשהם מדגמנים את עצמם כפשיסטים האיטלקים, לבשו הפשיסטים הרוסים הללו מדים שחורים וסרט זרוע עם צלב קרס שחור. מנהיגם קונסטנטין רודזייבסקי וחבריו פרסמו את דעותיהם האנטישמיות והאנטי-סובייטיות בעיתון בשם נאש פוט (דרכנו) [27].

הם עמדו מאחורי החטיפה והרצח החמור של פסנתרן צעיר, סמיון קספה, בשנת 1933, שגרם לסערה בינלאומית. למרות ששופטים סינים גזרו עונש מוות על חוטפיו, היפנים עצרו את השופטים הסינים ושיחררו את החוטפים לחופשי. אוירת הפחד והקשיים הכלכליים גרמו לאוכלוסיית היהודים בחרבין לרדת לפחות מ-5,000 נפש עד 1939 [28].

מדוע איימו היפנים על היהודים בצורה כזו? רוב היפנים מעולם לא פגשו יהודי בחייהם ולא היו נוצרים, עם זאת, אם לצטט את דייוויד גודמן: "בשנות הארבעים של המאה העשרים, האנטישמיות הפכה לחלק בלתי נפרד מהמחשבה האולטרה-לאומנית שהופצה וקודמה באופן פעיל על ידי העיתונים הגדולים ביפן באישור ממשלת יפן. היא הגיעה לכל פינה במדינה" [29].

יפנים רבים האמינו כי יפן וגרמניה מנהלות מאבק יחיד נגד אויב יהודי משותף ועל יפן לגרש את ההשפעה היהודית מאסיה. ממשלת יפן ניצלה אנטישמיות בבית לאכיפת קונפורמיות (אמת מוסכמת) אידיאולוגית. היהודים הוזכרו באותה נשימה כמו האויבים הבריטיים והאמריקאים וכל שלושתם נאלצו להימחץ על ידי יפן. כמה קצינים יפניים, שלחמו לצד הכוחות הרוסים הלבנים של הגנרל קולצ'אק בסיביר בשנת 1919, הושפעו מהאנטישמיות של הרוסים הלבנים. הם קראו את הפרוטוקולים של זקני ציון - ספר אנטישמי שתיאר מזימה יהודית לשלוט בעולם.

עם זאת, המדיניות הרשמית היפנית של אנטישמיות בזמן המלחמה לא שימשה לרדיפת יהודים. ב-6 בדצמבר 1938, ועידת חמשת השרים (גושו קייגי), המורכבת מראש הממשלה, שר החוץ ושרי הצבא, חיל הים ואוצר, אימצה את שלושת העקרונות הבאים כלפי היהודים: יש להתייחס ליהודים החיים ביפן, מנצ'וריה וסין באופן הוגן ובאותה צורה כמו לאזרחים זרים אחרים. אין לעשות שום מאמץ מיוחד לגרש אותם.

יהודים שנכנסים ליפן. מנצ'וריה וסין כפופים למדיניות ההגירה הקיימת הנוגעת לזרים אחרים. אין מאמץ מיוחד האמור למשוך יהודים ליפן מנצ'וריה או סין. עם זאת, ניתן להחריג אנשי עסקים וטכנאים בזכות תועלתם לשירות יפן [30].

מדיניות זו אפשרה ל-18,000 פליטים יהודים להיכנס לשנחאי

הישרדותם כגזע. לכן, הסינים צריכים ללמוד מהיהודים ובעתיד לשלוט בכלכלה העולמית ובפוליטיקה העולמית [23]. מייסד הרפובליקה הסינית, ד"ר סון יאט-סן, חשב שהלאומנות היא הגורם לעלייתו ונפילתו של כל גזע. הוא שיבח את הציונות, מכיוון שחשב שהרוח הלאומנית של הציונות מחזיקה ביחד את הגזע היהודי.

במהלך הכיבוש היפני בסין בשנות השלושים, יהודים לא תוארו כגזע אלא כקורבנות של אפליה גזעית. בדיוק כפי שהיפנים דיכאו את הסינים, גם היהודים דוכאו במשך מאות שנים. על כל העמים המדוכאים להתאחד ולשחרר את המין האנושי בכללותו [24]. עם זאת, ספק אם ספרים ומאמרים אלה המביעים עמדות סיניות כלפי היהודים נקראו על ידי הסינים במנצ'וריה או על ידי השליט הווירטואלי, אדון המלחמה ג'אנג זו-לין.

מצבם של היהודים בחרבין הידרדר במהירות עם הכיבוש היפני של מנצ'וריה בשנת 1931. יחידות של צבא קוואנטונג נכנסו לחרבין ב-5 בפברואר 1932 וזכו לקבלת פנים נלהבת מצד הקהילה הרוסית הלבנה [25].

האוכלוסייה הסינית הייתה מפחדת וממורמת כאחד, כאשר ד"ר אברהם קאופמן, מנהיג הקהילה היהודית בחרבין, ערך קבלת פנים זהירה לכוחות היפנים. תוך מספר שבועות מועט, כל אוכלוסיית חרבין החלה לחשוש מהכובשים. הצבא היפני ראה בהצבתם במנצ'וריה הזדמנות טובה להעשיר את עצמם. בעלי חנויות מקומיות נאלצו לשלם סכומי עתק כדמי הגנה והיפנים הקימו גם בתי הימורים, מאורות אופיום ובתי בושת בכל הערים הגדולות. מפעלים הוקמו בכל רחבי מנצ'וריה לייצור מורפיום, קוקאין והראוין.

הכתב האמריקני אדגר סנואו ביקר בחרבין בשנת 1934 וכתב על כך את הדיווח הזה:

"חרבין, שפעם הייתה מהנה, הפכה כמקום חיים של מוות, העיר הנשלטת הגרועה ביותר במנצ'וריה. נראה שבשום עיר אחרת בעולם החיים אינם כה מסוכנים. תושבי חרבין, כולל 100,000 הרוסים הלבנים והאדומים, שכפופים כאן לחוקי האיש הצהוב, מסכנים את חייהם אם הם הולכים לא חמושים בכל מקום, אפילו באור יום. עיכובים, מעשי שוד, מעשי רצח, חטיפות הם תופעות שכיחות.

חלק מהפושעים הגרועים ביותר הם רוסים לבנים. חסרי כל, שבורי רוח, לא מוכנים לחזור לרוסיה תחת הבולשביקים, לא מסוגלים להתפרנס בסין תחת היפנים, הם פונים לפשע, ניזונים מדיאטת סמים, שנמכרים בגלוי, בחנויות ששורצות בעיר. בחרבין לבדה יש יותר מ-2000 חנויות מורשות למכירת אופיום, הראוין ומורפין" [26].

חרבין נשלטת על ידי תשע רשויות אכיפת חוק שונות, ביניהן טוקומו קיקאן (הסוכנות המיוחדת לסינים); הז'נדרמריה הצבאית

[23] Ibid, p. 625

[24] Ibid, p. 631

[25] See John J Stephen, *The Russian Fascists, Tragedy and farce in Exile, 1925-1945* (London. 1975) p. 61.

[26] Edgar Snow, "Japan Builds a New Colony", *Saturday Evening Post*, 206 (February 24, 1934), pp.81, 84.

[27] Stephen, op. cit., pp. 60-80.

[28] Dicker, op. cit., p. 42

[29] David Goodman, *Jews in the Chinese Mind*, (New York, Free Press, 1995) p. 109.

[30] Goodman, op. cit., p. 111

לאחר מהפכת 1917 בוטלו זכויות חוץ-טריטוריאליות אלה על ידי המשטר הסובייטי החדש. הרוסים והיהודים היו תחת שלטון סיני ונאלצו להסתגל למצב החדש. עם זאת, מבחינה תרבותית הם המשיכו לדבר, לקרוא, לחנך את ילדיהם ברוסית. נישואי תערובת בין יהודים לסינים היו כמעט בלתי ידועים.

מרבית הסינים לא יכלו להבחין בין רוסים ליהודים - כל הזרים זכו לתווית "דה ביזי וואיגו גויז" - "שדים זרים עם אף גדול". עם זאת, היהודים לא נתקלו באנטישמיות ממוקדת מצד הסינים.

אינטלקטואלים סינים רבים, שבאו במגע עם רעיונות מערביים מאמצע המאה ה-19 ואילך, נתקלו גם בכתבים וטיעונים אנטישמיים. סינים אלו חשו בסקרנות וקנאות ליהודים. מצד אחד, הואשמו יהודים בהריגת ישו ובשליטה בשווקים הפיננסיים בעולם; מצד שני, הם גורשו מארצם והיו נודדים תמידית.

לאחר שקראו את "הסוחר מונצ'יה של שייקספיר, סינים רבים חשו שיהודים הם רודפי בצע. כך תואר היהודי העשיר בשנגחאי, סילאס הרדון (1851-1931) ברומנים סיניים רבים כיהודי חסר רגש, ערמומי ורע מאוד. אשתו תוארה גם היא כאישה חומדת כסף. בהצגה יש אנטישמיות סמויה למרות העובדה שהרדון תרם לבתי ספר סיניים ונתן כסף לעמותות סיניות^[18]. סיפורים ורומנים אלו על הרדון המשיכו להיכתב זמן רב לאחר מותו, מה שמראה כי הדעות הקדומות הסיניות נגדו נמשכו ללא שינוי תחת המשטר הקומוניסטי.

האנתרופולוג הבולט, וו זלין, שחקר את יהודי קייפנג, הרגיש במשך שנים רבות שהיהודים היו בזויים, אך בעת ובעונה אחת גם ראויים להערצה וקנאה^[19]. דעותיו נחלקו על ידי אינטלקטואלים רבים אחרים בשנות ה-1920 וה-1930.

אינטלקטואלים סינים שאלו את עצמם גם: מדוע היהודים, ולא הסינים, צריכים להיות התרבות הדומיננטית בעולם? מדוע היהדות, ולא הקונפוציאניזם, היו צריכות להתקבל באופן נרחב כעקרונ המוסרי המנחה של החברה האנושית?^[20]

גיאנג גואנין שהיה בין האינטלקטואלים שתירגמו ספר גרמני שטען כי "החוק הפסיפי לא היה קוד החוק העתיק ביותר בעולם והתרבות היהודית לא הייתה העליונה בעולם"^[21], אמר שהתבוללות הקהילה היהודית (של קאיפנג) בסין הייתה הוכחה חזקה לכך שלתרבות הסינית הייתה עדיפות רבה על התרבות היהודית; ועל כן יש לה גם עדיפות על התרבות המערבית. לפיכך, פתיחת הדלת למערב לא תהרוס את התרבות הסינית המעולה"^[22].

הרפורמטור והסופר ליאנג צ'י-צ'או ראה ביהודים את הקבוצה החזקה והמשפיעה ביותר מבין המהגרים באמריקה והעריץ את

Isaac Solomonovich Fridе -^[14] ב 1909 - העלה סטוליפין את מכסת התלמידים היהודים המותרת ללמוד בבתי ספר תיכוניים ממלכתיים ל-5 אחוזים בבירה, ל-15 אחוזים ב"תחום המושב" ול-10 אחוזים במקומות אחרים. מגבלות אלה הורחבו גם לבתי ספר פרטיים. בחרבין התמונה הייתה שונה. 15 אחוז מהתלמידים בבתי הספר התיכוניים המסחריים שהוקמו ומומנו על ידי ה-CER בחרבין היו יהודים. אחוז היהודים בבתי ספר פרטיים היה 25 אחוז. במילים אחרות, כל הצעירים היהודים, שהוכשרו, יכלו לקבל השכלה תיכונית בחרבין^[15].

אסור לנו לחשוב שיהודי חרבין לא נתקלו באנטישמיות כלשהי. לאחר התבוסה המבישה של רוסיה במלחמת רוסיה-יפן בשנים 1904-05, סומנו היהודים כשעירים לעזאזל וגל פוגרומים שטף את רוסיה. יהודים רבים נהרגו, בתי יהודים ועסקים נבזזו ונשרפו. כמה קצינים רוסים בחרבין רצו גם לעורר פוגרומים נגד היהודים שם, אך למרבה המזל המפקד במקום נדארוב מנע זאת מהם.

מאז הקמתה בשנת 1898 ועד המהפכה הבולשביקית בשנת 1917, לא התרחשו פוגרומים בחרבין. האוכלוסייה היהודית פרחת תחת הממשל הסובלני של חורבט. ברמה האישית, יהודים אכן התיידדו עם רוסים והיו נישואי תערובת מסוימים בין יהודים לרוסים בחרבין.

לפני 1917 היו בחרבין 5,000 יהודים, 40,000 רוסים ו-170,000 סינים. בשנות מלחמת האזרחים הרוסית (1918-1924) האוכלוסייה הרוסית הלבנה שולשה ל-124,000 עד 1921, האוכלוסייה היהודית גדלה ל-13,000-15,000 והאוכלוסייה הסינית גדלה ליותר מ-315,000^[16].

מה חשו היהודים כלפי האוכלוסייה הסינית ואיך הייתה האינטראקציה ביניהם?

מקריאת זיכרונותיהם של תושבים יהודים לשעבר בחרבין ובשיחות עימם, ברור שלא הייתה שום אינטראקציה אמיתית בין היהודים לסינים. פרט לכמה מילים או ביטויים, היהודים לא טרחו ללמוד את השפה הסינית, והם לא העזו להיכנס לרבעים הסיניים של חרבין. הסינים היו לעתים קרובות "בלתי נראים" והיחידים שבאו במגע עם זרים היו משרתים, טבחים, עובדים או מובילי ריקשה. עובדי משק בית רבים דיברו קצת רוסית וחלקם אפילו ידעו כמה ביטויים ביידיש. לתלמידי בית הספר היו חברי כיתה רוסים או זרים ולא היה סיכוי שיהיו גם סיניים. כמה משפחות עשירות יותר שלחו את ילדיהם לבתי ספר תיכוניים בריטיים או צרפתיים^[17].

עד 1917 היו חרבין והשטחים לאורך קו ה-CES תחת ממשל רוס.

[18] Chiara Batta, "Myth and Memory" in Roman Malek, ed. From Kaifeng to Shanghai, Jews in China, (Germany, Monumenta Serica, 2000), p. 397.

[19] Wu Zelin, "An Ethnic Historian Looks at China's Jews", Sidney Shapiro, ed., Jews in Old China, (New York, Hippocrene Books, 1984),

[20] See Zhou Xun, "Youtai: A History of the 'Jew' in Modern China", in Malek, From Kaifeng, p.621.

[21] Ibid

[22] Ibid, p. 622

[14] See Evreiskaya Zizn, no.50, December 1927.

[15] Woolf, p.101

[16] Joshua A Fogel, The Japanese and the Jews: A Comparative Analysis of Their Communities in Harbin, 1898-1930. (Unpublished paper, 2000).

[17] Alexander Menquez, "Growing up Jewish in Manchuria in the 1930s", p.76-79, Israel Epstein, "On Being a Jew in China-. Jonathan Goldstein, ed. The Jews of China (New York and London, M.E. Sharpe, 2000) vol. 2, pp. 88-89.

הגבול המערבי של האימפריה". אזור זה, המכונה בדרך כלל "תחום המושב", נספח לאימפריה הרוסית בסוף המאה ה-18 בעיקבות החלוקה הגדולה של פולין - ליטא בתקופת יקטרינה הגדולה.

יהודים בתחילת המאה העשרים ברוסיה היו נתונים למגבלות שונות: צו של 1882 אסר עליהם להתגורר מחוץ לעיירות או כפרים גדולים יותר וביטל את זכותם של חיילים יהודים להישאר מחוץ ל"תחום" לאחר סיום שירותם הצבאי, כפי שעשו מ-1867. בשנת 1891 גורשו ממוסקבה מספר רב של סוחרים ובעלי מלאכה יהודים. סוחרים יהודים מ"הגילדה הראשונה" - ארגון הסוחרים העשירים ביותר - הורשו להתיישב מחוץ ל"תחום המושב", אך חוק משנת 1899 חייב אותם לקבל הסכמה פרטנית משר הפנים. בשנת 1891 נאסר גם על יהודים להשתתף בשלטון עצמי עירוני. היהודים הוגבלו עוד יותר בבחירת עיסוקם. צו משנת 1882 הגביל את מספר הרופאים או כוחות העזר היהודים בחיל הרפואה ל-5 אחוזים וגזירה משנת 1899 חייבה את כל היהודים - המבקשים להתקבל ללשכה - לקבל אישור משר המשפטים; שלא תמיד התקבל. רופאים יהודים אזרחיים התקשו לתפקד, הנוכחות היהודית בבתי ספר תיכוניים ובאוניברסיטאות הייתה מוגבלת. צו משנת 1897 קבע מכסה ליהודים בשיעור של 3 אחוזים לבתי ספר בסנט פטרסבורג ובמוסקבה, 5 אחוז לבתי ספר בערים אחרות מחוץ ל"תחום", ולעשרה אחוזים לבתי ספר בתוך ה"תחום". גרועים מהנחתת מכסות אלה, שלפחות עמדו ביחס לשיעור היהודים בחברה הרוסית, היו הפוגרומים תקופתיים, הנתמכים לעתים קרובות על ידי גורמים מקומיים או מתעלמים מהם^[5]. פיטר סטולפיין, היה שר הפנים הרוסי ויו"ר מועצת השרים של הצאר ניקולאי השני בין השנים 1906-1911, הציג הצעת רפורמה בשנת 1906 לפני שנרצח.

הרפורמה הציעה הגדלה מועטה של זכויות היהודים, אך הם עדיין היו מוגבלים במגורים בעיקר ל"תחום" ונאסר עליהם לקנות אדמות בתוך ה"תחום"^[6]. בעוד שברוסיה יהודים נחשבו לאזרחים סוג ב', במנצ'וריה הם היו שווים לרוסים. כאשר שר האוצר הרוסי, סרגיי לולביץ' ווייט שתמך מאוד בבניית ה-CER, ביקר במנצ'וריה בשנת 1902, הוא התאכזב מאוד הן ממעוט המתישבים הרוסים במנצ'וריה והן מאיכותם הירודה. המתישבים הגיעו מהמעמדות העניים ביותר; רבים איבדו את הדרך במסע או חלו מאוד. היו ביניהם גם מספר גדול של אלמנטים פיליים והשר ווייט השתכנע שעליהם להיות מרוכזים בהתנחלויות החשובות יותר וכי אין להעניק להם סיוע ממשלתי, על מנת ש"רק הטובים ביותר יבואו"^[7].

התוכניות ליישב מושבות של קוזאקים וכתות דתיות מנוגדות כמו הדוחבורים, המנוניטים והמאמינים הוותיקים במנצ'וריה נכשלו. מודע לעובדה שהמיעוטים כמו היהודים, הפולנים, ארמנים,

טטרים וגאורגים הופלו כולם ברוסיה כראוי וחיפשו חיים טובים יותר במקום אחר, השלטונות לא עצרו אותם להתיישב במנצ'וריה. ווייט והנסיך ולדימיר קוקובצוב, שהיה שר האוצר אחרי ווייט בין 1904 ל-1914, עודדו אותם להתיישב במנצ'וריה כדי לזרז את התפתחותה.

כאשר הותקף קוקובצוב על ידי כמה בכירים מהפקידות הצארית בסנט פטרסבורג ובמנצ'וריה בגלל מדיניותו הפילוסופית, השיב בכתב הבא משנת 1911:

מצד שני, לא משנה מה דעתך מנקודת מבט שלטונית על היסוד היהודי, בכל הגינות יש צורך להכיר בחשיבותם העצומה של היהודים עבור מנצ'וריה, שם הפעילות המסחרית הנמרצת שלהם במהלך השנים האחרונות ביססה היטב יצוא תבואה והבטיחה את עתיד היצוא^[8].

לסיכום, קוקובצוב היה משוכנע כי כל צמצום זכויות היהודים באזור ה-CER ישפיע בצורה שלילית מאוד על עמדת רוסיה במנצ'וריה^[9].

גם חורבט התייחס בחיוב להתיישבות יהודית במנצ'וריה. יתר על כן, 2/3 מהיהודים שהתיישבו במנצ'וריה, הגיעו מרקע רוסי ודיברו רוסית בבית. לפיכך, היה להם קל יותר להתיישב במנצ'וריה, שהייתה נקייה ממדיניות אנטישמית רשמית אך הייתה חדורה בתרבות הרוסית^[10].

בקהילה היהודית היה גם יחס מאוזן ביותר בין גברים לנשים בקרב המיעוטים האתניים של חרביין. בשנת 1913 היו 91.5 נשים לכל מאה גברים, מה שסימן את המגמה של הגברים היהודים להביא איתם את משפחותיהם^[11].

מאז 1898 ה-CER ניכסו שטחים עצומים לאורך הקו בקירין ובהיילונג-ג'יאנג. כשהמשלה הסינית התנגדה לכך, הסכם שנחתם בשנת 1907 הפחית את כמות האדמות לכ 500 מיילים רבועים. ברגע שנחתם, השיקו רשויות ה-CER הרוסית תוכנית מקיפה ליצירת עיריות סביב מרכזי אוכלוסייה ותחנות הקו השונות. כבר בשנת 1906 הונחו יסודות לערים העיקריות לאורך קו הרכבת, כדי להשלים את הממשל הכללי באזור הרכבות על ידי ה-CER^[12].

היהודים מילאו חלק חשוב בבורסת חרביין, שנוסדה בשנת 1907, ובאסיפה העירונית שנבחרה בשנת 1908. לדברי דייוויד וולף: "שבעה מתוך שלושים ושניים חברי הבורסה המקוריים שעדיין היו מעורבים בשנת 1910 (22 אחוזים) ועשרה מתוך ארבעים הגברים שנבחרו כנציגים על ידי 1696 המצביעים בפברואר 1908 (25 אחוז) היו יהודים". כעבור כמה שבועות בחרו ארבעים גברים אלה בארבעה מהם לכהן במועצה העירונית, גוף ביצוע. שניים מתוך הארבעה היו יהודים^[13]. הם היו Evsei Isaevich Dobisov

[8] Quoted in D. Wolff, To the Harbin Station, p. 102

[9] Ibid

[10] Ibid, p 194

[11] Ibid, p 194

[12] Herman Dicker, Wanderers and SETTLERS in the Far East (New York, 1962), p. 42.

[13] 13Woolf, p.100.

[5] Mary Schaeffer Conroy, Peter Arkad'evich Stolypin (Boulder Colorado. Westview Press, 1976), pp. 48-49.

[6] Ibid.

[7] See R. Quested, "Matey" Imperialists?: The Tsarist Russians in Manchuria: 1895-1917 (Hong Kong. University of Hong Kong Press. 1982). pp 102-103

עם לבדו ישכון - התפיסה הרוסית, הסינית והיפנית של הקהילה היהודית בחרבין, 1898-1945

ד"ר צביה באומן

מכללת קינג, המרכז לשפה מודרנית, אוניברסיטת לונדון

להקים קהילה יהודית רשמית של חרבין. הם הזמינו את הרב הראשון שלהם, שבל לזין שכיחן כרב ערי אומסק וצ'יטה ברוסיה לעמוד בראשה.

הקהילה כינתה את עצמה "בית התפילה היהודי" ומטרתה לספק את צרכיה הדתיים של האוכלוסייה היהודית. הרב נאלץ לנהל לידות, נישואין ופטירות ולפקח על השחיטה הכשירה של בקר ועוף. בית תפילה ומזכירות הקהילה הוקמו ברחוב Artilleriskaya מספר 6' שנקנה עם חלקת אדמה צמודה על ידי הקהילה. חברת הקבורה, "חברה קדישא", הוקמה באותה שנה ומאז ואילך כל הקבורות היהודיות התנהלו בצורה מסודרת בבית העלמין היהודי.^[2]

בזמן שהקהילה הוקמה בשנת 1903, המנהל הכללי של ה-CER הגנרל דמיטריי חורבט, אישר את תקנותיה הקהילתיות רק בשנת 1909. היא נחשבה לקהילה רחנית ללא כל זכויות שיפוטיות.^[3] בעוד שהוועדה שהוקמה במהלך המלחמה הפסיקה את פעילותה בשנת 1908, המשיכה אגודת הצדקה של נשים יהודיות להיות מוסד בולט שהתקיים שנים רבות.

בשנים 1906-1908 היו בחרבין יותר משלושת אלפים יהודים. לא כולם הגיעו מסיביר - רבים הגיעו מערי דרום רוסיה כמו אודסה וקייב ומחבל ההתיישבות.(תחום המושב)^[4]

מה משך את אותם יהודים למנצ'וריה הרחוקה ולעיירת הגבול חרבין? מדוע הם עברו את המסע הארוך והמסוכן ברחבי רוסיה וסיביר על מנת להתיישב בחרבין?

רבים השאירו את הוריהם, אחיהם ואחיותיהם, חבריהם ושכניהם מאחור כדי להתיישב במדינה פראית מלאה באוכלוסייה סינית זרה.

את רובם משך החופש וההזדמנויות הבלתי מוגבלות שהציעה להם חרבין. ואכן מעמדם במנצ'וריה היה טוב יותר מזה של רוב היהודים ברוסיה.

מצבם של יהודי רוסיה מתואר בצורה ברורה על ידי מרי שפר קונריי: "רוב היהודים בהיקף של כ-6 מיליון איש שהיו כחמישה אחוזים מהאוכלוסייה בתחילת המאה העשרים התגוררו באזורי

צביה באומן נולדה בבייג'ינג.

אביה יצחק שיקמן חי בחרבין וטיאנג'ין ומשפחת הגיעה לישראל בשנת 1968 והייתה המשפחה האחרונה שעזבה את סין.

קיבלה תואר ראשון בלימודי מזרח אסיה באוניברסיטה העברית בירושלים. תואר שני ושלישי בספרות סינית קיבלה מאוניברסיטת טורונטו, קנדה.

הייתה מרצה ללימודים סיניים באוניברסיטה העברית בירושלים. לאחר שהגיעה לאנגליה הייתה מרצה ללימודים סיניים ב-SOAS אוניברסיטת לונדון, קינגס קולג', לונדון ובית הספר לעסקים בלונדון.

חברה במועצה הבינלאומית של המכון הסיני היהודי וכעט כותבת את ההיסטוריה של משפחתה.

יהודים נדדו למנצ'וריה כדי לברוח מהדיכוי ומהפוגרומים האלימים שסבלו ברוסיה הצארית. זה החל מכמה יהודים בודדים שהגיעו בשנת 1898, ועד שנות העשרים של המאה העשרים שאז מנתה הקהילה יותר מ-13,000 איש. הם בנו בתי כנסת, בתי ספר יהודיים, בית חולים יהודי ובית לגיל הזהב והקימו ארגוני צדקה רבים. זו הייתה קהילה תוססת שעזרה לעצמה, העלתה הצעות וקונצרטים ופרסמה עיתונים משלה. הם היו מיעוט בקרב קהילה רוסית גדולה יותר, שמנתה 124,000 נפש עד 1921. הרוסים עצמם היו מיעוט בקרב קהילה סינית גדולה שמנתה יותר מ-300,000 עד 1921. שלוש הקהילות התקיימו יחד בחרבין - עיירה שנבנה על ידי רוסים ונראתה רוסית, אך הוקמה בשממה של צפון מזרח סין - מנצ'וריה.

מאמר זה ינסה לענות על השאלות הבאות:

מדוע נדדו היהודים לחרבין? האם הם התמזגו עם הרוסים או שהוטמעו על ידי הסינים, כמו היהודים בקאיפנג? איך הם נתפסו בעיני הרוסים והסינים? כיצד הם נראו בעיני היפנים לאחר הכיבוש היפני של מנצ'וריה בשנים 1931-32 וכיצד הסתדרו תחת הכיבוש? המתישבים היהודים הראשונים הגיעו למנצ'וריה בעקבות בניית מסילת הברזל הסינית המזרחית (CER) בשנת 1898-99. למרות שהיהודים לא הורשו להיות עובדי הרכבת,^[1] הם סיפקו למהנדסים הרוסים חומרי בניין לרכבת, סחורות ואוכל. בשנת 1903 גדל מספרם לחמש מאות. היהודים החליטו כי הגיע הזמן

^[2] Since all land in Harbin belonged to the administration of the CER, I assume that all plots of land were purchased from it.

^[3] See A. Kaufman. *Istoria Evreev Dalnogo Vostoka (The History of the Jews in the Far East)*, forthcoming.

^[4] See the weekly *Evreiskaya Zizn (Jewish Life)*, no. 1-2, 14.1.1938

^[1] David Wolff, *To the Harbin Station, the Liberal Alternative in Russian Manchuria 1898-1914* (Stanford, Stanford University Press. 1999), p.104

לב ארי אורי

כץ לרמן נועה

כספי אופק

כהן סתיו

כהן גל

מירזיוף אביגיל

מילר שחק

מאיר הגר

ליכמנוב אריאל

לב ארי חריטן נעמה

פיין אוראל

פאלק אריאל

סופרבסקי תומר

נחומסון שלומי

מקוב עופרי

רייס לאל

רוזנבאום (קלפוס) אוריה

קלפוס טליה

קליין רז

קייקוב רעות

שפילברג אלון

שיפרין דנה

שחף תום

שוורץ טוהר

רעם תאיר

שפילברג דן

מקבלי מלגות

22 בפברואר 2021

בן אלטבט ארז

בוטון רות

בוטון נעמי

אפשטיין אוסקר

אורנשטיין אבישג

גילעד בר

גולדינר גל

גבאי נועה

ברוש מאיה

בראגין שחרי

וגנר זיו

הימליך אלון

היימליך שיר

גרינברג תומר

גורדוסקי נטלי

זיו חן

ולברום ליהי

וינקלשטיין הראל

וולברום לטם

וגנר ניצן

יפה הרמן שירי

יעקבי שירי

ניר ניב

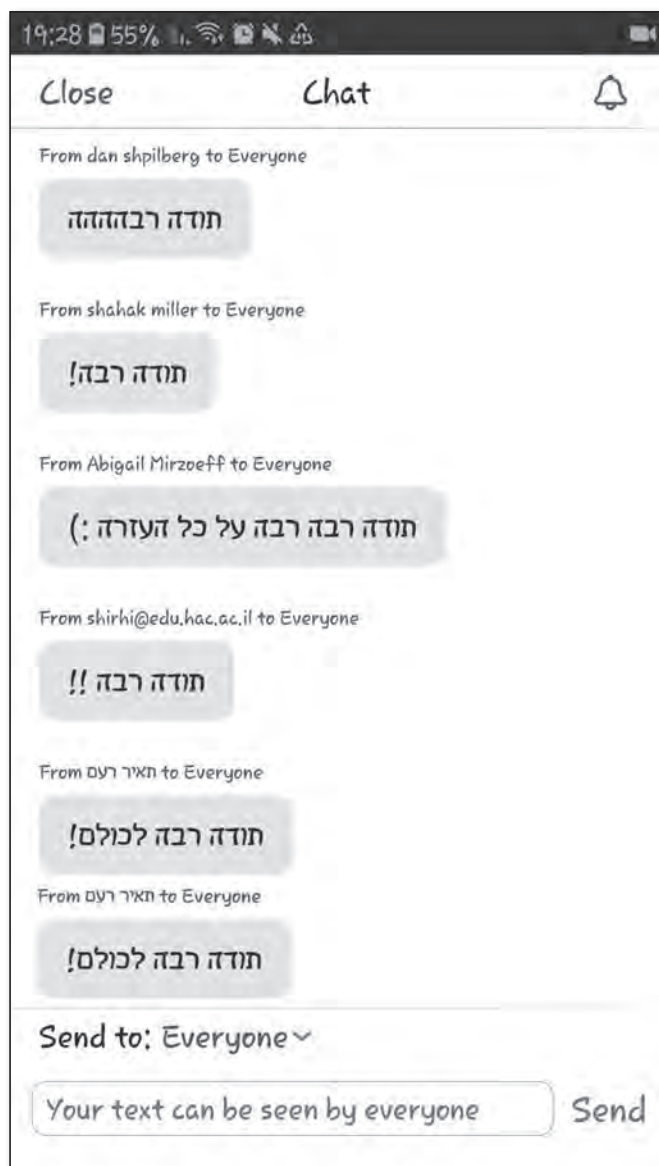

טסטס עדן

חזן רחל

סטודנטים וחברים יקרים לתשומת לבכם:

הסטודנטים/יות מתבקשים לשלוח את הבקשות למלגות כרגיל בהתאם לתנאים המפורטים באתר איגוד יוצאי סין החל מ-1.10.2021 פרטי האירוע השנתי וסכומי המלגה יקבעו בשלב יותר מאוחר. נא לעקוב אחרי הפרסומים באתר.

מפגש עם סטודנטים מקבלי מלגות

האיגוד ולהיות שותפים פעילים בחיזוק ושימור מורשת יהדות סין. בהמשך ניתנה הבמה לסטודנטים עצמם, להביע ולשתף. רגע מרגש במיוחד היה כאשר, גל גולדינר, סטודנטית למשפטים בשנה השנייה, הציגה את עצמה ואת שורשיה - משפחת טנדט והודתה לאיגוד על המלגה שלה זכתה בשנתיים האחרונות. אז פנתה אליה אחת המשתתפות, שחר, נכדה למשפחת ברגין, סטודנטית לפסיכולוגיה שנה רביעית והסבירה לגל שהן בעצם קרובות משפחה.

דני מילר, שהשתתף במפגש יחד עם ביתו שקיבלה מלגה, ריגש את כולנו בדברי התודה שלו לאיגוד.

המפגש הסתיים בברכת הצלחה לסטודנטים ובני משפחותיהם ובתקווה לחזור ולהיפגש פנים אל פנים בטקס בשנה הבאה עלינו לטובה.

בשנה האחרונה רובנו היינו מבודדים, מרוחקים מאינטראקציות חברתיות, מקשר עין, שיח ושיתוף ומהזדמנויות לבטא את עצמנו בהן וליהנות מחברתם של חברים ומקורבים.

על אף הקורונה, חשוב היה לאיגוד יוצאי סין, להמשיך ולשמור על המסורת ולקיים טקס חלוקת מלגות... אך הפעם "מרחוק" - Zoom.

המפגש הווירטואלי התקיים ב-22 בפברואר 2021. שמחנו לראות את ההשתתפות הגבוהה במפגש. מרגש היה לראות סטודנטים יושבים יחד עם סבתא או סבא והורים, מול מסך המחשב.

את המפגש פתח בדברי ברכה, יו"ר איגוד יוצאי סין, מר יוסי קליין, שסיפר לסטודנטים הצעירים על הקמת האיגוד ופעילותו לאורך השנים וגם הזמין את המשתתפים לבוא ולקחת חלק בפעילות

המלחים האיטלקיים שעמם התחברתי. המתנו לאוניות שיובילו אותנו למחוז חפצנו אך במשך יומיים לא קרה דבר.

כעבור יום, הצטוונו לרדת לחוף ולהמתין להסעה לתחנת הרכבת הראשית בעיר נאפולי. הוסבר לנו שהאוניות יגיעו אך ורק מצידה השני של איטליה ומשם נפליג לישראל. העמסנו את המזוודות בזריזות לרכב דמוי אוטובוס קטן יותר בדרכינו לתחנת רכבת, הבטתי בגעגוע בפעם אחרונה על האונייה הלבנה שהייתה ביתנו זמן ארוך ובה השארתי זיכרונות שהיו נעימים לי. נסענו בצפיפות במשך מספר דקות עד לתחנת רכבת שצבעה אפור. עזרו לנו להתמקם ברכבת בצוותא, עם היתן האות החלה הרכבת לנוע לאיטה וצברה מהירות. הבטתי מהחלון של הרכבת על רחובות נאפולי, על השדות לאורך המסלול. בסיעתנו לא התרשמתי ממה שראיתי אולי לא הספקתי לקלוט היטב. לאחר כשעה או יותר הרכבת האטה עד שנעצרה. הסבירו לי שהגענו לצידה השני של איטליה ואנו חונים בעיר ברנדיזי שיש לה נמל לעגינת האוניות. ירדנו במהירות ממש קרוב לנמל, הלכנו ברגל והחבילות והמזוודות הוסעו על עגלת שירות ממש למזח כדי להעלותם על האונייה. ראינו שמגיעה למזח אונייה לא גדולה בשייט איטי, הרבה יותר קטנה מ"אנה סאלין" שלנו. האונייה נקשרה על ידי הצוות אך לא ראיתי את שמה, שכנראה היה רשום מצידה השני. עברו מספר דקות וראינו מרחוק אונייה נוספת מתקרבת ומתמרנת להיצמד למזח במקום פנוי. רק אז ראיתי ששם האונייה "נגבה" כתוב בעברית ובאנגלית. את שמה של האונייה הראשונה לא יכולתי לברר עד שהכרוז הסביר באנגלית שחלק מהממתנים על המזח יעלו לאונייה הראשונה ששמה "קוממיות" והחלק השני יעלה לאונייה "נגבה". מישהו על המזח הקריא את שמות המשפחה וכיוון את המשפחות למקום העלייה לאונייה. כמובן שעזרו לנו להעמיס את חפצינו. משפחתי נקראה ראשונה וכוונה לאונייה "קוממיות". כשעליתי ראיתי שאוניית קוממיות לא מספיק מהודרת כמו אוניית "נגבה" אך גדולה יותר. קיבלנו תא משפחתי כמו ב"אנה סאלין" והתמקמנו. נאמר לנו שההפלגה תארך מספר ימים עד שנגיע לישראל. כמו כן, התבקשנו לשמור על הניקיון. הודיעו את זמני הארוחות והתבקשנו לא להתקרב למעקה החיצוני לצורך בטיחות. המלחים לא הסתובבו על הסיפון ולא היה לי מה לעשות. התחברתי עם ילד יהודי שהגיע כמוני מסין והעברתי את זמני בהליכות לתא שלו וחזרה. חמישה ימים על האונייה החדשה עברו מהר מאוד. למרות האיסור נצמדתי למעקה החיצוני ונהייתי לראות את האונייה "חותכת" את הגלים ומתקדמת הרבה יותר מהר מ"אנה סאלין". לשאלתי מתי נגיע נענית עוד מעט - הבנתי שגם שעתם דוחקת ולא ביקשתי פירוש לתשובה.

עבר לילה עבר יום, לפעמים ראיתי איים קטנים מהצדדים, הבנתי שאנו עוברים סמוך ליוון. לא ראיתי דבר על האיים האלו או סימן חיים כלשהו, יתכן שהיו רחוקים מאיתנו למרות שלי הם נראו ממש קרובים. למחרת הצטרף אליי ילד שהיה באוניה וגם הוא כנראה הסתקרן איך האונייה "חותכת" את הגלים כאשר לפתע שמעתי צעקה - "ילדים להתרחק מהמעקה מיד", זאת כי חברי שעמד לידי גחן מעבר למעקה האונייה כדי להביט על הגלים ולכן נשמעה הצעקה בעברית, זכרתי את המילים. לפני שעגנו בחיפה, נדדה שנתי. הסתובבתי על הסיפון למרות

החושך. בבוקר הייתי סהרורי אבל אז נוכחתי לדעת שהאונייה כבר נצמדה למזח. אנשים יצאו מתאיהם ונצמדו למעקה האונייה ממנה הורחקו אמש. נציגי העלייה הסבירו לנו שנצטרך להתפזר למקום ארעי עד שיקבע מקום קבוע.

כל אותו היום נשארנו באוניה לסיפורים אדמיניסטרטיביים ובלילה נהניתי מהאורות הבוהקים של חיפה.

תוך כדי כתיבת שורות אלו נזכרתי בשירו של חיים משה ששר על האורות של פיראוס המזכירים את חיפה. בפיראוס לא הייתי, אך הזדהיתי עם השיר. הר הכרמל היה מואר כולו באורות מהבהבים. מראה משגע ביופיו. אמנם נאמר לנו שהגענו, אך לא נוכל לרדת עד קבלת החיסונים. עם קבלתם עדיין לנו בתאים על האונייה ולמחרת ניתנה הוראה לרדת לחוף. מיהרנו לארוז את חפצינו וכשירדנו זיהיתי לימיני את האונייה "נגבה" עוגנת לידנו. סבלים עלו לאונייה לעזור להוריד את המטען. הייתי מהופנט ממראה הנוף והרציף של נמל ישראלי יהודי. חלק מהנוסעים ירדו מהאונייה כשהם רוכנים ומנשקים את הקרקע. אני רק ביקשתי מאבי שישגי לי תפוח זהב, נאמר לי שבישראל יש תפוזים ואילו בסין אין. חשתי געגועים לטעם בלתי ידוע שרק שמעתי מאבי ששהה בישראל בשנים 1925-1927 אך חזר לרוסיה בגלל קשיי התאקלמות. בארץ עבד בחקלאות ובסלילת כבישים.

ביתיים הגיעו רכבים שהסיעו אותנו ולא ידעתי לאן. הצפיפות ברכבים הייתה רבה, על כן הסקנו שהמרחק לא רב. ואכן, כעבור כרבע שעה הגענו לעיר אוהלים. מעולם לא ראיתי כמות כזו של אוהלים. ירדנו מהרכב והסבלים סחבו את ציודינו לאוהלים. הם הקריאו את שמות המשפחה ולפי השם כל אחד קיבל את אוהלו. קיבלנו אוהל שעמד בשורה ובו 6 מיטות או יותר, מיטות ברזל עם מזרן לא גדול, שולחן וכיסאות. מאחר וידענו שזה זמני לא התלוננו אך מסביב שמענו רחשים של טענות. שמחתי שדודי הלך להתקשר בטלפון ציבורי לבן דודו שחי בארץ זמן רב, היה מוותיקי המדינה ועבד כמהנדס. דודי ביקש ממנו למצוא עבורנו מקום טוב יותר. עם תום השיחה חזר ללא תשובה אך אמר שאנו חייבים לעבור הליכים שלוקחים זמן ועם סיומם יתקשר שוב. ביתיים חילקו לנו מסטינגים (כלי אוכל), סכום, שמיכות וכלי מיטה. האוכל חולק בחדר אוכל שהיה קרוב לאוהל. ואני שוב ביקשתי מאבי תפוז כפי שהבטיח. והנה רואה אני את אבי, שב אלי ובידו שני תפוזים. אחד לי והשני לאחי. הוא הסביר לי כיצד לקלוף אותו ולאפי אותו וניחוחות לא מוכרים של פרי הדר. את התפוז המקולף חילק אבי לפלחים וטעמו היה נפלא כמו בסיפורים. הייתי מוכן לאכול 10 תפוזים לו היו לי. בשעת הצהריים עמדנו בתור כמו באונייה וקיבלנו מרק בשר, סלט והמון תפוזים עד לשובע. לקחנו את האוכל לאוהל ושם סעדנו את ארוחתנו.

לקחתי לי-4 תפוזים לעצמי בלבד. אחי לקח אחד. לאחר הארוחה רחצנו את המסטינגים בברזייה ונערכנו לשינה. מאחורי הגדר של המחנה השתרע הים אך היה איסור חמור לחצות את הגדר. למרות האיסור הצלחתי להגיע לים וטבלתי את ידי במים. אבי משך אותי מהר חזרה ושמענו צעקות שאל לנו להגיע לים. למחרת, נאטם הפתח בגדר התיל ולא ניתן יותר לחצות את הגדר.

וכך החלו חיי החדשים על אדמת המולדת.

ממרחק, ראיתי חבורת נערים בני גילי בערך מתקוטטים עם נערים אחרים שבאו מסין כמוני. התקרבותי אליהם והבנתי שהריב הוא על ארגזי בקבוקים שהנערים אוספים ותמורתם אפשר לקבל חבילות שוקולד. מאחר והכרתי את הנערים, ניסיתי להפריד אך נגררתי לקטטה גם אני.

כתוצאה מהקטטה ומניסיון ההפרדה בין הרבים, קיבלתי מכה בראש מאחד הנערים, אשר ברח. רצתי אחריו והכיתי בו עד שאנשים מבוגרים תפסו אותנו ושאלו היכן הורינו. לא עניתי להם כמובן עד שסקאלוני התקרב ולקח אותי אליו תוך שהוא מרחיק אותם ממני. להבא השתדלתי לא להתקרב לחברת נערים שלא מחבורתנו כדי לא ליצור התגרות מיותרת.

הפלגנו בערך שבועיים בלי לראות פיסת אדמה רק אוקיינוס, לעיתים היה סוער אבל כבר התרגלתי ולא הרגשתי שום בחילה, וכרגיל עזרתי למלחים להרחיק מים שחדרו לסיפון ואף קיבלתי שבחים על כך. ומצידי גם היה מגיע להם צל"ש על קיומם וחבורתם עימי.

עוד מספר ימים ושוב ראיתי מרחוק אורות שהתקרבו לעברנו, המלחים אמרו שזה מיצר גיברלטר שדרכו ניכנס לים התיכון, דרך מדינות אפריקה מדרום ופורטוגל מצפון, שאלתי אם נעונו באיזה שהוא מקום, אמרו לא כי הזמנים דוחקים. המלחים אמרו שכאשר נגיע לאיטליה הם יקבלו חופשה לשבועיים לשהות במדינתם והאונייה תמתין להם בנמל נאפולי. כאשר יחזרו נפליג עמם למסלול הפלגה שונה וקצר יותר. רציתי להגיע לסוף המסלול, אך מצד שני לא רציתי להיפרד מחברי המלחים.

ביתניים המבוגרים המשועממים איתרו כמה תאים ריקים ובהם שולחנות למשחקי דומינו, קלפים ומשחקי חברה אחרים והדודים שלי הלכו לשם לעיתים קרובות. הורי העסיקו את עצמם בקריאת חוברות שהיו באוניה וטיול על הסיפון לעיתים קרובות. ים התיכון בו שטנו לא היה ים שקט. נכנסנו אליו דרך ספרד בקרבה לעיר ששמה "לסט פלנס" והעיר מדיירה הפורטוגזית. לא נעצרנו, אך חשנו באווירה אחרת המרמזת אולי על סיום הפלגתנו. להגיע לאיטליה מכאן לקח לנו כשישה ימים שקטים בסיומם הגענו לנמל נאפולי שם קרבה האוניה למזח גדול וריק, נצמדה ועגנה. המלחים הזדרזו לקשור אותה למזח בחבלים עבים כנראה לשהות ארוכה. לאחר קשירת האוניה נפרדו המלחים מאתנו ובמיוחד ממני. אמרו לי מספר מילים באיטלקית וסקאלוני במיוחד היה לבבי כלפי, ואמר לי - "אם תהיה באיטליה תבוא לבקר" ואף נתן לי מספר טלפון אך אותו איבדתי.

נשארנו על האוניה ללא צוות המלחים שעזבו לחופשה ורק אנשי השירות נותרו על מקומם. הבנו שעוד יום או יומיים יגיעו אוניות אחרות אשר יובילו אותנו לארץ ישראל - לא ידענו איך, מתי ולהיכן יגיעו. ההמתנה וחוסר מעש והתקווה לבאות עוררו בי מחשבות על העבר - על התקופה בה הייתי עדיין ילד. חזר אלי הזיכרון על שהותי בסין בבית ספר, חברי ושכני הסינים. שיננתי במוחי מספר מילים בסנינית שעדיין זכרתי היטב אך ידעתי שהן לא יהיו לי לעזר. ניסיתי להיזכר במילים בעברית שלמדתי עד כה. מחשבותיי נדדו לימים הראשונים בהם הגעתי לאוניית "אנה סאלין" ובה שהיתי למשך כמעט חודשיים. על איסוף בקבוקים ומלחמות עם נערים אחרים על מקומות מחבוא להסתרתם רם מסירתם ועל קבלת חבילות שוקולד תמורתם. מאוד חסרו לי

עם אלכס. הוריו של אלכס היו דתיים, לאביו היה זקן וכיפה שחורה ואימו חבשה מטפחת ראש. הם הביאו אותנו למישהו דתי שילמד אותנו לקרוא עברית טוב יותר ושנוכל לומר כמה ברכות ותפילה קטנה. זה היה קשה, ועשרה ימים זה פרק זמן לא ארוך. ישבתי עם אלכס שידע טוב ממני לקרוא בספר תפילה מאחר והיה ממשפחה דתית. כאשר לפי דעת המורה שלימד אותנו היינו מוכנים, לקחו אותנו לחדר אוכל קטן באוניה שם התאספה משפחה קרובה ומספר אנשים נוספים וכולם התפללו, כמובן בהפרדה מלאה בין גברים ונשים. כאשר הגיע התור של אלכס ושלי, ניגשנו לבמה שעליה היה שולחן ועליו היה מונח ספר תפילה גדול שבו קראנו, אלכס ידע לקרוא את התפילה עם ניגון יפהפה כשאביו לציידו ועוזר לו. עמדתי לציידו לבוש בהידור, קראתי מה שלימדו אותי ובנוסף נעזרתי באלכס. לפתע נזרקו לעברנו סוכריות, אנשים שמחו מסביבי ושמעתי שאומרים שזאת סגולה טובה לערוך בר מצוה באוניה.

לפי הבדיקה שערכתי במפה, התקרבונו בצעדי ענק לתעלת פנמה. הבחנתי באורות רחוקים מימין וגם משמאל. מישהו מהנוכחים על הסיפון הסביר לי שמימין אמריקה הדרומית ומשמאל אמריקה הצפונית, כמובן שתיהן נקראות יבשות בגלל גודלן ולאור ארצות קטנות יותר שמאכלסות אותן.

אנחנו עם האוניה שלנו התקדמנו ממש למרכז בין שתי היבשות הללו כאילו לפרוזדור שחותך אותן במרכז.

עבר עוד יום וליילה ובבוקר ראינו שאנחנו ממש במרכז של תעלה, אדמה מימין ומשמאל. ראינו אנשים שמאותתים לנו לשלום, כשנעצרה האוניה רצתי לחרטום האוניה, ראיתי לידנו אוניה נוספת ששטה לעבר שער שנפתח ונסגר אחריה. אנחנו עמדנו במרחק כ 50 מ' ממנה והמתנו לתור שלנו. אני עומד בחרטום האוניה כאילו בודק לאן יובילו אותנו, מאוד הסתקרנתי. כעבור שעה הגיע תורנו ונכנסו בשער גם אנחנו. היה סימן של פנס גדול והאוניה הענקית שלנו שנקראת "אנה סאלין" התקדמה לעבר שער גדול שנסגר אחרי שעברה אותו. לא הספקתי לחשוב מה עומד לקרות ולפתע מצאתי את עצמי עולה עם האוניה שהמים מעלים אותה. ראיתי וגם הבחנתי בקירות שהיו מימין ומשמאל וכאילו ירדו למטה ויד ענקית הרימה את האוניה מספר מטרים עד המעצור. עמדנו כחצי שעה ושוב נפתחו שערים ענקיים ושוב התקדמה אוניה נוספת לתוכם עד סגירת השערים האחוריים. ידעתי לפי ההסברים שאנו נתרומם בהדרגה והמתנתי לכך, לא עזבתי את חרטום האוניה כאשר הדבר קרה וכבר לא הייתי מופתע. הפעם התרוממנו לפי הרגשתי גבוה יותר כך שהיה עוד שער. אנשים על האוניה יצאו מהתאים והתבוננו. אמרו שיש עוד הרמה, אבל לא הרגשתי בכך. המתנתי במשך כרבע שעה לפתיחת השערים האחוריים וראיתי שהאוניה שלנו מתרוממת ממש לגובה הרצוי לעבר האוקיינוס האטלנטי.

סקאלוני שעמד לידי צחק, בראותו אותי צמוד לחרטום וממתין. הוא סימן לי כאילו אומר זהו נגמר, יותר האוניה לא תתרומם והוא אכן צדק. הסתכלתי מעבר לחרטום וראיתי שהמים נמצאים באותו הגובה כמו בהפלגה עד עכשיו, במקרה הים היה רגוע והתקדמנו מאד לאט.

ההפלגה שקטה ונעימה, מזג אויר נעים רוב הזמן ואני על הסיפון בחברת סקאלוני וחבריו המלחים. לפתע שמעתי רעש וצעקות

ראיתי שהיה ביניהם מלח שהיה מוכר לי אך לא ניגשתי אליו על אף שהייתי מסוקרן מאוד לברר מה הכיל המטען שנזרק לי. למחרת ניגשתי לאותו מלח שהיה ליד הסירות ובדק אם החבלים שלהם מחוזקים היטב, ניגשתי אליו והוא שם את ידו על ראשי ושאל כמה בקבוקים אספתי. אמרתי לו זה שטויות יש לי מספיק שוקולדים. הוא הבין אותי. ואז שאלתי אותו מה הדבר הזה שזרקתם אותו לי? הוא החזיר לי בשאלה, מה ראית? עניתי - "ראיתי הכל" ואז ענה לי, זרקנו גופה של זקן שחלה ונפטר ואין לו משפחה ואין למי להודיע ואין לנו מקום להחזיק גופות שלא שייכות לאף אחד. היו לי עוד שאלות שעלו בראשי, מי האיש? האם הוא קשור לצוות? האם הוא יהודי שעלה עמנו לאוניה בדרך לישראל? מתי נפטר? והאם זה הנוהג? אך כאמור הייתי מאוד נרגש ולא הייתי מסוגל לשאול עוד שאלות. סקאלוני - זה שמו של המלח, ליטף את ראשי ואמר - "מה שראית תשמור בסוד ואל תספר לאיש למרות שהכל חוקי. כך נוהגים אנו כאשר הנפטר הוא גלמוד".

הימים הבאים לאחר הסערה נהנינו ממזג אוויר חמים ונעים-האונייה שטה במלוא הכוח המלחים סיפרו לי שבקרוב נגיע למדינת הוואי ונעגון בנמל הונולו,ל,

רצתי להסתכל בחדר תרבות במפה היכן המקום וכך ראיתי שאחרי הונולו הדרך עוד ארוכה עד יבשת אמריקה. שם הבטיחו לנו, שתהיה קבלת פנים ע"י ארגונים יהודיים אך לא פרטו מעבר לכך.

ואכן שטנו כרגיל עוד כ-3-4 ימים עד שבאופק נראתה יבשה, מספר איים ואורות מנוצצים הולכים וקרבים. אני נצמדתי למעקה האוניה וכך עשו עוד מספר אנשים שהיו סקרנים כמוני. לא נפרדנו מהמעקה במשך כמה שעות עד שהאונייה עצרה ונצמדה למזח גדול. שם עמדו אנשים עם זרי פרחים ושלטים גדולים בעברית - "שלום עליכם" באותיות גדולות. כעבור שעה בערך הודיע הכרוז באוניה שניתן לרדת לחוף למשך ארבע שעות ובשעות הערב חייבים לחזור כי תתכן הפלגה.

רצתי לתאי תפסתי את אחי כי רציתי שיבוא איתי לחוף, לדרוך סוף סוף על אדמה יציבה אחרי זמן ארוך ששטנו והתנדנדנו. אבי הצטרף אלינו ואילו אימי והדודים נשארו לישון.

הסתובבנו סמוך לאוניה התבוננו בקהל רב שממש חיבק אותנו וכמעט חנק אותנו בברכות, פרחים וממתקים.

משהבנתי, שאלו יהודים כמונו ניקרה בי המחשבה מדוע הם לא נוסעים או שטים לארץ ישראל ורק מברכים אותנו ומנשקים באהבה רבה. כשחזרתי לאוניה סיפרתי להורי שראיתי על החוף כושים ענקיים עם צמידי זהב ונחושת על הזרוע ושיערתי שהם כנראה פועלים של היהודים שקיבלו אותנו כל כך יפה-שאלתי מדוע יהודים אילו לא עולים לישראל ואבי ענה לי שאלו יהודים עשירים מאוד ויהיו להם המון הפסדים עם יעזבו את הוואי. אנחנו נכין להם את המדינה וכאשר יראו ויבדקו את פועלנו - אז ישקלו אם לעלות ולהעביר את עסקיהם ממש לישראל.

הרהרתי בליבי שאולי לא מגיע להם תודות על שקיבלו אותנו בחום ובאהבה. נודה להם כאשר יגיעו אלינו לישראל - אם בכלל. ההפלגה לאחר עזיבתנו את הוואי הייתה מעט לא נוחה - אמנם לא פרצה סערה אך הים לא היה רגוע, האוניה התנדנדה ואנשים סבלו מבחילות.

המלחים אמרו לי, שאנחנו עוברים במשולש ברמודה זה אזור בו טבעו אוניות גדולות הרבה יותר מהאונייה שלנו, ובעוד כעשרה קילומטר נצא מהאזור הזה ואז הים יירגע. רק כשהגעתי לארץ שמעתי שוב על המושג משולש ברמודה.

ההפלגה נמשכה והחלו שיחות על כך, שהאונייה שלנו צריכה להתרומם. לא הבנתי מי ומה יכול להרים אונייה כל כך כבדה. את ההסבר על כך קיבלתי מבעל קיוסק שהיה מוכר משקאות ושוקולד על האוניה, אשר הפליג במסלול שלנו מספר הפלגות, הוא סיפר שהאוקיינוס בו אנו שטים עכשיו הוא נמוך ושמו האוקיינוס השקט. הוא אמנם הגדול בעולם אך נמוך מהאוקיינוס שאליו אנו שטים. כאשר נגיע לחופי אמריקה נתקרב לתעלת פנמה, ונכנס למספר שערים בהם גלי הים ירמו את האוניה לגובה אוקיינוס האטלנטי ואז נוכל לשוט מאמריקה והלאה במסלול לעבר ספרד, למיצרי גיברלטר בדרכינו לים התיכון.

הסבר לקוני זה לא סיפק אותי, רציתי מאוד לראות מפה או אטלס. היה לי זיכרון קלוש מבית הספר הרוסי בחרבין על מפות ועל כן הייתי חייב לראות הלכה למעשה את המסלול הארוך עליו דיבר בעל הקיוסק. שאלתי את אבי היכן אוכל למצוא אטלס והוא יעץ לי לפנות לאנשים ששטים אתנו אולי ימצא אטלס לימודי במזוודות שלהם בתא. לא פניתי אליהם מאחר וחסרה לי עמם תקשורת ולא ידעתי איך לפנות לאנשים שאני לא מכיר. המחשבות על כך הטרידו אותי מספר ימים והתשובה שהתקבלה הייתה במקום הקל ביותר. יום אחד כאשר הים היה שקט ישבתי עם ידידי סקאלוני שעישן מקטרת וידיו מלוכלכות בזפת או משהו דומה, מאחר והיה צריך ללפף כבל או חבל עבה על גלגלת גדולה ולהניחה במקומה בצד הסיפון. שאלתי אותו ישירות באנגלית קלה כמו שדיברתי איתו בעבר מספר פעמים היכן אשיג מפות או אטלס, הביט בי סקאלוני וחיך "עוד מעט תבוא לתאי יש לי אטלס בתיק". שמחתי לא ידעה גבול, איך לא ידעתי לפנות אליו קודם לכן? משסיים את העבודה הלכתי עימו לתאו שם ישן עם חברו ששמו לא זכור לי אך פניו היו מוכרות לי מקודם. סקאלוני הוציא מתיקו אטלס מעט מלוכלך מכתמי שמן בכריכה, אבל מבפנים הוא היה נקי, דפדפתי במהירות והוא הדרך אותי היכן אנו נמצאים. ראיתי, שלפי דבריו עזבנו את הוואי ואנו באמצע הדרך לכיוון תעלת פנמה, מאוד אהבתי את הסבריו לגבי הזמנים, הימים והשבועות הבאים וכן להיכן נגיע אחרי תעלת פנמה.

יום אחד ניגש אליי אבי ואמר לי שבערך עוד 10 ימים נחוג לי בר מצוה כאן באוניה. - איך שאלתי? הרי בר מצוה עושים לילד בהגיעו לגיל 13, ולפי חשבוני חסרו לי כמה חודשים לכך.

אבי ענה לי, אתה עוד מעט בן 13 ויש גם ילד נוסף באוניה ששמו אלכס והוריו רוצים לחגוג לו בר מצוה אז כדאי לחגוג לכם ביחד. הבנתי שהורי מעדיפים לחגוג ביחד עם אלכס כדי שיהיו יותר אנשים ויהיה יותר שמח בבר מצוה. אבי הוסיף ואמר, שכדאי לי לשפר את הקריאה שלי בעברית. ידעתי לקרוא מעט מתוך ביקורים בבית הכנסת בחרבין בה התגוררנו.

מי שהתגייס למשימה ללמד אותי עברית היו אבי ודודי ועוד אדם ששם משפחתו רולבנד, שהוצמד אליי וניסה ללמד אותי אותיות אלף בית. לומר שיכולתי לקרוא - בהחלט לא יהיה נכון, אבל דודי ואבי חייכו אליי ואמרו שתוך 10 ימים אהיה מוכן יחד

התחלקות או נפילה המונית בהתאם למצב הים. לא היו הרבה אנשים, ספרתי קבוצות של 10 והיו כ-4 קבוצות. ידעתי שיש אנשים רבים יותר אך הוסבר לי שיש כאלו שחשים בחילה עקב נדנדוד האוניה ולכן מוותרים על האוכל. ריחמתי עליהם מאחר ולא חשתי בחילות ולא הרגשתי אם מישהו ממשפחתי חש זאת. בסריקות שערכתי בסיפון העליון והתחתון ראיתי שיש מין מבנה שמשמש קיוסק או חנות לממכר שתיה כגון, בירות שתיה קרה ובעיקר פפסי והכל נמכר בדולרים. ראיתי טבליות שוקולד גדולות מכל הסוגים ומספר נערים התקהלו סביב הקיוסק אך לא קנו דבר. הייתי קרוב לאיש צוות שמכר ואשר הסביר באנגלית וברוסית שאם הנערים יחזירו לקיוסק בקבוקים ריקים כ-25 בכל ארגז יקבלו טבלייה של שוקולד מהסוג שמונחת על הדוכן של הקיוסק. קלטתי היטב מה שנאמר והלכתי אל תאי הסברתי להוריי מה ששמעתי בקשר לבקבוקים הריקים. רציתי שאחי שהיה קטן ממני, בן 8 בערך יעזור לי לחפש בקבוקים ריקים אותם אפשר להמיר בטבלת שוקולד ענקית, הוריי התנדדו מאוד שאחי הקטן יסתובב עימי בכל הסיפון אמרו זה מסוכן אפשר להחליק וליפול, מספיק שאני כמעט ולא נמצא בתאי וכל הזמן מסתובב על סיפון האוניה. הם דאגו לי, אך לא יכלו להחזיק אותי בתא שלנו, זה היה מעבר ליכולתם. עברו 4-5 ימים הסתובבתי בכל מקום אפשרי מצאתי כמה בקבוקים ארגנתי ארגז פלסטיק ריק ומצאתי מחבוא באחת הסירות שהיו מחוברות לאוניה הגדולה זה היה הסליק שלי. כעבור מספר ימים התמלא הארגז בבקבוקי פפסי ריקים אותו סחבתי לקיוסק. המוכר אמר לי - כל הכבוד אתה הראשון שאספת, ולאחר שספר את הבקבוקים הושיט לי טבלת שוקולד שוודית ענקית שכמוה טרם ראיתי בסין. הבאתי את השוקולד להורי הם חששו שהשגתי את השוקולד באופן לא חוקי, הרגעתי אותם ואמרתי להם, שעבדתי קשה להשיג מספר בקבוקים כדי לקבל את השוקולד כשכר. הבנתי שעוד נערים שהיו באוניה עושים כמוני ושאיני לא הכי חכם שאיתרתי מקום מחבוא. הייתי חייב לחפש מקום אחר בטוח יותר, פינות מחבוא יש הרבה באוניה אך נערים שקיבלו טבלאות שוקולד כאלו נפרסו על כל האוניה והיה קשה להשיג בקבוקים ריקים אך זה היה עיסוק משתלם, התמורה שקיבלנו לא רק טבלאות שוקולד, כל הממתקים שרצינו קיבלנו תמורת הבקבוקים. התא שלנו היה מלא בבקבוקים עד שאימי אמרה די לא צריך יותר ממתקים תראה איך אתה נראה אתה לא עייף? - לך לישון. ואכן שמעתי בקול אימי ועייפות גברה עליי. ויתרתי על ארוחת צהריים, השינה הפילה אותי למשכב וכאשר התעוררתי היה חושך ובשעון של אבי ראיתי שהשעה הייתה 3 לפנות בוקר, יצאתי לסיפון לנשום אוויר, האוניה לא התנדנדה ושטה לאיטה, לא היה איש בסיפון. התיישבתי על עמוד קטן שהיה מחובר לרצפה ולא הבנתי לצורך מה הוא נועד - אולי לקשור מטענים או סחורה אחרת לפתע במרחק של 10 מטר ממני ראיתי דמויות. היו אלו מלחים מהאוניה שגררו עגלה שטוחה ועליה לוח גדול ועל הלוח היה מונח דבר מה מכוסה בבד שחור. הם לא שמו לב אליי, חלפו על פניי, התקרבו לדופן האוניה, הניחו את הלוח על הגדר החיצונית, שוחחו ביניהם מספר דק' והפכו את הלוח כאשר המטען המכוסה בבד שחור החליק לים. אח"כ קיפלו את הבד השחור שנותר על הלוח הסתובבו וחזרו מהכיוון שממנו באו,

להונולולו. מאוחר יותר - כאשר בחדר התרבות בקומה העליונה יותר מצאתי ספר אטלס ובו ראיתי את המסלול שעליו דיברו הילדים הזרים - התפלאתי כי ראיתי את ישראל לפי המפה - שנמצאת מערבה מאיתנו - חשבתי שהאוניה תפליג מערבה על מנת להוריד את התיירים ביפן ולאחר מכן תפנה לכיוון הרצוי לנו. מאוחר יותר הסבירו לי ילדים גדולים ממני שתקשרתי איתם, שהאוניה שטה לכיוון יפן ובמעבר מול חופי קוריאה הדרומית - שנמצאת במלחמה עם קוריאה הצפונית - יש סכנה של זליגת טילים או פגזים לעברינו וחייבים לעבור את דרום קוריאה בלילה. משם ליפן ובהמשך הפלגה ארוכה לעבר הוואי ולעיר הונולולו. שם תהיה לנו קבלת פנים על ידי ארגונים יהודיים. בהביטי במפה שבאטלס יחד עם נערים בוגרים ממני הוסבר לי, שמסלול האוניה הקצר, עמד לעבור מתחת למדינת הודו, ובהמשך בתעלת סואץ במצרים, אך עקב מצב המלחמה בין ישראל למצרים לא מתאפשר לבצע מסלול זה ונדרש לעקוף את כל אפריקה ולהיכנס לים התיכון דרך מיצרי גיברלטר, זהו מסלול ארוך מאוד ופרושו חציית חצי כדור הארץ בשייט כי זה המוצא היחיד ועל כן תימשך ההפלגה כחודשיים. קיבלתי שיעור מעמיק מחברי הבוגרים ולכן הלכתי להורי והתחלתי להסביר להם מה שקלטתי אך הורי הפתיעו אותי - הם כבר ידעו על כך מזמן.

הייתה זו שנת 1949 ונאמר לנו שהמלחמה בישראל הסתיימה. פגשתי על הסיפון העליון גם מלחים שהיו איטלקים וספרדים, הם דיברו בשפתם שלא הבנתי, מה שכן הבנתי שלרוב המלחים איטלקי במוצאו קוראים סקאלוני, והוא היה שכיר באוניה שבעליה היו שוודים, המלחים היו מצוידים במגבים ענקיים שמטרתם הייתה לסלק חזרה לים את המים שהותזו לסיפון. הים לא סער במיוחד אך האוניה שהייתה ענקית בגודלה מעט התנדנדה. אבי שיצא לסיפון קרא לי לחזור לתא המגורים אך סירבתי, כי הנעשה על הסיפון סיקרן אותי. ראיתי אדם מבוגר שהיה על הסיפון, החליק ונפל והמלחים מיד רצו לעברו הרימו אותו וליוו אותו לתא. הסתכלתי מעבר למעקה האוניה, לעבר הגלים ושמתי לב שהאוניה אומנם שטה אך מאוד לאט. הרחק מצד שמאל ראיתי אורות קטנים והמלחים אמרו לי שזאת דרום קוריאה ובקרוב נגיע לחופי יפן. הבוקר עלה, לא היה לי קר, הים קצת נרגע וראיתי אנשים שיצאו מתאיהם ואיש מהצוות ליווה אותם לעבר חדר האוכל. הלכתי לתאים שלנו הערתי את הורי ודודי ואמרתי להם שיש ארוחת בוקר.

ובהמתיני למשפחתי, הבטתי מעבר למעקה האוניה אל גלי הים ומאוד נהניתי מכך. פנינו יחדיו לקומה עליונה לעבר חדר האוכל הגדול עם 8,9 שולחנות שמחוברים לרצפה כדי למנוע גלישתם כאשר הים לא שקט. למרות שלא ישנתי טוב לא הרגשתי עייפות אך הרגשתי רעב. הלכתי עם משפחתי לעבר חדר האוכל שהיה כאמור בסיפון העליון, אך היו מספר מדרגות כדי לרדת לעבר השולחנות. בפתח הירידה עמד איש צוות - שהכניס לא יותר מעשרה אנשים בפעם אחת. רק כאשר אלו שירדו התיישבו שחרר עשרה נותרים לתוך חדר האוכל. הוסבר לי שזה על מנת למנוע

מיליוני אנשים ויותר מכך ילדים סינים. גברה בי המחשבה, שאם היחסים בבי"ס עם התלמידים הרוסיים יגיעו לעימות פיזי סברתי שאוכל להסתייע בשכניי הסינים הרבים הודות לכישוריהם באימונים בחדר כושר. לא תרגמתי את מחשבותי הלכה למעשה, אך בשיחה בשעות הערב עם חברי ושכני צ'אן, נעניתי שאם אצטרך, הוא יכול לארגן מפגש כפי שאבקש.

המשכתי בלימודי ובאחד הימים חבר לספסל לימודים אמר לי לפתע את המשפט "נו, אתה מתכוון לנסיעה?" "לא הבנתי במה דברים אמורים אבל בבית, סיפרה לי אמי שמשפחות יהודיות מתכוננות לטוס לפלשטינה והראתה לי במפה היכן זה - סיפרה שזו מדינת היהודים ולשם חייבים לנסוע ולעזוב את סין - אבל אמרה שזה עוד רחוק ואנחנו טרם קיבלנו אות ממשית לכך. ידעתי על קיום העיר ים-אי שם, אולי למדתי על כך בתפילות של אבי ודודי בחגים בבית הכנסת היהודי של הקהילה שהתגוררה בחרבין.

מדי פעם הלכתי לבית כנסת, אך לרוב הייתי חסר סבלנות לשבת ולהתפלל. החצר של בית הכנסת משכה אותי הרבה יותר. ילדים בני גילי, שלא שהו עם הוריהם בספסלי התפילה שיחקו בחצר. הימים עברו וליום אחד ראיתי את הורי ודודים שלי פותחים מזוודות גדולות על רצפת הסלון ומכניסים אט אט את בגדיהם באריזות גדולות לתוך המזוודות. נדהמתי, הבנתי מייד את המשמעות שאינה משתמעת לשתי פנים. עיסוקם היה יסודי אך לא נמהר - שאלתי את הורי - כמה זה קרוב? הם ראו שהבנתי, אספו אותי ואת אחי הקטן ממני בחמש שנים, הושיבו אותנו בסלון הדירה והסבירו שבעוד ימים אחדים נהיה חייבים לעזוב את הדירה ואת החצר ואת הרחוב ואת הבית - ולהגר למדינת ישראל של היהודים, שקמה זה עתה.

היו לי הרבה שאלות... בעיקר שאלתי אם יש בישראל סרטי קולנוע בשפה הרוסית שפה בה שלטתי ולמדתי במשך 5 שנים. על סינית לא שאלתי - היה לי חבל, אך הבנתי שעלי להיפרד מהשפה הסינית ומחברי הסינים שעמם התיידדתי. בעיקר צ'אן ולולי (שהורי קראו לו לולקה). שאלתי מה יהיה עם אלבום הבולים הגדול שלי שאספתי מגיל 8. משהו הפחיד אותי שבולים של ארצות זרות מוחרמות בסין ולא יעברו בגבול. הורי הרגיעו אותי, תחזיק אותו ביד - אמרו לי - ואף אחד לא יבדוק זאת.

מאחר והתקרבותי לגיל 13, הסביר לי דודי שבגיל זה חוגגים בר מצווה ועלי ללמוד כמה שורות ומנגינות בשפה העברית שמדברים בה בישראל. הכירו לי רב יהודי שהיה חזן בבית הכנסת ושם משפחתו רולבנד. למדתי עימו בביתו כמה שיעורים ולמרות שהשפה הייתה קשה לי - הצלחתי לקרוא כמה שורות ואת התווים המחוברים, אבל מאחר והורי אמרו לי, שהדרך לישראל תמשך חודשיים חששתי שאשכח מה שלמדתי, - יזכירו לך - הרגיעו הורי. עבר כשבוע עד שהמזוודות כבר היו סגורות ומלאות. שאר הדברים, הריהוט היקר תכולת המזון היקרה, תמונות וקישוטים שונים שהיו על הקירות ועל המזון לא נארזו. לא הבנתי מדוע? הורי ודודי הסבירו שארגון בשם ג'וינט מארגן את נסיעתנו והובטח שהכול יישלח אלינו לישראל. שאלתי מה עם הבית והדירות המושכרות, ראיתי בפניהם של הורי ספקנות רבה, אך ענו לי שגם זה יישלח אלינו או יימכר והכסף יישלח אלינו לכתובת בישראל. למחרת הגיעה משאית סגורה כמו

אוטובוס, משפחתי עלתה ראשונה למשאית זו, בדרך הצטרפו עוד משפחות יהודיות ומעט ילדים בערך בגילי - בעיני הייתה זו חוויה אדירה. החזקתי את אלבום הבולים חזק בידי.

היות והשעה הייתה מאוחרת בלילה לא הספקתי להיפרד מחברי הסינים, גם מסינים מבוגרים. התגנבה בי המחשבה שאנו עוזבים בחשאיות - למה? לא הבנתי השארתי זאת למועד מאוחר יותר. נסענו בערך כשעתיים עד שהגענו למקום שנראה כמו נמל עם הים באופק - כמה סינים היו בסביבה. בשטח נוכחו בחורים שהיו מארגני הנסיעה ושוחחו עם הסינים. אף אחד לא שאל אותי על האלבום שבידי - העלו את תכולת המשאית על אונייה קטנה דמויה לאוניית דיגים ועליה ספסלים לשיבה. קצת נבהלתי - ראיתי ים גדול וכחול או נכון יותר אפור בלילה - והתקשיתי להבין שאונייה כזו עומדת להביאנו לישראל. שאלתי את אימי, אבל צחוקה הרגיע אותי - "יהיה בסדר אל תדאג". ישבה לידי ילדה בגילי ממשפחה אחרת, גם היא הייתה מודאגת - אך סמכתי על תשובת אימי והרגעתי גם אותה. שטנו ללב ים, היה חשוך ולא ראיתי דבר. השיט היה ארוך ונמשך שעות. לפתע ראיתי מלפנים אור גדול כאילו בניין גדול ומואר בלב הים, "גדול, ענק" כמו מספר בנינים מחוברים יחד. ראיתי והבחנתי שזו אונייה ענקית. ספינתנו התקרבה לסיפון האונייה הענקית והבחנתי ששמה של האונייה "אנה סאלין". אימי הסבירה לי שזו אונייה שוודית, ואיתה אנו אמורים להפליג לישראל - מלחים זרים שכנראה עבדו על האונייה העלו לאונייה את המזוודות שלנו בסולם שהורד לצורך כך.

שם האונייה הקטנה שהגענו איתה היה "אקוודולצ'י". שמות שתי האוניות נחרטו במוחי. היה חשוב לי לזכור זאת ואכן לא שכחתי. משעליתי עם משפחתי לאונייה הענקית, התאספנו כולנו על הסיפון - היה חושך ואור קטן של פרוז'קטור האיר את הרחבה. איש גבוה, כנראה מהנהלת האונייה, החל לדבר בשוודית ולידו מתורגמן לרוסית, אשר הסביר לנו שכל משפחה תקבל 2 או 3 תאים לפי גודל המשפחה בקומה א' או ב'. בחלק הקדמי של האונייה - יש מקום למזוודות, מותר לטייל באונייה רק לא לעבור את התאים או את הקווים האדומים, שנועדו לצוות ולעובדי האונייה. בהמשך יוסבר לנו היכן חדר האוכל ושעות הארוחות. אסור לטפס על הסירות שמוצמדות לסיפון כי הן משמשות לעת סכנה. מתורגמן דיבר באריכות, הילדים ואני בתוכם - כאשר שמענו את עיקרי הדברים - הפסקנו להקשיב לשאר והתרכזנו בנעשה סביבנו, בעיקר לנוף שמעבר הסיפון, לים הענק ולאופק הרחוק. הספקנו לשמוע רק שתחילת ההפלגה תיערך בלילה הבא לאחר שנתארגן בתוך התאים.

משפחתי קיבלה שני תאים די מרווחים סמוך לדופן האונייה וקומה מתחת לסיפון העליון. לכל תא היו שני חלונות גדולים מזכוכית. אחי הקטן היה בתא עם אימי ואבי. אני הייתי בתא עם דודי ודודתי, את הסידור בתאים השארתי להורי. הדודים ואני קפצנו לעבר הסיפון העליון - השינה באותו לילה כבר "ברחה" לי וגברה הסקרנות למה שנעשה מסביב. למעלה פגשתי ילדים יהודים בגילי שבאו איתנו וכן פגשתי ילדים זרים שהוריהם גם היו באונייה ואולי הגיעו לפנינו. לא יכולתי לתקשר עם הילדים הזרים מאחר והם דיברו רק אנגלית. בסימני הידיים שזכרתי עוד מבי"ס הבנתי שהם תיירים שהיו בסין ושטים ליפן או להוואי

בלבד - ביאלינוגוב, פארחומנקו, רוסקוב, פרמינוב, גולסקי ושלייפין - היינו נפגשים גם מחוץ ללימודים. יחסי עימם היו לרוב טובים, אם כי היו גם סצנות של אלימות, לא על רקע גזעני. מאחר ושם משפחתי - רוזנבלום, בלט, יצא לי לא פעם להוכיח את עצמי בעימותים איתם.

זכור לי מאבק קצר בהפסקת הלימודים עם ילד ששם משפחתו שלייפין וחברי הפרידו בינינו. משהסתיימו הלימודים פנו אליי בהצעה לערוך עמו דו קרב מחוץ לבי"ס בקרבת האצטדיון העירוני. מיד הסכמתי והם ליוו אותנו בשיירה של 10-15 בני הכיתה לכיוון הזירה שנבחרה. הגענו לשטח מבודד ומגודר, כולם עמדו במעגל גדול ואילו אני והילד השני במרכז. נבחר שופט שהיה גדול מאתנו מעט, ואני אפילו זוכר ששמו היה אוליטין.

הקרב החל וזכור לי שלשלייפין היו משקפיים. הוא היה בן גילי. ביקשתי שיסיר אותם אך הוא סירב מתוך זלזול. בי. אספתי את כל כוחותיי כי ידעתי שלא רק בו אני נלחם אלא נגד כל אהדיו שעמדו סביבי, הייתי חייב להוכיח להם את יכולתי. הסתערתי עליו ובטרם אסף את כוחותיו - נשברו ונרמסו משקפיו ברגליו. ייתכן שעקב כך נגרעה יכולתו. מצחו ולחיו זבו דם - לי הייתה שריטה בסנטר, שלייפין נפל ואז הרימו אותו והפסיקו את הקרב מהפחד שייחתך מזכוכיות משקפיו שעל הקרקע. לא הרימו את ידי כאות ניצחון אך מיד ליוו אותנו לביתו לקבלת טיפול.

אני השארתי את השריטה בסנטרי כאות שגם אני נפצעתי. במקרה שתהיה שמועה שהכיתי אותו ללא סיבה. למחרת הרגשתי שקרני עלתה בקרב חברי לכיתה. שלייפין לא הופיע לבי"ס באותו יום. מעט דאגתי שמא הייתי אני הסיבה להיעדרות, וכשחזר כעבור מספר ימים, שמחתי שלא נפגעו עיניו. הוא הופיע עם משקפיים חדשים ומעט פצעים על פניו.

צינתי שבכיתה היו גם אהדיו והרגשתי מעט עוינות מכמה נערים. אני כותב ילדים או נערים כי בעת כתיבת שורות אלו, 72 שנה אחרי הם מצטיירים לי כילדים, אך באותם ימים אותם ילדים היו מגודלים וחלקם גבוהים ממני בראש ובגופם - אך לא בהישגיהם בבי"ס. למרות היחסים המתוחים מעט עם חברי לכיתה והצורך להילחם לעיתים על מעמד, זרמו הקשרים עם שכני הסינים וגם עם אלה שגרו הרחק מביתי ובאו לחצר בה שיחקתי אחרי הלימודים - לכיוון מאוד חיובי.

לא היה מתח ותחרות, היינו שווים בשכבת גיל, הבנתי את שפתם ונהניתי בחברתם אך תמיד התגעגעתי להגיע הביתה אחרי הלימודים. אם היו שיעורי בית, דחיתי זאת לשעות הערב. אמי דאגה שאסיים את שיעורי בטרם אלך לישון. הסינים ששהו בקרבת ביתי סיפרו לי שמשפחתם אפשרה להם להתאמן בחדר כושר באימוני לחימה שונים. למרות גילם 12-13 - הדגימו לי תרגילים ואמרו שיש באולמי האימונים קבוצות גדולות של חברים שלא הכרתי כי מגוריהם היו מרוחקים מביתי. לא התפלאתי, ידעתי שבחרבין בה גרתי ובה נולדתי - גרו כמה

אני אוהב לכתוב זיכרונות. הכתיבה עצמה מסייעת לי בחיי היום יום. עצם הכתיבה - מעוררת בי את תאי המוח האפורים המסייעים לי להיזכר בתמונות מסוימות שעולות בי אף ללא רצון להעבירם הלאה.

מה אומר - אני מגלה סיפוק הממריץ אותי לכתוב עוד ועוד - וממרום גילי, (83) אני צופה שעוד דפים שאעלה בכתב ישמשו כחומר, או יותר נכון תמונה או מסך וירוו את צימאונם של הקוראים. אני יכול לציין בשלב זה שבעתיד הדבר יראה כסרט מלא.

אם אצלול לעומק ילדותי אין בה שום דבר מיוחד. בית רגיל, אמא אבא אח קטן ממני, דוד דודה, כולם גרים בצוותא בדירה גדולה. לכולם יש שטח מגורים נרחב ושכנים מעניינים. מה שמייוחד לדעתי במבט שלי כיום - שמדובר בהימצאות משפחתי בסין. בעיר חרבין בצפון סין קרוב לגבולות רוסיה מצפון וקוריאה הצפונית מדרום. מאז שאני מכיר את עצמי בתמונות בגילאים 4 - 5 ויותר, זכורים לי תחילת לימודי בבי"ס גדול שאליו הגעתי בליווי אבי בכיתה א' וב' ולאחר מכן הייתי מגיע אליו בעצמי. זהו בבי"ס רוסי סובייטי ושמו "רוזביה שקולה". (פירוש המילים - בית ספר ורוד" על שם צבעו).

עלי לציין שהורי הגיעו לסין בשנת 1927/9. אימי מאוקראינה מאזור האי קרים ואבי מבלארוס מעיר בוריסוב. הורי הגיעו לסין בנפרד - כלומר הגיעו עם משפחתם והכירו בסין וגם התחתנו שם. נסיבות נהירת היהודים מזרחה הייתה עקב הרעב שחשו באזור מגוריהם. לקהילות אמידות הייתה אפשרות לנדוד לשם חיפוש ופתרון בעיות כלכליות. בסין מצאו היהודים פרנסה וכלכלה נאותה כל אחד לפי מיומנותו. אבי ואחיו הבכור עסקו במסחר בפרוות, שהיו מצרך מאוד רלוונטי בצפון סין עקב מזג האוויר התואם לעיסוק זה.

בעונת החורף כיסו שלגים עמוקים את כל צפון סין. לי כילד היה זה שעשוע נאות ביותר. השלג היה מגיע עד לפתח הבית בו גרנו. הבית היה שייך למשפחתי וגרנו בו בקומה עליונה. שתי דירות בקומת הקרקע היו מושכרות אחד למשרד ושתיים למשפחה סינית ולה שני בנים איתם התחברתי. עד כמה שזכור לי, דיברתי סינית בניב צפוני, הבנתי כל מילה שצריך ילד לדעת ויכולתי להביע את עצמי אפילו יותר מהורי. זה הפליא אותם מאד.

כאמור למדתי בבי"ס רוסי כי לדעת הורי רמתו הייתה גבוהה יותר מבי"ס יהודי קטן ששירת ילדים יהודים בלבד ובו דגש על לימודי יהדות, לימודי עברית בפרט ומעט סינית. לימודי סינית נלמדו בבי"ס שבו למדתי אבל לא הקדישו לכך רצינות רבה - השיעורים היו פעם בשבוע.

הספקתי ללמוד בבי"ס עד מחצית כיתה ו' עד ההכנות לעלייה ארצה. כאן אציין שהכיתה בה למדתי הייתה מורכבת מבנים ובנות רוסיים בלבד. לא הרגשתי כל אפליה - הייתה רק הרגשה מוזרה, שכן שמות המשפחה של הילדים בכיתה - היו רוסיים

”בני ציון” במוזיאון ”בית התפוצות” בתל-אביב בנוכחות אורחים וכבדים משגרירות סין בישראל, עם שגריר סין בישראל או עם ממלא מקומו בראשם ומנהלים בכירים ממוסדות החוץ ובנוכחות סטודנטים סיניים וישראלים.

בזמן האחרון תרומות לקרן המלגות ירדו למינימום ולמעשה נעלמו. הנהלת האיגוד חייבת למצוא אמצעים לקרן המלגות שחשיבותה מהווה גשר בין הדורות. המלגות לסטודנטים הסיניים מכוסות על ידי אגודת הידידות ישראל-סין המקבלת תרומה משגרירות סין בישראל.

ב-2017, בשכונת רמת החייל בתל-אביב נפתח ע”י שגרירות סין, מרכז תרבות של סין המשתף פעולה עם האיגוד ועם אגודת הידידות. יוצאי סין מקבלים אפשרות להשתתף באירועים שונים, תצוגות וחוגים שמקיים המרכז. במשרד של איגוד יוצאי סין התקיימו מפגשים והרצאות וכן קבוצה הלומדת סינית.

עד לפרוץ המגיפה אגודת הידידות קיימה באופן מסורתי טיולים עם נציגי שגרירות סין בישראל ובראשם השגריר עצמו, ועם נציגי איגוד יוצאי סין ואגודת ידידות. הסינים מצידם, יזמו מפגשים חד שנתיים עם נציגי האיגוד והאגודה במעונו של השגריר.

הכל השתנה ב-2020 עם תחילת המגפה. בהתאם להוראות משרד הבריאות, משרדי איגוד יוצאי סין נסגרו אך הפעילות נמשכה ”מהבית”. וכך, עם כל הקשיים, בסתיו 2020 יצא גם לאור כתב העת ”בולטין” מס’ 419.

בגלל הסגר, המפגש המסורתי בחג החנוכה בדצמבר 2020 לא התקיים, אך הסטודנטים קיבלו את המלגות. מפגש בין הסטודנטים להנהלת איגוד יוצאי סין התקיים ב-22 לפברואר 2021 דרך ZOOM. מול המחשב, הודו הסטודנטים להנהלת האיגוד שלמרות המצב מצאו צורך ואמצעים כספיים להעניק מלגות. קבוצת ישראלים הלומדים סינית המשיכה ללמוד בעזרת ZOOM.

המשימה החשובה של האיגוד היא הענקת תמיכה חודשית (עזרה סוציאלית) לנזקקים. למרות המגפה ולאור המצב הכלכלי הקשה של האיגוד עדיין ניתנת עזרה כספית זאת לנזקקים. איגוד יוצאי סין אינו שוכח גם את הצעירים: מסורת השי לחיילים צאצאי יוצאי סין ניתנת בראש השנה וביום העצמאות.

בית הכנסת לזכר קהילות יהודיות בסין ממשיך לתפקד. מדי שבת ולעיתים בחגים נאספים מתפללים. לקיום מניין ושימור המבנה אחראי הגבאי הוותיק אליעזר שיבק. בחגים קוראים תפילות ”יזכור” לזכר הנפטרים-יוצאי סין, בהתאם ללוח שנה עברי וקרוביהם מעודכנים על כך. המבנה שמור היטב ובמקום נשמר חלק מהארכיון.

העבודה על מסמכים ארכיוניים נמשכת. יש צורך לפתח שיטה נוחה למציאת מידע, מאחר ולאגוד ממשיכים להגיע שאילתות בחיפוש קרובים ומכרים. ועד המנהל של האיגוד בשלבי מ”מ סופיים להעברת ארכיון האיגוד לארכיון העם היהודי בהמשך. חשיבות רבה יש לאתר של איגוד יוצאי סין אשר נמצא עכשיו בהליך התחדשות.

איגוד יוצאי סין ואגודת הידידות ישראל-סין נמצאים בקשר עם שגרירות סין בישראל ועם מרכז התרבות של סין בתל-אביב.

לסיכום

”איגוד יוצאי סין יתקיים כל עוד יוצאי סין בישראל ובתפוצות יתמכו בו כספית ומורלית, כל עוד יש צורך באיגוד הוא יתקיים”. כך כתב טדי קאופמן ב-2011 כאשר מלאו לאיגוד 60 שנה. חלף עוד עשור. כיום מלאו לאיגוד 70 שנה. פעילותו נמשכת. רבים מיוצאי סין שעזרו בהתנדבות ותמכו כספית, בישראל ובתפוצות כבר לא אתנו. הזמן חולף. יחד עם זאת מספר רב של אנשים מגלים התעניינות ויש צורך להמשיך במה שהחל לפני 70 שנה, ולהעביר לצאצאינו את ההיסטוריה של יהודי סין במאה ה-20.

לזכרו של אברהם (אייבי) פרדקין

1923 - 2021

התכתב פרדקין עם מספר נכבדי עולם בנושאים הקשורים ליחס לישראל ולתמיכה במדינה היהודית. הוא הגיב בצורה חדה לאירועים מסוימים בישראל והתפוצות, כתב מאמרים ומכתבים. כאשר נקשרו היחסים הדיפלומטיים בין ישראל לסין בשנת 1992, פרדקין הפך לאחד ממייסדי האגודה לידידות ישראל-סין. פעמיים בשנים 1992 ו-1994, הוא נסע לסין במסגרת משלחות בהזמנת האגודה הסינית לידידות עם מדינות זרות. הוא היה חבר הוועד המנהל של אגוד יוצאי סין, תרם רבות לאגוד והשתתף באופן פעיל בחיי האגוד שלנו. מאמריו פורסמו ב”בולטין”.

בשנת 1998 נסע אייבי פרדקין לשנחאי יחד עם בנו ובתו לביקור שורשים משפחתי. עד היום האחרון שמר לש קשר עם יוצאי סין ועם אגוד.

יהי זכרו ברוך!

ב-6 בפברואר 2021 נפטר אחד מחברי האגוד הוותיקים, אברהם (אייבי) פרדקין, בגיל 97 בתל-אביב.

פרדקין נולד בשנת 1923 באוקראינה. שנה לאחר מכן היגרו הוריו עמו לסין. את ילדותו ונעוריו בילה בשנחאי. הוא סיים את לימודיו באוניברסיטת סנט-ג'ון ועזב לארצות הברית בשנת 1947 להמשך לימודיו באוניברסיטת קליפורניה בברקלי. לאחר שסיים את לימודיו באוניברסיטת ברקלי במאי 1949, הגיע פרדקין לישראל. הוא שירת כקצין ביחידה המדעית של הצבא הישראלי במכון ויצמן.

לאחר שחרורו מהצבא החל פרדקין לעבוד בתאגיד הדלק הישראלי ”דלק”, שם עבד במשך 36 שנים. בשנת 1988 פרש מתפקידו כעוזר מנהל כללי וראש המחלקה המסחרית. אייבי סיכם את נסיון חייו העשיר בספר ”תקופות המעגל”, שכתב בעברית ויצא לאור בשנת 1990. במהלך עשרים השנים הבאות

תקופת פריחה של איגוד יוצאי סין. לפי נתונים ב"בולטין" מס' 369 (ע' 56) שיצא לאור ב- 2001, נתרמו בשנת 2000 סך 231.935 דולר מהארצות הבאות: ישראל, יפן (טוקיו), אוסטרליה, ארה"ב (לוס אנג'לס, ניו-יורק, סן פרנסיסקו), פנמה, קנדה וארה"ב וכן קרן אתל דן.

מקורות כספיים

הפעילות הרבה שהוזכרה לעיל דרשה אמצעים כספיים רבים. הכספים נתרמו על ידי יהודי סין היושבים בתפוצות ומתן תרומותיהם פורסמו בדפי ה"בולטין". תפקיד מרכזי היה לעזרה הכספית שנתרמה לקרן מלגות ועזרה סוציאלית, וכן ל"בולטין" אשר מגיליונו הראשון תרם להתפתחות רגשות קהילתיים של חברי איגוד יוצאי סין, ושימש קשר הדוק בין כל יוצאי סין. על כן, פעילות יוצאי סין במשך עשרות שנים נשאה אופי של הישג מרשים ואפשר לראות בו נס קטן.

אמצעים כספיים הגיעו ממקורות שונים. התרומה "במקום פרחים לחג" המשיכה מסורת של תרומות לקרן לעזרה סוציאלית, במקום לשלוח פרחים לחברים בראש השנה ופסח. הנהלת איגוד יוצאי סין נשענה על תרומות בעלות משקל שנתרמו מסיבות שונות - לעתים עקב שמחות ולעתים מתוך אבל על ההולכים. התרומות העיקריות מתייחסות לאסיה קוגן מטוקיו ואיזיה ואירה מגיד ממלבורן. איסוף האמצעים היה לבעיה עיקרית של נציגיו מחוץ לישראל.

בכל שנות קיום האיגוד לא התקבל אף שקל מממשלת ישראל או מהסוכנות היהודית, וגם לא מארגונים עירוניים ומפלגתיים. איגוד יוצאי סין פעל כל השנים הודות לתרומות של יוצאי סין בישראל ומחוצה לה. התרומות הועברו לקרנות שונים ושימשו לאמצעים שונים. פעילות האיגוד נעשתה בעיקרה על ידי מתנדבים ובהתנדבות. הוצאות שכן היו רק על עבודת המזכירות ועזרה טכנית בהוצאה לאור של "בולטין".

הוצאות על "בולטין" כוסו בעבר על ידי מודעות שונות וכן מכספי האיגוד. תפקיד כתב העת "בולטין" היה לשמור על קשר בין יוצאי סין המתגוררים בתפוצות לבין המתגוררים בישראל. לחזק את הקשר עם מדינת ישראל, ליידע את הקוראים בפעילות יוצאי סין, לשמר את ההיסטוריה העשירה והתרבות של יהודי סין לשעבר וזיכרונותיהם.

איגוד יוצאי סין רשום במשרד המשפטים כעמותה וכמוסד ללא רווח. פעילותו הכספית מבוקרת על ידי ועידת ביקורת ורואי חשבון.

שיא הפעילות של איגוד יוצאי סין היה מסוף שנות 1990 - עד תחילת 2000, כאשר האיגוד ציין 50 שנות פעילות. עשור מאוחר יותר המצב הכספי של האיגוד הורע. חברי הוועד התל-אביבי של האיגוד, המשתתפים העיקריים של מפגשי יום א' הלכו לעולמם בזה אחר זה. כך גם ארע לתורמים העיקריים בהם איזידור מגיד שהלך לעולמו ב-2004, אלכסנדר וג'ון מייזן, שתמכו במשך שנים ארוכות באיגוד. יתרה מכך, בשנת 2012 פסקו התרומות הנדיבות של אסיה קוגן, שהלכה לעולמה. הדבר החמיר מאד את המצב הכספי של האיגוד. אחרי 60 שנות קיום האיגוד התעוררה השאלה על המשך קיום "בית פונבה", מאחר ובמפגשי יום א' בקושי נאספו עשרה אנשים, ובימים האחרים הבית התרוקן

מפעילות.

ב-27 לדצמבר 2011 התמלא אולם "עינב" בתל-אביב לרגל חלוקת מלגות לצאצאי יוצאי סין וציון 60 שנה להקמת איגוד יוצאי סין. במאמר שכתב תדי קאופמן למלאות 60 שנה לאיגוד, נכתב "איגוד יוצאי סין יתקיים כל עוד יוצאי סין בישראל ובתפוצות יעזרו לו כספית ומורלית. כל עוד יש צורך בארגון שלנו, הוא יתקיים".

זו הייתה פגישה אחרונה תחת מנהיגותו של תדי קאופמן. כעבור חצי שנה, ב-15 ליולי 2012 בזמן עבודתו על כתב העת מס' 408 של ה"בולטין" הלך תדי לעולמו. הוא הלך מאתנו בגיל 87, מתוכם 60 שנה הוקדשו לאיגוד.

בספטמבר 2012 יצא לאור "בולטין" מס' 408 שעורכו הראשי היה תדי קאופמן, ובו הוצאה מיוחדת המוקדשת לזכרו.

לאחר פטירתו, קיבל על עצמו את ניהול האיגוד יוסי קליין וממלאי מקומו היו רוני וינרמן ותדי פיאסטונוביץ'. עקרונות האיגוד נשמרו ונמשכה העזרה לנזקקים ומטרה חשובה נוספת - דאגה לדור ההמשך - חלוקת מלגות לסטודנטים בחג החנוכה ושי לחיילים בראש השנה ובפסח. המטרה הנוספת הייתה לשמר את ארכיון איגוד יוצאי סין, ובו חומרים היסטוריים הנוגעים לעבר של הקהילות היהודיות בסין לחוקרים שיבואו.

עקב קיצוץ דרסטי בתרומות לאיגוד יוצאי סין, נאלצה ההנהלה ליטול החלטה קשה על מכירת "בית פונבה" בתל-אביב, כדי להעמיד לרשותה אמצעים כספיים שיאפשרו לקיים פעילות שוטפת.

כאשר נפלה ההחלטה ו"בית פונבה" נמכר, שכרו במקומו ב-2016 משרד צנוע באזור רמת-החייל/עתידים בתל-אביב, ברחוב הברזל 31, לא רחוק מבית הכנסת לזכר הקהילות היהודיות בסין. בשנת 2020 התקבלו תרומות בסך של פחות מ-150000 ₪ כולל תרומות נדיבות של קרן אטל דן, משפחת לסק ושגרירות סין. הזוג גיורא ואילנה לסק התורמים הישראליים שתורמים שנים סכום מכובד לפעילות האיגוד.

ארכיון איגוד יוצאי סין הועבר כמובן למקום החדש, וכן ארכיון ד"ר קאופמן ומי. קליאבר, וכרכים של עיתונים ומסמכים חשובים אחרים. חלק נכבד מהארכיון הועבר עקב חוסר מקום לבית הכנסת.

הפעילות של איגוד יוצאי סין נמשכת כמו קודם. הנוקמים ממשיכים לקבל עזרה כספית. בבית הכנסת לזכר הקהילות היהודית בסין נערכים מידי שבת תפילות כמקובל.

כתב העת "בולטין" יוצא לאור פעם בשנה בראש השנה. בתקופה שבין 2012 עד 2021 יצאו לאור 14 כתבי עת בשלוש שפות - רוסית, אנגלית ועברית (מס' 408-420), לאחר עבודת עריכה של יוסי קליין, יהודית סנדל, פלורי כהן, צציליה ליובמן ואינה בקשייב. כתבי העת הנ"ל ניתנים לקריאה גם באתר האיגוד. בימים אלו מתבצעת עבודת הכנה לכתביה ביבליוגרפיה של כל כתבי העת בשפות אנגלית ורוסית, הכוללים את כל הגיליונות שיצאו לאור החל מ-1954. בהמשך, מתכננים לערוך ביבליוגרפיה גם לכתבי העת בעברית.

מדצמבר 2012 עד תחילת 2020 עם הגעת הוירוס Covid 19 נמשכה המסורת של מפגשים חבריים של יוצאי סין עם חלוקת מלגות לסטודנטים. הפגישות התקיימו מדי שנה בחנוכה באולם

נשים יוצאי סין בניו-יורק. הראשונים לקבל את המלגה היו חברי איגוד יוצאי סין וילדיהם, ילידי סין, ומאוחר יותר חולקו המלגות לנכדים, נינים שנולדו בישראל ליוצאי סין. לאחר פתיחת "בית פונבה" ברחוב גרוזנברג 13 בתל-אביב החלה מסורת של חלוקת מלגות לסטודנטים בחג החנוכה יחד עם פגישה של כל יוצאי סין. רוב המלגות שחולקו היו מקרנות לזכרם של ראלף מגיד, ג'ון ואלכסנדר מייזין, מישה קוגן, ברטה ושורה שילדקראוט. כמו כן חולקו מלגות מקרנות קטנות, מאחר וכל תורם היה רשאי לתרום מלגה אחת או שתיים לזכר אחד מקרובי משפחתו.

מתנות לחיילים

כבר למעלה מ-40 שנה, פעמיים בשנה, ערב ראש השנה ויום העצמאות, חיילים המשרתים בצה"ל והם נכדים, או נינים של יוצאי סין, החלו לקבל ברכה מאיגוד יוצאי סין בצרוף מתנה כספית. כך נפלה ההחלטה לשמר גשר בין הדורות של יוצאי סין, כדי שהצאצאים ידעו את שורשיהם.

בית פונבה

עד 1972 נדד איגוד יוצאי סין ממקום למקום בתנאי שכירות הודות לתורמים מארצות שונות. בעזרת תרומה רחבת היד של משפחת פונבה (פוניבז'סקי), נרכשו שתי דירות ברחוב גרוזנברג 13 בתל-אביב. שתי הדירות חוברו יחדיו במתכונן, כתוצאה נוצר מרחב שאיפשר קיום פגישות רחבות היקף וכן מקום למשרדים. "בית פונבה" היה מרכז החיים והפעילות של איגוד יוצאי סין למעלה מ-40 שנה. כאן היו משרדי האיגוד ומערכת "בולטין", ארכיון, ספרייה וכן משרד לאגודת הידידות ישראל-סין, שהוקמה ב-1992. כאן נערכו פגישות יום ראשון, קבלת אורחים מחו"ל, חגיגות ימי הולדת שנערכו על ידי וועדת נשים של יוצאי סין בתל-אביב. יוצאי סין בארץ ומחוצה לה ידעו, שכל יום ראשון, בשעה 11:30 ממתינים להם ב"בית פונבה".

בדרך כלל התאספו במקום 25-30 איש. כיבוד קל הוגש לבאים, נערכו שיחות בין חברים, משחקי קלפי ומה-ג'ונג.

כאשר הגיעו אורחים מחוץ לישראל, נהגו לארחם ב"בית פונבה". באולם של "בית פונבה" נערכו כנסים, הרצאות ואפילו קונצרטים בעזרתו של פסנתר שעמד באולם.

ארכיון איגוד יוצאי סין

ב"בית פונבה" נשמר הארכיון האישי של ד"ר אברהם קאופמן, ארכיון של מיכאל קליאבר, כרכים מלאים של העיתון "חיים יהודיים" ("יברייסקאיה ז'יז'ן"), "הדגל", "תגר", "חיינו" (באידיש), 16 כרכים של "האנציקלופדיה היהודית" של ברוקהאוס ועפרון עד 1915, 7 כרכים של "אנציקלופדיה יהודית בקצרה" שיצאה לאור על ידי יצחק אורן. כאן נשמרו גם מסמכים רבים הנוגעים להיסטוריה של יהודי סין, ומספר רב של אלבומים עם תמונות. לשמירת הארכיון, וליסוד הקטלוג והכנת החומר לסריקה היסטורית בעתיד הוקם לפני שנים וועד בראשות פרופ' בוריס ברסלר ז"ל. ארכיון הקהילה היהודית בטיינז'ין וארכיון הרב א.מ. קיסילב הועברו לארכיון העם היהודי בירושלים. במשך השנים הגיעו חוקרים מסין, ארה"ב, יפן, רוסיה, בריטניה, צרפת וישראל לעיין בחומר ההיסטורי.

אגודת ידידות ישראל-סין

לאחר כינון היחסים בין סין לישראל ב-1992, ועל פי יוזמת איגוד

יוצאי סין הוקמה אגודת הידידות בין ישראל לסין. האגודה החלה לקיים אירועים קהילתיים ולארח משלחות מסין. במשך שנים התווסף ל"בולטין" ספח בשפה האנגלית "קולה של ידידות בין ישראל לסין", ובו דין וחשבון על פעילות האגודה והפצת ידיעות בין ידידנו בסין, תוך חיזוק היחסים בין שני העמים. לאורך השנים, נערכו טיולים בחג הפסח שאורגנו על ידי האיגוד ואגודה לידידות וכללו את צוות שגרירות סין בישראל ובראשם השגריר עצמו ובהשתתפות חברי איגוד יוצאי סין. גם שגרירי סין בישראל יזמו בתקופת כהונתם פגישות עם יוצאי סין חברי האיגוד והאגודה.

בית הקברות היהודי בחרבין

שאלת התחזוקה של בית הקברות היהודי בסין הייתה תמיד נר לרגלי האיגוד. הודות לקשרים בין איגוד יוצאי סין ואגודת ידידות ישראל סין לשלטונות המקומיים בחרבין תחזוקת בית הקברות התנהלה כסדרה, קבוצת יוצאי סין בראשותו של תדי קאופמן ביקרה פעמיים בחרבין ב-1992 ו-1994. מטרת הביקורים הייתה להגיע למקומות הקשורים לעבר היהודי במקום וביקור בבית הקברות שהועבר בחלקו על פי דרישת השלטונות למקום החדש מרוחק כמה עשרות ק"מ ממרכז חרבין. ההעברה בוצעה בשנים 1957-1958 על ידי אנשי הקהילה שעדיין חיו בחרבין ועל ידי הנהלת הקהילה היהודית בחרבין בשיתוף השלטונות. במשרד איגוד יוצאי סין קיימת תכנית בית הקברות עם ציון מקומות הקבורה שנערכה לאחר ביקור המשלחת הישראלית בחרבין בשנים 1992 ו-1994. מאז, המבקרים בחרבין והמחפשים אחר שורשי יקיריהם בחרבין מבקרים בבית הקברות ומוצאים את מצבות אבותיהם.

איגוד יוצאי סין היה שותף בהקמת מוזיאון ההיסטוריה היהודית של חרבין בבניין שהיה פעם בית הכנסת החדש. חומר רב הכולל צילומים הועברו למוזיאון זה.

מפגשי חנוכה של יוצאי סין

מקום חשוב בפעילות של איגוד יוצאי סין היה מפגש של יוצאי סין מכל קצווי הארץ. במפגש חולקו מלגות לסטודנטים - ילדים, נכדים, נינים של יוצאי סין. למטרה זו נשכר אולם. פעם בשנה, מכל קצות הארץ התכנסו בתל-אביב יוצאי סין, וכדי להעשיר את אוירת המפגש הודלקו נרות חנוכה. מטרת הכנס הייתה מפגש דורות של יוצאי סין ואכן על פי רוב התאספו שלושה דורות של משפחה אחת - סבא וסבתא, שהגיעו מסין, ילדיהם, שגדלו בישראל, נכדים ואף נינים ילידי הארץ. בכניסה קיבל את הבאים יו"ר האיגוד תדי קאופמן וחברי הוועד, כך שהבאים מצאו עצמם מיד מוקפים בידידים. כיבוד קל הוגש לבאים. בשנים האחרונות הגיעו לערב החנוכה גם נציגים של שגרירות סין בישראל ובראשם השגריר ונציג משרד החוץ - בדרך כלל מנהל מחלקת דרום מזרח אסיה שתפסו מקום כבוד על הבמה. לאחר דברי הפתיחה של יו"ר האיגוד והדלקת הנרות עלו לבמה הסטודנטים מקבלי המלגה וסטודנטים סיניים הלומדים בישראל. כולם קיבלו את המלגות מידי המכובדים שישבו על הבמה. הערב הסתיים בנאומו תודה של נציגי סטודנטים ישראלים וסיניים ובברכות ואיחולי הצלחה בלימודים לדור הצעיר. הקהל התפזר תוך תקווה לפגישה הבאה כעבור שנה.

כל זה התאפשר הודות לתרומות נדיבות של יוצאי סין בארץ ובתפוצות וכן הודות לפעילות של מתנדבים שתרמו לקיום

הוועד המרכזי והנהלת איגוד יוצאי סין, ארכיון האיגוד, כתב-העת "בולטין", סניפי האיגוד בירושלים, תל-אביב וחיפה: מדור יוצאי הקהילה הספרדית בשנחאי, מדור יוצאי הונק-יו (שנחאי) ותרומות של יוצאי סין מחוץ לגבולות ישראל.

הכנס האחרון התקיים כעבור ארבע שנים 15-14 לפברואר 2004 בתל-אביב, ב"בית פונבה".

לא התקיימו כנסים נוספים.

סניפים של איגוד יוצאי סין

הסניף הירושלמי של איגוד יוצאי סין קיים כשלוש עד ארבע מפגשי חברים בשנה. הסניף בחיפה, קיים שתי פגישות שנתיות וכן ארגון ביקורי חולים וחברים גלמודים מקרב עולי סין שהתגררו בחיפה ובפרווריה.

בסניף התל-אביבי הייתה פעילות רבה של חברים בוועד המרכזי ובהנהלת האיגוד בכל הנוגע לדאגת המשק והתרבות. מפגשים שבועיים קבועים התקיימו בימי ראשון בהם - בין השאר - תרמו המשתתפים דמי חבר. הכסף שנתרם הועבר מטעם הוועד התל-אביבי לטובת קרן המלגות על שם אליאנורה פיאסטונוביץ' ובלה וולסקיה, וכן לקרן לעזרה סוציאלית.

מדור הקהילה היהודית הספרדית משנחאי

ב-1996 קבוצה המונה כ-120 איש מהקהילה הספרדית של יהודים יוצאי שנחאי הצטרפה לאיגוד יוצאי סין. בראשם עמד יעקב גורי. הסניף ערך פעמיים בשנה מפגשים ב"בית פונבה". ביוזמתם התארגנה פעילות של נטיעת עצים לזכר סר ג. כדורי ליד כפר תבור, ובמסגרת כתב העת "בולטין", הסניף הוציא לאור בשפה האנגלית את ה-"New Israel Messenger". פעילות הסניף החיפאי גב' רבקה טואג הייתה חברה בוועד המרכזי של האיגוד.

מדור יוצאי הונקיו

קבוצה הכוללת קרוב ל-130 איש הייתה של יהודים-פליטים שהגיעו לשנחאי מגרמניה או אוסטריה בין השנים 1940-1939. הקבוצה התארגנה בתוך המסגרת של איגוד יוצאי סין בשנת 1990 בניהולו של קורט מאימן, שהיה אחראי על תוספת ב"בולטין" תחת השם "Chusan Road Charter" בשפה האנגלית. חברי הסניף נפגשו באופן קבוע 2-3 פעמים ב"בית פונבה".

תחומי הפעילות של איגוד יוצאי סין

עזרה סוציאלית. הבעיה העיקרית שעמה התמודד האיגוד לאורך השנים הייתה עזרה סוציאלית, דאגה לקשישים שעקב בריאותם הרופפת לא יכלו לעבוד למחייתם ולקיומם. ביחוד אלו שהיו גלמודים ללא קרובי משפחה. הנזקקים קיבלו ומקבלים עד היום מידי חודש עזרה כספית מהקרן לעזרה סוציאלית. בנוסף, במשך שנים ארוכות ניתנו הלוואות למבקשים ללא ריבית. עם השנים, מספר הנזקקים הוותיקים הלך והצטמצם, אך מצד שני נוספו חברים שבגלל מצבם הפיזי והסוציאלי נזקקו לתמיכה קבועה: היו אלו חברים קשישים וחולים, וביניהם גם כאלה שלא חסכו לפנסיה. בשנות ה-90 כאשר איגוד יוצאי סין היה בן 40 שנה ומדינת ישראל חגגה את יום הולדתה ה-43, החלו לפנות לאיגוד בבקשת עזרה עולי ברית המועצות לשעבר אשר נולדו או התגררו בעברם בסין, וכעת נזקקו לא רק לעזרה כספית אלא גם נפשית. איגוד יוצאי סין לא הותיר איש ללא עזרה.

"בולטין" איגוד יוצאי סין

ב-1954 יצא לאור הגיליון הראשון של "בולטין" בשפה הרוסית. במשך ארבע שנים ראשונות הודפס כתב העת בשיטה הקטוגרפית במספר עותקים קטן. אך כאשר גדל הביקוש גם מארצות אחרות עברו לשיטה טיפוגרפית והגדילו את מספר העותקים. דפים אלה תארו את החיים הכלכליים, הפוליטיים והתרבותיים של ישראל וחיי המהגרים החדשים במולדת הצעירה. מאוחר יותר החל כתב העת להופיע עם מוספים בשפות אנגלית ועברית. לקראת 50 שנות קיום של איגוד יוצאי סין עלה מספר העותקים של ה"בולטין" ל-1100, והוא יצא לאור בשלוש שפות, חמש פעמים בשנה (כל חודשיים וחצי). ב-1999 כתב העת נמנע ל-550 קוראים בישראל, 600 מחוץ לגבולות הארץ, ל-24 ארצות ול-200 ערים. לאחר כינון היחסים הדיפלומטיים בין ישראל לסין ב-1992 והקמת אגודת הידידות ישראל סין, התווסף מוסף בשפה האנגלית "קול הידידות ישראל-סין".

המטרה העיקרית של "בולטין" היום: לקיים קשר בין יוצאי סין לשעבר המתגוררים בתפוצות לבין אלו שבישראל, להדק את הקשרים שלהם עם ישראל, להאיר את פעילות האיגוד, לחזק ולהפיץ חומר על ההיסטוריה העשירה והתרבות של יהודי סין.

בית הכנסת ומרכז התרבות

כאשר ב-1954 הרס השלטון הסיני בשנחאי את בית הכנסת האשכנזי בעיר, העבירו שלטונות סין לישראל סכום כספי השווה לערך המבנה בתנאי, שהכסף יהיה מיועד אך ורק לבניית בית כנסת בישראל. עיריית תל-אביב תרמה מגרש ברחוב הגולן באזור רמת-החייל למטרה זו. בעזרת הכסף שהגיע מסין וכן מתרומות נוספות של משפחת פונבה ויוצאי סין אחרים, החלה בניית בית הכנסת ב-1959. מקץ שנתיים, ב-6 לספטמבר 1961 נחנך הבניין לזכר הקהילות היהודיות בסין וכמרכז לתרבות. המבנה הוסיף נוי לאזור ששמו היה "שיכון שנחאי" ובו התנחלו יוצאי סין.

בית הכנסת מתקיים בתמיכתו הכספית של אגוד יוצאי סין. כאן שמורים ספרי התורה מבית הכנסת הראשי של חרבין. בבניין, לוחות זיכרון של מנהיגי הקהילות ושל יוצאי סין לשעבר שהלכו לעולמם בישראל ובעולם כולו ואשר תרמו להקמת הבניין. בשנת 2001, כאשר מלאו 40 שנה לבית הכנסת, ציין תדי קאופמן בדבריו ש"בית כנסת זה הוא לא רק מצבת זיכרון על עברנו בסין, אלא מחייב גם המשכת דרכם של כל אלו ששמותיהם הונצחו על קירות בית הכנסת, וכן לזכר אלו שעליהם מתפללים מדי חג בתפילת יזכור. הדאגה לבית הכנסת ברחוב הגולן 31, בתל-אביב היא חלק בלתי נפרד מעבודת האיגוד."

מצבות על קברי חברינו

איגוד יוצאי סין דאג להקמת מצבות על קברי חברינו מסין, אשר היו גלמודים בישראל ללא קרובי משפחה. משנפטר חבר גלמוד ללא משפחה וללא אמצעים כספיים, איגוד יוצאי סין דאג להקים מצבה על קברו.

מלגות לסטודנטים

לראשונה, ב-1956 החליטה וועדת נשים של יוצאי סין בארה"ב להעניק מלגה ראשונה לילדים של יוצאי סין המתגוררים בישראל והלומדים באוניברסיטאות בארץ. המילה ניתנה לסטודנט אחד בלבד. שנה מאוחר יותר הוקמה קרן מלגות על ידי ארגון

70 שנה לאיגוד יוצאי סין (1951-2021)

ציליה ליובמן

תירגמה מרוסית יהודית סנדל

בשדרות רוטשילד בתל-אביב, בבניין השייך למר קניג ואשר הושכר למשרדים של עורכי דין, הושכר גם משרד לא גדול ל"איגוד עולי סין".

הוועד הזמני התקיים עד הכנס הראשון של איגוד עולי סין בנתניה לאחר שנה ב-31-30 לאוקטובר 1953, אז נבחר הוועד המרכזי של איגוד עולי סין ומטרתו לרכז את הפעילות של הארגון.

בעשרת החודשים של הוועד הזמני הוקמה קופה למתן הלוואות, ששיתפה פעולה עם הבנק לקרדיט "גומלין". הוועד הזמני שמר על יחסים עם ה"סוכנות היהודית", וכן עם קהילות שנתרו עוד בסין ואף דאג להעלאת ספרי תורה עתיקים שנתרו בסין.

בעשר השנים הראשונות לקיום האיגוד (1951-1961) נוסדו קרנות לעזרה סוציאלית, לתמיכה ועוד. עם הזמן נבנו קשרים עם יוצאי סין שהיגרו לארצות אחרות ואשר הקימו גם שם עמותות - בסן-פרנסיסקו, סידני, לוס-אנג'לס ועוד. הם הציעו עזרה לאיגוד בישראל ושלחו תרומות כספיות לפעילות של האיגוד ועזרה במתן הלוואות כספיות לנזקקים. עם הזמן הקשרים התהדקו ופעילותם הורחבה.

ניהול איגוד יוצאי סין

יו"ר הראשון של האיגוד היה לב פיאסטונוביץ' (1951-1952), אחריו בוריס קוץ' (1953-1971). יו"ר השלישי היה תדי קאופמן (1972-2012). הניהול נקבע על ידי הוועד המרכזי של איגוד יוצאי סין והנהלת הוועד המרכזי.

שיבות הנהלת האיגוד התנהלו באופן קבוע שמונה פעמים בשנה, מדי חודש וחצי, ושיבות הוועד המרכזי - ארבע פעמים בשנה. נבחנו בקשות לעזרה קבועה או זמנית, מתן הלוואות ללא ריבית או תמורת אחוזי ריבית נמוכים. לעתים קרובות עמדו בפני ההנהלה בעיות דחופות, כמו בדיקת מצבם של האוכלוסייה המתבגרת או חולים שנקלעו לצרה. תפקידו של הוועד המרכזי היה לאשר את התקציב ואת המאזן הכספי של האיגוד.

כנסים של איגוד יוצאי סין

במשך 70 שנות קיום האיגוד התקיימו 15 כנסים ארציים (אחת לארבע שנים), בפני הנציגים הוגשו דיני חשבון על פעילות האיגוד, הוצגו תוכניות לעתיד. בנוסף, התקיימו עוד שתי פגישות: ישיבה בין ארצית ב-27 לאוקטובר 1952, וכנס מיוחד תחת הנהגתו של תדי קאופמן ב-2 לנובמבר 1971. שבעת הכנסים הראשונים התקיימו במקומות שונים: נתניה, מגדל-העמק, חיפה ובמושב עמימק, אך החל מהכנס ה-8 כל הכנסים התקיימו בתל-אביב ב"בית פונבה".

בשנת יובל לעלייה ההמונית של יהודים לישראל התקיים הכנס ה-14 של איגוד יוצאי סין. דין וחשבון קצר בכנס שהתקיים ב-9-8 לדצמבר 1999 הועלו הנושאים הרבים הבאים, קרן לעזרה סוציאלית, קרן למלגות, שי לחיילים, בית כנסת לזכר הקהילות היהודיות בסין, מצבות על קברי חברים, "בית-פונבה",

נחשול ההגירה היהודית מסין לישראל התרחש בשנים 1949-1952, שנים בהן מהגרים יהודיים מכל העולם התקבצו למדינה שזה עתה קמה. בתקופה זו סבלה הכלכלה הסינית מאינפלציה אדירה. כתוצאה מכך, המהגרים היהודים מסין, שהיו בגיל הביניים (מגיל 40 ומעלה) הגיעו לישראל ללא אמצעים כלכליים וללא מקצוע שישמש אותם במקום החדש.

מסין לישראל ניתן היה להגיע בדרכים שונות. דרך אחת היתה נסיעה ברכבת לטיינג'ן, משם באוניה להונג-קונג וטיסה לשדה תעופה בלוד. דרך נוספת הייתה דרך הים לחיפה, מסלול שהחל בשנגחאי ועצירה בנמלי ים זרים. בסוף המסע, הגיעו המהגרים לאיטליה ומשם הועלו לאוניות ישראליות שהביאו אותם לנמל חיפה.

רוב המהגרים עברו דרך מחנה "שער העלייה" לא הרחק מחיפה, ומשם פוזרו למחנות עולים השייכים ל"סוכנות היהודית". בסופו של דבר, התיישבו בכל מיני ערים בישראל כמו מגדל העמק, רמת ישי, נהריה, נתניה, בית שער, עתלית, פרדס חנה, כפר תבור ועוד. קבוצת עולים הקימה את המושב "עמימק", אחרים התיישבו בחדרה (גבעת אולגה). קבוצה נוספת של עולי סין החלה לבנות את "שכון שנחאי" הקרוב לתל-אביב, אזור המוכר היום כרמת החייל ונספח לתל-אביב. חלקם התיישב גם בתל-אביב, רמת-גן, חיפה והקריות וכן בירושלים.

כבר בצעדים הראשונים של הקליטה נתקלו בקשיים רבים. עלתה המחשבה על יצירת איגוד של עולים שהגיעו מסין מתוך מטרה להקל ולעזור בהתאקלמותם ובהייהם במולדת החדשה. ביוני 1951, כאשר הגיע לישראל יו"ר הקהילה היהודית בטיינג'ן ל: פיאסטונוביץ', עלתה היוזמה בעזרתו ובעזרתם הפעילה של עסקנים יהודים מחרבין, טיינג'ן ושנגחאי להקים את אגוד עולי סין. למטרה זו התאחדו ועדים שונים שהיו קיימים באותה עת. בוועד הזמני אושרו המטרות העיקריות למתן עזרה ותמיכה בעולים מסין. הפגישה ההיסטורית נערכה בקפה "פלטין" ברחוב נחלת בנימין בתל-אביב ב-4 לנובמבר 1951. מאותו הרגע החל האיגוד לפעול ב"מתן עזרה ליוצאי המזרח הרחוק", הגשת עזרה ותמיכה הדדית.

מקץ שנה, ב-27 לאוקטובר 1952, באזור שכון שנחאי שליד תל-אביב התקיימה ישיבה בהשתתפות 14 נבחרים של הוועד הזמני ו-22 נציגים מיישובים בהם הייתה קיימת אוכלוסיית עולי סין. בישיבה נבחר הוועד המרכזי הזמני של איחוד עולי סין וניתן לו השם "איגוד עולי סין". הועלו שאלות על האפשרות לגייס מספר רב של עולים לאיגוד, על עזרה במציאת עבודה, עזרה לנזקקים, עבודה תרבותית, לימוד השפה העברית ועוד.

בנושא עבודת הוועד הזמני, ציין הדובר תדי קאופמן בהדגשה, שאיגוד עולי סין "נושא אופי זמני, והמטרה העיקרית - לעזור להבין ולאהוב את ארצנו, עמנו וממשלתנו".

הנהלת איגוד יוצאי סין בישראל

מטרות ה"בולטין"

- בהוצאה לאור של ה"בולטין" שואף איגוד יוצאי סין לענות על הצרכים הבאים:
1. לעודד את תחושת השותפות בין תושבי הקהילה היהודית לשעבר של סין.
  2. לקיים ערוץ של קשר בין יוצאי סין בישראל ובגולה.
  3. לסייע באיסוף, שימור והוצאה לאור של מסמכים היסטוריים העוסקים בחיי אותה קהילה.
  4. לסייע לאיגוד יוצאי סין במילוי מטרותיו, במיוחד אלה שעוסקים בסיוע סוציאלי ובמלגות חינוכיות לבני דור ההמשך של יוצאי סין בישראל.

הועד המנהל:

יוסי קליין - יושב ראש
יעקב מטלין - סגן יו"ר
אלכס נחומסון - סגן יו"ר
אבי פודולסקי
יהודית סנדל
מילי מקוב

מזכירת העמותה:

אינה בקשייב

ועדת הביקורת:

משה ליכומנוב - יו"ר
אריאל אלדור

נציגי כבוד:

אסתר ונדל - חיפה והצפון
אבי פודולסקי - ירושלים והדרום

עורך ראשי: יוסי קליין

חברי המערכת:

יהודית סנדל
אינה בקשייב

כתובת של האיגוד:

איגוד יוצאי סין
רח' הברזל 31 רמת החייל
תל אביב 6971045
טל': 03-5171997
פקס: 03-5161631
דוא"ל: igud@jewsofchina.org

www.jewsofchina.org

ISSN - 0793-83365

איגוד יוצאי סין

נוסד ב - 1951

עמותה רשומה מס' 6-003066-58

ספטמבר 2021 • גליון מס' 420 • שנה 68 • תשרי - תשפ"ב

תוכן העיניינים

20.....ד"ר צביה באומן	עם לבדו ישכון	70 שנה לאיגוד יוצאי סין (1951-2021)
24.....	חיילים כותבים	5.....צציליה ליובמן
25.....	באיגוד יוצאי סין ואגודת יידות ישראל סין	9.....לזכרו של אברהם (אייבי) פרדקין
26.....	המוזיאון החדש למוסיקה יהודית בחרבין	מחרבין לישראל - סיפור שסיפרתי לילדי
27.....	לזכרו של ערן רוזן מילי מקוב	10.....שמואל רוזנבלום
	יחסו העוין של השלטון החדש (1931-1936)	מפגש עם סטודנטים מקבלי מלגות לשנה"ל
28.....	מרים פרידמן	16.....תשפ"א
31.....	חיילים כותבים (המשך)	17.....חלוקת מלגות לשנה"ל תשפ"ב
		18.....מקבלי מלגות תשפ"א

3

השנה מלאו שבעה עשורים להקמתו של איגוד יוצאי סין.

ביוני 1951 הוקם "איגוד עולי סין" בישראל, אשר מאוחר יותר שונה שמו ל"איגוד יוצאי סין".

בין השנים 1949-1952 הגיעו למדינת ישראל הצעירה עולים שהיוו שני דורות, שחיו בקהילות יהודיות ברחבי סין. ממליץ מאד על קריאת המאמר "70 שנה לאיגוד יוצאי סין (1951-2021)", קריאתו תאפשר לכם לצלול להיסטוריה של הקמת העמותה אגוד יוצאי סין, התפתחותה ופעילותה במשך 70 שנה.

פעילותו של איגוד יוצאי סין הייתה המשך ישיר לאורח חייהם של יהודי הקהילות בסין, שהתבססו על סיוע הדדי ושיתוף פעולה. במשך 70 שנה הוא קיים אך ורק מתרומות החברים ותלוי לחלוטין בתמיכת יוצאי סין וצאצאיהם, הפעילות נשארה כפי שהייתה במשך כל 70 השנים: סיוע כלכלי לנזקקים, מלגות לסטודנטים וקשר לחיילי צבא ההגנה לישראל, תוך שמירה על ארכיון האגוד שבו חלקים מההיסטוריה של היהדות בסין ומקור למי שרוצה לקבל מידע רב ערך על השורשים שלהם והמורשת המפוארת של יהדות סין. ביצוע הפעילות דורש כספים וכל הפעילות שלנו לא יכולה להמשיך ללא תמיכה כלכלית של חברי האגוד. מודל הפעילות של האיגוד בארץ, היווה המשך ישיר להתנהלות חיי הקהילות היהודיות בסין - פעילות ציונית ותרבותית, תוך שמירה על הזהות היהודית ועזרה הדדית לחברי הקהילה. כיום מתמקד האיגוד במטרה לעודד את הדור שנולד בארץ והינו צאצא ליהודי סין - לקחת חלק ולעזור בשימור המשכיות הקיום של האיגוד.

בהזדמנות זו, מאחל לכם ולמשפחותיכם שנה טובה ומתוקה! שנה שבה נגלה ערבות הדדית ואחדות, ובעיקר שנזכה בשנה זו לבריאות איתנה ובשורות טובות.

בשם ועד מנהל של איגוד יוצאי סין, אני מזמין אתכם להיות שותפים פעילים בחיזוק ושימור מורשת יהדות סין. בואו להניף את הדגל והמשיכו את המשימה שלקחו על עצמם סביכם והוריהם. הצטרפו להמשך פעילותו של האיגוד בשנים הבאות.

70 שנה לפעילות איגוד יוצאי סין

בית הכנסת, 1961

כניסה ראשית בבית כנסת לזכר קהילות יהודיות בסין

אולם אירועים בבית מונבה, 1973

תדי קאופמן בכנס מורשת בחרבין, 2006

ארכיון איגוד יוצאי סין

הכרזה על הקמת עמותת יודות ישראל סין, 1992

ב.ו.ל.ט.י.ן

מוסף עברי

בטאון

איגוד יוצאי סין

www.jewsofchina.org

ספטמבר 2021 • גליון מס' 420 • שנה 87 • תשרי - תשפ"ב

1951-2021

מפת פסיפס של הקהילות
היהודיות בסין על קיר אולם
התרבות בבית הכנסת לזכר
הקהילות בתל-אביב